

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА *Р* БОЛЬШИЕ КНИГИ

Владимир
Железников

ЧУЧЕЛО
ИГРА МОТЫЛЬКОВ
ПОСЛЕДНИЙ
ПАРАД

« А З Б У К А »

Русская литература. Большие книги

Владимир Железников

**Чучело. Игра мотыльков.
Последний парад**

«Азбука-Аттикус»

1961, 1963, 1966, 1968, 1974, 1981, 2000

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Железников В. К.

Чучело. Игра мотыльков. Последний парад / В. К. Железников —
«Азбука-Аттикус», 1961, 1963, 1966, 1968, 1974, 1981,
2000 — (Русская литература. Большие книги)

ISBN 978-5-389-22284-7

Владимир Карпович Железников (1925–2015) неизменно писал о детстве и юности, но так, что его книги увлекают читателей любого возраста. Его персонажи часто действуют без особой рефлексии — как требует их природа. Природа может потребовать «неоправданной жестокости», а может и самопожертвования. Но иногда вдруг наступает особый момент прозрения и каждый видит всё — и себя в том числе — в истинном свете, удивительно ясно, без всяких прикрас. Тогда презируемое «чучело» и смешной чудаки из шестого «Б» вдруг оборачиваются чудесными пришельцами, носителями добра, а вчерашний герой оказывается предателем и трусом... Повести Железникова многократно экранизировались. Фильм «Чучело», снятый Роланом Быковым в 1983 году, с юной Кристиной Орбакайте в главной роли, стал по-настоящему культовым.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-22284-7

© Железников В. К., 1961, 1963, 1966,
1968, 1974, 1981, 2000
© Азбука-Аттикус, 1961, 1963, 1966,
1968, 1974, 1981, 2000

Содержание

Чучело	6
Глава первая	6
Глава вторая	7
Глава третья	13
Глава четвертая	15
Глава пятая	22
Глава шестая	33
Глава седьмая	38
Глава восьмая	51
Глава девятая	62
Глава десятая	68
Глава одиннадцатая	74
Глава двенадцатая	83
Глава тринадцатая	89
Глава четырнадцатая	95
Игра мотыльков	104
Первая часть	104
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Владимир Железников

Чучело. Игра мотыльков. Последний парад

© В. К. Железников (наследники), 2023

© Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

* * *

Чучело

Глава первая

Ленка неслась по узким, причудливо горбатым улочкам городка, ничего не замечая на своем пути.

Мимо одноэтажных домов с кружевными занавесками на окнах и высокими крестами телеантенн – вверх!..

Мимо длинных заборов и ворот, с кошками на их карнизах и злыми собаками у калиток – вниз!..

Куртка нараспашку, в глазах отчаяние, с губ слетал почти невнятный шепот:

– Дедушка!.. Милый!.. Уедем! Уедем! Уедем!.. – Она всхлипывала на ходу. – Навсегда!.. От злых людей!.. Пусть они грызут друг друга!.. Волки!.. Шакалы!.. Лисы!.. Дедушка!..

– Вот ненормальная! – кричали ей вслед люди, которых она сбивала с ног. – Летит как мотоциклетка!

Ленка взбегала вверх по улице на одном дыхании, словно делала разбег, чтобы взлететь в небо. Она и в самом деле хотела бы тотчас взлететь над этим городком – и прочь отсюда, прочь! Куда-то, где ждали ее радость и успокоение.

Потом стремительно скатывалась вниз, словно хотела снести себе голову. Она и в самом деле была готова на какой-нибудь отчаянный поступок, не щадя себя.

Подумать только, что же они с нею сделали! И за что?!

Глава вторая

Ленкин дед, Николай Николаевич Бессольцев, уже несколько лет жил в собственном доме в старом русском городке на берегу Оки, где-то между Калугой и Серпуховом.

Это был городок, каких на нашей земле осталось всего несколько десятков. Ему было больше восьмисот лет. Николай Николаевич хорошо знал, высоко ценил и любил его историю, которая как живая вставала перед ним, когда он бродил по его улочкам, по крутым берегам реки, по живописным окрестностям с древними курганами, заросшими густыми кустарниками жимолости и березняком.

Городок за свою историю пережил не одно бедствие.

Здесь над самой рекой, на развалинах старого городища, стоял когда-то княжеский двор, и русская дружина насмерть дралась с несметными полчищами ханских воинов, вооруженных луками и кривыми саблями, которые с криками: «Та Русь! Та Русь!..» – на своих низкорослых, крепких конях пытались переправиться с противоположного берега на этот, чтобы разгромить дружину и прорваться к Москве.

И Отечественная война 1812 года задела городок своим острым углом. Армия Кутузова тогда пересекала его вереницей солдат и беженцев, повозок, лошадей, легкой и тяжелой артиллерии со всевозможными мортирами и гаубицами, с запасными лафетами и полевыми кузницами, превратив и без того худые местные дороги в сплошное месиво. А потом по этим же дорогам русские солдаты с невероятной, почти нечеловеческой отвагой, не щадя живота своего, днем и ночью, без передыха гнали измученных французов обратно, хотя совсем было непонятно, откуда они взяли силы. После такого длинного отступления, голода и эпидемий.

И отсвет завоевания Кавказа русскими коснулся городка – где-то здесь в великой печали жил пленный Шамиль и горцы, которые его сопровождали. Они слонялись по узким улочкам, и их безумный тоскующий взор напрасно искал на горизонте гряды гор.

А первая империалистическая как буря унесла из городка всех мужчин и вернула их наполовину калеками – безрукими, безногими, но злыми и бесстрашными. Свобода была дороже им собственной жизни. Они-то и принесли революцию в этот тихий, маленький городок.

Потом, много лет спустя, пришли фашисты – и прокатилась волна пожаров, виселиц, расстрелов и жестокого опустошения.

Но прошло время, окончилась война, и городок вновь возродился. Он стоял теперь, как и прежде, размашисто и вольно на нескольких холмах, которые крутыми обрывами подступали к широкой излучине реки.

На одном из таких холмов и возвышался дом Николая Николаевича – старый, сложенный из крепких бревен, совершенно почерневших от времени. Его строгий, простой мезонин с прямоугольными окнами затейливо украшали четыре балкончика, выходящие на все стороны света.

Черный дом с просторной, открытой ветрам террасой был совсем не похож на веселые, многоцветно раскрашенные домики соседей. Он выделялся на этой улице, как если бы суровый седой ворон попал в стаю канареек или снегирей.

Дом Бессольцевых давно стоял в городке. Может быть, более ста лет.

В лихие годы его не сожгли.

В революцию не конфисковали, потому что его охраняло имя доктора Бессольцева, отца Николая Николаевича. Он, как почти каждый доктор из старого русского городка, был здесь уважаемым человеком. При фашистах он устроил в доме госпиталь для немецких солдат, а в подвале в это время лежали раненные русские, и доктор лечил их немецкими лекарствами. За это доктор Бессольцев и был расстрелян, здесь же, посреди своего широкого двора.

На этот раз дом спасло стремительное наступление Советской армии.

Так дом стоял себе и стоял, всегда переполненный людьми, хотя мужчины Бессольцевы, как и полагалось, уходили на разные войны и не всегда возвращались.

Многие из них остались лежать где-то в безвестных братских могилах, которые печальными холмами разбросаны повсеместно в Центральной России, и на Дальнем Востоке, и в Сибири, и во многих других местах нашей земли.

До приезда Николая Николаевича в доме жила одинокая старуха, одна из Бессольцевых, к которой все реже и реже наезжали родственники, – как ни обидно, а род Бессольцевых частично рассыпался по России, а частично погиб в борьбе за свободу. Но все же дом продолжал жить своей жизнью, пока однажды разом не отворились все его двери и несколько мужчин молча, медленно и неловко вынесли из него на руках гроб с телом сухонькой старушки и отнесли на местное кладбище. После этого соседи заколотили двери и окна бессольцевского дома, забили отдушины, чтобы зимой дом не отсырел, прибили крестом две доски на калитку и ушли.

Впервые дом оглох и ослеп.

Вот тут-то и появился Николай Николаевич, который не был в городке более тридцати лет.

Он только недавно похоронил свою жену и сам после этого тяжело заболел.

Николай Николаевич не боялся смерти и относился к этому естественно и просто, но он хотел обязательно добраться до родного дома. И это страстное желание помогло ему преодолеть болезнь, снова встать на ноги, чтобы двинуться в путь. Николай Николаевич мечтал попасть в окружение старых стен, где длинными бессонными ночами перед ним мелькали бы вереницы давно забытых и вечно памятных лиц.

Только стоило ли ради этого возвращаться, чтобы на мгновение все это увидеть и услышать, а потом навсегда потерять?

«А как же иначе?» – подумал он и поехал в родные края.

В страшные часы своей последней болезни, в это одиночество, а также в те дни, когда он буквально погибал от военных ран, когда нет сил ворочать языком, а между ним и людьми появлялась временная полоса отчуждения, голова у Николая Николаевича работала отчетливо и целеустремленно. Он как-то особенно остро ощущал, как важно для него, чтобы не порвалась тоненькая ниточка, связывающая его с прошлым, то есть – с вечностью...

Целый год до его приезда дом простоял заколоченный. Его поливали дожди, на крыше лежал снег, и никто его не счищал, поэтому крыша, и так уже давно не крашенная, во многих местах прохудилась и проржавела. А ступени главного крыльца совсем прогнили.

Когда Николай Николаевич увидел свою улицу и свой дом, сердце у него заколотилось так сильно, что он испугался, что не дойдет. Он постоял несколько минут, отдышался, твердым военным шагом пересек улицу, решительно оторвал крест от калитки, вошел во двор, отыскал в сарае топор и стал им отрывать доски от заколоченных окон.

Неистово работая топором, забыв впервые о больном сердце, он думал: главное – отколотить доски, открыть двери, распахнуть окна, чтобы дом зажил своей постоянной жизнью.

Николай Николаевич закончил работу, оглянулся и увидел, что позади него, скорбно сложив на груди руки, стояло несколько женщин, обсуждающих его, прикидывая, кто бы из Бессольцевых мог это быть. Но они все были еще так молоды, что не могли знать Николая Николаевича. Перехватив его взгляд, женщины заулыбались, сгорая от любопытства и желания поговорить с ним, но он молча кивнул всем, взял чемоданчик и скрылся в дверях.

Николай Николаевич ни с кем не заговорил не потому, что был так нелюдим, просто каждая жилка дрожала у него внутри при встрече с домом, который был для него не просто дом, а его жизнь и колыбель.

По памяти дом всегда казался ему большим, просторным, пахнущим теплым воздухом печей, горячим хлебом, парным молоком и свежевывмытыми полами. И еще когда Николай Николаевич был маленьким мальчиком, то всегда думал, что у них в доме живут не только «живые люди», не только бабушка, дедушка, папа, мама, братья и сестры, приезжающие и уезжающие бесчисленные дяди и тети, а еще и те, которые были на картинах, развешанных по стенам во всех пяти комнатах.

Это были бабы и мужики в домотканых одеждах, со спокойными и строгими лицами.

Дамы и господа в причудливых костюмах.

Женщины в расшитых золотом платьях со шлейфами, со сверкающими диадемами в высоких прическах. Мужчины в ослепительно-белых, голубых, зеленых мундирах с высокими стоячими воротниками, в сапогах с золотыми и серебряными шпорами.

Портрет знаменитого генерала Раевского, в парадном мундире, при многочисленных орденах, висел на самом видном месте.

И это чувство, что «люди с картин» на самом деле живут в их доме, никогда не покидало его, даже когда он стал взрослым, хотя, может быть, это и странно.

Трудно объяснить, почему так происходило, но, будучи в самых сложных переделках, в предсмертной агонии, на тяжелой кровавой работе войны, он, вспоминая дом, думал не только о своих родных, которые населяли его, но и о «людях с картин», которых он никогда не знал.

Дело в том, что прапрадед Николая Николаевича был художник, а отец, доктор Бессольцев, отдал многие годы своей жизни, чтобы собрать его картины. И сколько Николай Николаевич себя помнил, эти картины всегда занимали главное место в их доме.

Николай Николаевич отворил дверь с некоторой опаской. Вдруг там что-нибудь непорочно изменилось. И он оказался прав – стены дома были пусты, исчезли все картины!

В доме пахло сыростью и затхлостью. На потолке и в углах была паутина. Многочисленные пауки и паучки, не обращая на него внимания, продолжали свою кропотливую искусную работу.

Полевая мышка, найдя приют в брошенном доме, как цирковой канатоходец, несколько раз весело пробежала по проволоке, которая осталась на окне от занавесей.

Мебель была сдвинута со своих привычных мест и зачехлена старыми чехлами.

Страх и ужас до крайней степени овладели Николаем Николаевичем – подумать только, картины исчезли! Он попробовал сделать шаг, но поскользнулся и еле устоял – пол был покрыт тонким слоем легкого инея. Тогда он заскользил дальше, как на лыжах, оставляя длинные следы по всему дому.

Еще комната!

Еще!

Дальше!

Дальше!..

Картин нигде не было!

И только тут Николай Николаевич вспомнил: сестра писала ему в одном из последних писем, что сняла все картины, увернула их в мешковину и сложила на антресоли в самой сухой комнате.

Николай Николаевич, сдерживая себя, вошел в эту комнату, влез на антресоли и дрожащими руками стал вытаскивать одну картину за другой, боясь, что они погибли, промерзли или отсырели.

Но произошло чудо – картины были живы.

Он с большой нежностью подумал о сестре, представив себе, как она снимала картины, прятала их, чтобы сохранить. Как она, несильная, усохшая с годами, аккуратно упаковала каждую картину. Видно, трудилась целыми днями не один месяц, исколола себе все руки иголкой,

пока зашивала грубую мешковину. Один раз упала с полатей – да она писала ему и об этом, – отлежалась и вновь паковала, пока не закончила своей последней в жизни работы.

Теперь, когда картины нашлись, Николай Николаевич взялся за дом. Первым делом он затопил печи, а когда стекла окон запотели, отворил их настежь, чтобы вышла из дома сырость. А сам все подкладывал и подкладывал в печи дрова, замороженный пламенем и гулом огня. Потом он вымыл стены, принес стремянку, добрался до потолков и наконец, меняя несколько раз воду, выскоблил тщательно полы, половицу за половицей.

Постепенно всем своим существом Николай Николаевич почувствовал тепло родных печей и привычный запах родного дома – он радостно кружил ему голову.

Впервые за последние годы Николай Николаевич освобожденно и блаженно вздохнул.

Вот тогда-то он снял чехлы с мебели и расставил ее. И наконец развесил картины... Каждую на свое место.

Николай Николаевич огляделся, подумал, что бы сделать еще, – и вдруг понял, что ему больше всего хочется сесть в старое отцовское кресло, которое называлось волшебным словом «вольтеровское». В детстве ему не разрешалось этого делать, а как хотелось забраться на него с ногами!..

Николай Николаевич медленно опустился в кресло, откинулся на мягкую спинку, облокотился на подлокотники и просидел так неизвестно сколько времени. Может быть, час, а может быть, три, а может, остаток дня и всю ночь...

Дом ожил, заговорил, запел, зарыдал... Множество людей вошли в комнату и окружили кольцом Николая Николаевича.

Николай Николаевич думал о разном, но каждый раз возвращался к своей тайной мечте. Он думал о том, что когда он умрет, то здесь поселится его сын с семьей.

И видел воочию, как сын входит в дом. И конечно, невидимые частицы прошлого пронзят и прогреют его тело, запульсируют кровью, и он уже никогда не сможет забыть родного дома. Даже если уедет в одну из своих экспедиций, где будет искать редчайшие цветы, взбираясь высоко в горы и рискуя сорваться в пропасть, только затем, чтобы посмотреть на едва заметный бледно-голубой цветок на тонком стебельке, который растет на самом краю отвесной скалы.

Нет, Николай Николаевич как раз понимал: жизнью надо рисковать непременно, иначе что же это за жизнь, это какое-то бессмысленное спанье и обжирание. Но все же он мечтал о том, чтобы сын его вернулся домой или возвращался, чтобы снова уезжать, как это делали прочие Бессольцевы в разные годы по разным поводам.

Когда он очнулся, лучи солнца радужным облачком клубились в доме и падали на портрет генерала Раевского. И тогда Николай Николаевич вспомнил, как он в детстве ловил первые солнечные лучи на этой же картине, и грустно и весело рассмеялся, подумав, что жизнь безвозвратно прошла.

Николай Николаевич вышел на крыльцо и увидел, что солнце осветило балкончик, который выходил на восток, и двинулось, чтобы сделать еще одно кольцо вокруг дома.

Он взял топор, нашел рубанок и пилу, отобрал несколько досок, чтобы починить крыльцо. Как он давно этим не занимался, хотя видно – эта работа крепко «сидела» у него в руках. Он делал все не очень ловко, но с большой охотой – ему нравилось держать обыкновенную доску, нравилось скользить по ней рубанком, и городская суэта многих последних лет незримо уходила из его сознания.

Дом ему скажет за это спасибо, подумал Николай Николаевич, и он скажет спасибо дому.

Потом Николай Николаевич взобрался на крышу, и лист железа, поднятый ветром, ударил его по спине так сильно, что чуть не сбил с крыши – он чудом удержался...

Вот тут он впервые почувствовал острый голод, такой у него бывал только в юности, когда он от голода мог потерять сознание. И неудивительно. Николай Николаевич не знал, сколько

прошло времени, как он приехал, не помнил, что он ел и ложился ли спать. Он работал по дому и не замечал мелькания коротких зимних дней. Раннее утро он не отличал от позднего вечера.

Николай Николаевич пошел на базар, купил квашеной капусты, картошки, сухих черных грибов и сварил кислые грибные щи. Съел две тарелки и лег спать.

Встал, по-прежнему не ощущая времени, снова съел щей, звонко рассмеялся, ловя себя на мысли, что узнаёт в интонациях своего смеха смех отца, и снова почему-то лег спать...

С тех пор прошло несколько лет, и Николай Николаевич забыл про свои болезни. Он жил, жил и чувствовал, что стал вынослив, как крепкое старое дерево, хорошо политое весенним дождем.

Его то и дело видели не по возрасту стремительно бегущим по кривым улочкам городка то в одну сторону, то в другую, очевидно без всякого дела, хотя иногда он нес что-нибудь завернутое в материю, – тогда лицо его вдохновенно светилось и молодело.

Те, кто считались сведущими, судачили, что он ищет какие-то картины. Тратит на них уйму денег, а оставшиеся, все без остатка, отдает за дрова. И топит – подумать только! – все печи каждый день, а в морозы и по два раза, чтобы эти его картины не отсырели. И всегда почему-то ночью, зажигая свет во всех комнатах.

Сколько же у него деньжищ уходило зазря: легким дымом через печные трубы в небо, ярким светом электричества в ночь, а главное, на новые картины – мало ему было своих!

Вот поэтому и гол как сокол.

В городке относились к Николаю Николаевичу с настороженным вниманием.

То, как он жил, горожанам было непонятно и недоступно, но у многих вызывало уважение. И между прочим, люди привыкли к тому, что дом Бессольцевых светился ночью и стал в городке своеобразным маяком, ориентиром для запоздалых путников, издалека возвращавшихся в темноте домой.

Ночью дом был как свеча в непроглядной мгле.

Соседи могли подумать про Николая Николаевича, что он до ужаса одинок и поэтому несчастен. Он вечно бродил по городку один, в неизменной кепке, которую носил, низко сдвинув на лоб, и в потертом пальто с большими аккуратными заплатками на локтях.

За это дети дразнили его «заплаточником», но кажется, он их даже не замечал. Редко-редко он вдруг оглядывался и смотрел им вслед с нескрываемым удивлением. Тогда они стремительно уносились от него, хотя он никогда не ругался и не гнался за ними.

Если с ним вступали в праздные разговоры, то он отвечал односложно и быстро уходил прочь, нахохлившись, как птица на холоде.

Но однажды Николай Николаевич появился на улицах городка не один. Он шел в сопровождении девочки лет двенадцати, какой-то необычно важный и гордый, непохожий на себя. Останавливался с каждым встречным-поперечным и произносил одну и ту же фразу, показывая на девочку:

«А это Лена... – И, внушительно помолчав, добавлял: – Моя внучка». Ну как будто рядом с ним была не девчонка, а какая-нибудь всемирно известная величина.

А внучка его, Ленка, каждый раз отчаянно смущалась и не знала, куда деваться.

Она была нескладным подростком, еще теленком на длинных ногах, с такими же длинными нелепыми руками. На спине у нее торчали, как крылышки, лопатки. Подвижное лицо украшал большой рот, с которого почти никогда не сходила доброжелательная улыбка. А волосы были заплетены в два тугих канатика.

В первый же день своего появления в городке Ленка раз по сто появлялась на каждом из четырех балкончиков и с любопытством смотрела на все четыре стороны света. Ее в равной степени интересовали и север, и юг, и восток, и запад.

Жизнь Николая Николаевича после приезда Ленки почти не изменилась. Правда, теперь в магазин за творогом и молоком бегала Ленка, а сам он изредка покупал на базаре мясо, что раньше за ним не водилось.

Осенью Ленка пошла в шестой класс.

Вот тогда-то и произошла эта история, которая навсегда сделала Бессольцевых – Николая Николаевича и Ленку – знаменитыми людьми. Отзвук этих событий, как колокольный звон, долго еще носился над городком, отзываясь по-разному в жизни тех людей, которые были в них замешаны.

Глава третья

Весь городок был усыпан опавшими листьями – сады, дворы, тротуары, крыши домов. И даже небольшая площадь, именуемая главной, расположенная между универмагом, бывшим собором, и магазином «Хозтовары», сплошь была покрыта сухим и ломким листом.

Единственная уборочная машина и не думала бороться с этим невиданным листопадом.

Ее шофер Петька, молодой нахальный парень, открыв дверцу кабины и свесив наружу ноги в громадных болотных сапогах, курил «Беломор» в ожидании частных просителей, которым надо было что-то подбросить из магазина домой.

Грачи готовились в дальнюю дорогу. Несметными стаями носились они над городком, криками сгоняя с деревьев ленивых птенцов, присевших не вовремя отдохнуть.

Ока вздулась и потемнела от осеннего паводка, хотя по ней еще шустро бегали последние катера. Старый паром вытащили на берег и крепко-накрепко привязали к древним могучим ветлам, чтобы его не унес неудержимый весенний разлив.

И в этой кутерьме Ленка целыми днями носилась по городу. Она не уставала удивляться странностям жизни: грачи улетали, чтобы обязательно вернуться; паром вытаскивали из воды, чтобы весной вновь опустить на реку; деревья опадали, чтобы снова обрасти молодыми и крепкими листьями. Вот такая у нее была славная и интересная жизнь.

И вдруг все это перестало существовать. Она не слышала голоса людей, не видела, куда ведут ее дороги, не замечала, что ест и что пьет.

Случилось это в начале ноября, во время осенних каникул, а закончилось в первый школьный день. Всего-то несколько дней и продолжалась эта история, а жизнь Ленке перевернула.

В тот день Ленка долго бродила по городку, пока не оказалась в тополиной рощице около скульптуры «Уснувший мальчик».

Мальчик лежал на спине, слегка подогнув ноги, вытянув руки вдоль тела и склонив голову к плечу.

Он всегда был грустным, а сегодня показался Ленке на редкость печальным. Может быть, оттого, что слишком низко висели над землей тучи, или оттого, что на душе у Ленки было тревожно.

Только она почувствовала себя одинокой и никому здесь не нужной, и ей захотелось немедленно уехать из этого городка...

Николай Николаевич, мало что замечая вокруг, занимался своим любимым делом. Он стоял на табурете и легкими движениями мягкой волосяной щетки смахивал невидимые пылинки с картин. Это занятие было ему так по сердцу, что он даже напевал себе под нос. И когда в комнату вбежала Ленка, то он сначала не заметил, что она чем-то сильно возбуждена, что куртка у нее нараспашку, губы крепко сжаты, а в глазах отчаяние.

Ленка одним махом вытряхнула из портфеля учебники и тетради и начала беспорядочно впихивать в него свои вещи, которые попадались ей на глаза.

– Тише!.. Тише!.. Безумная! – Николай Николаевич провел щеткой по золотому эполету Раевского. – Лучше оглянись вокруг! Посмотри, какая тебя окружает красота. Этим картинам больше ста лет, а они с каждым годом делаются все прекрасней и прекрасней...

Ленка, не обращая внимания на дедушку, продолжала лихорадочно собираться.

– Ничего ты в этом не смыслишь, скажу я тебе, Елена, хотя и не глупая девица. – Николай Николаевич грустно покачал головой. – Ну что ты топаешь как слон, только пыль выбиваешь из досок.

– Дай мне денег на дорогу, – сказала Ленка, торопливо застегивая портфель.

– А ты далеко собралась? – Теперь Николай Николаевич провел щеткой по многочисленным орденам генерала.

– Я уезжаю.

– А почему в такой спешке? – Он улыбнулся, и лицо его от этого непривычно помолодело. – Ты что, покидаешь тонущий корабль?

– У Димки Сомова сегодня день рождения, – в отчаянии ответила Ленка.

– А тебя не пригласили, и поэтому ты решила уехать? Несерьезный ты человек, Елена. Суетишься. Переживаешь всякую ерунду... Бери пример с генерала Раевского...

– Дедушка, дай мне, пожалуйста, денег на билет, – жалобно перебила Ленка.

– А куда ты едешь, если не секрет? – Николай Николаевич впервые внимательно посмотрел на Ленку.

– К родителям, – ответила Ленка.

Портфель расстегнулся, и она со злостью вновь его застегнула.

– К родителям?! – Вот тут Николай Николаевич забыл про свои картины и соскочил с табурета. – И не думай!.. – Он погрозил ей пальцем. – Ишь ты выдумала! Чтобы я отсюда? Никуда!.. Никогда!.. Ни ногой!

– А ты мне не нужен! – крикнула Ленка. – Я сама уеду! Одна!

– А кто тебя отпустит?.. Какая самостоятельная! Они тебя привезли, они пусть и увозят. – Николай Николаевич провел блуждающим взором по картинам и сказал тихо-тихо: – Пойми, я только этим и жив. – Он протянул руку к Ленке: – Отдай портфель.

Ленка отскочила, стала по другую сторону стола и крикнула:

– Дай денег!

– Никуда! Ты поняла?.. Никуда ты не поедешь! – ответил Николай Николаевич. – И оставим в покое эти глупости.

– Дай денег! – Ленка стала как бешеная. – А не то... я что-нибудь украду и продам.

– В нашем-то доме? – Николай Николаевич рассмеялся.

Смех Николая Николаевича обидел Ленку. Она беспомощно оглянулась, ища выхода из положения, и вдруг крикнула:

– Я твою картину украду! – Бросила портфель и в лихорадке начала снимать со стены картину, которая висела к ней ближе других.

– Картину?! – Николай Николаевич неожиданно быстро подошел к Ленке и отвесил ей такую пощечину, что она отлетела в угол комнаты, а сам в ужасе отступил.

Ленка подхватила портфель и рванулась к двери. Николай Николаевич успел ее схватить. Она укусила его за руку, вырвалась и убежала.

– Я тебе все равно не дам денег! – крикнул он ей вслед, натягивая пальто. – Не дам!.. Елена, остановись!.. Вот бешеная! – И, торопясь, не попадая рукой в рукав пальто, выбежал из дома.

Глава четвертая

А в это время веселый шестиклассник Валька мчался по берегу реки, никак не рассчитывая на то, что вечером ему приклеят позорную кличку Живодер. Он был одет по-праздничному: в чистой рубашке и при галстуке. В руке крутил собачий поводок с ошейником, а носком сапога все время сшибал пустые консервные банки, разбросанные еще с лета там и сям нахальными туристами. Он старался попасть в птиц и кур, тихо блуждающих в кустарнике, или в котов, мирно лоящих последние лучи осеннего солнца. И если ему удавалось поразить какую-нибудь цель, то собственная ловкость вызывала в нем прилив бурной радости.

Валька затормозил около старого дуба – из его дупла торчали две мальчишеских головы.

– Вы что там делаете, мелюзга несчастная? – строго спросил Валька.

– Мы ничего, – испуганно ответили те. – Мы в пожарников играем.

– А ну вылазь! – Валька выразительно хлопнул поводком по голенищу резинового сапога, как какой-нибудь американский плантатор из девятнадцатого века, хотя, между прочим, ничего не знал про них, ибо плохо разбирался в науке под названием история. – Собирай листья! Засовывай их в дупло! Живо!! Пошевеливайся!..

Мальчишки, ничего не понимая, собирали в охапку листья и засовывали их в дупло. Но вот они набили его доверху, Валька чиркнул спичкой и... бросил ее в дупло на листья – те тут же занялись пламенем.

– Ты что?! – взбунтовались мальчишки и бросились к дереву.

Но Валька перехватил их и не отпускал, пока пламя не разгорелось, хотя они бились у него в руках и ревели. Потом с криком: «Вперед!.. На пожар!.. Пожарники!..» – выпустил и удалился.

Так он шел по земле, издавая вопли восторга, оставляя позади себя крики возмущенных жертв.

Валька спешил на встречу со своими друзьями, чтобы идти на день рождения к Димке Сомову. Он еще издали увидел их: Лохматого и Рыжего – они сидели на скамейке у речной пристани, – подскочил к ним, с размаху бухнулся рядом и спросил:

– Ну что, баламуты, жрать охота? – зашелся мелким смехом и добавил: – И мне тоже!.. Как подумаю про сомовские пироги, слюнки текут.

– А я меду с молоком навернул, – ответил Лохматый и мечтательно добавил: – Липа в этом году долго цвела – мед вкусный.

– А мне бабка ничего не дала, – вздохнул Валька. – Чего, говорит, переводить продукт, раз ты в гости идешь.

– Хитрая у тебя бабка, – сказал Лохматый.

– Хитрая-то хитрая, а свою жизнь под откос пустила, – ответил Валька. – Ни кола ни двора. Вот Сомову хорошо. В рубашке родился. И родители деньгу зашибают, и красавчик, и голова работает на пятерки... Так и хочется ему мордочку почистить.

– Завидуешь ты, Валька, – сказал Лохматый.

– А ты нет?.. – Валька усмехнулся. – Чего там... Все люди лопаются от зависти. Только одни про это говорят, а другие врут, что они не завистливые.

– А мне-то чего завидовать? – удивился Лохматый. – Нам в лесничестве хорошо. Воля. И вообще я кого хочешь в бараний рог согну.

– Ну и что? – Валька презрительно сплюнул. – Сила – не деньги. На нее масла не купишь. Лохматый неожиданно схватил Вальку одной рукой за шею и крепко сжал.

– Отпусти! – завопил Валька.

– Рыжий, что главное в человеке? – спросил Лохматый.

– Сила! – встрепенулся Рыжий, выходя из глубокой задумчивости.

– А Валька ее не уважает, – сказал Лохматый. – Говорит, главное в человеке зависть.
– Отпусти! – вопил Валька. – Уважаю я силу!.. Уважаю! Отпусти! Задушишь!..

Лохматый разжал руку и освободил Вальку. Тот на всякий случай отбежал в сторону.

– Натрескался меду! – Валька потер шею. – Силища как у трактора. Не в отца... – Он что-то в злости хотел еще добавить, но передумал.

– Ты моего отца не трожь, – угрюмо ответил Лохматый. – Он у меня весь изрешеченный и битый-перебитый всякой сволочью.

– Смотрите! Шмакова идет! – сказал Рыжий. – Ну выступает!

Лохматый и Валька оглянулись и обалдели.

Шмакова была не одна, ее сопровождал Попов, но все смотрели на нее. Она не шла, а несла себя, можно сказать, плыла по воздуху. Попов рядом с нею был неказистым и неловким, потому что Шмакова нарядилась в новое белое платье, в новые белые туфли и повязала волосы белой лентой. Не по погоде, конечно, зато она блистала во всем своем великолепии.

– Ну, Шмакова, ты даешь! – простонал Валька. – Тебя же в этих туфельках на руках надо нести.

– Артистка эстрады, – сказал Лохматый.

– Сомов упадет, – констатировал Рыжий.

– А мне на Сомова наплевать, – пропела Шмакова, очень довольная собой.

– Что-то незаметно, – сказал Лохматый.

– Хи-хи-хи! – вставил Валька.

– Ха-ха-ха! – присоединился к ним Рыжий.

Попов посмотрел на Шмакову, его круглая курносая физиономия приобрела жалобное выражение.

– Ребя, не надо, а? – попросил Попов. – Лучше пошли к Сомову.

Все радостно заорали, что пора к Сомову, но Лохматый перебил их и сказал, что надо подождать Миронову.

– Наплевать нам на Миронову, – расхрабрился Валька. – Кто она такая – Миронова?.. Кнопка.

– Железная, – наставительно вставил Рыжий.

– Кому сказано – подождем Миронову! – грозно повторил Лохматый.

– Конечно, подождем, – испуганно согласился Валька. – Да и Васильева еще нет.

И тут появился Васильев – худенький мальчик в очках.

– А меня ждать не надо, – сказал Васильев. – Я к Сомову не пойду.

– Почему? – раздался чей-то голос.

Все оглянулись и увидели Миронову. Она была, как всегда, аккуратно причесана и подчеркнута скромно одета. Под курткой у нее было самое обыкновенное форменное коричневое платье.

– Привет, Миронова, – сказал Лохматый.

– Здорово, Железная Кнопка, – угодливо вставил Валька.

Миронова им не ответила. Она не спеша прошла вперед и встала перед Васильевым.

– Так почему ты, Васильев, не пойдешь к Сомову? – спросила она.

– На хозяйство брошен, – неуверенно ответил Васильев и поднял над головой авоську с продуктами.

– А если честно?

Васильев молчал; толстые стекла очков делали его глаза большими и круглыми.

– Ну что же ты молчишь? – не отставала от него Миронова.

– Неохота мне к Сомову. – Васильев с вызовом посмотрел на Железную Кнопку. – Надоел он мне.

– Надоел, говоришь? – Миронова выразительно посмотрела на Лохматого.

Тот двинулся вперед – за ним остальные. Они окружили Васильева.

– А за измену идеалам знаешь что полагается? – строго спросила Миронова.

– Что? – Васильев посмотрел на нее круглыми глазами.

– А вот что! – Лохматый развернулся и ударил Васильева.

Удар был сильный – Васильев упал в одну сторону, а очки его отлетели в другую. Он уронил авоську и рассыпал продукты.

Все ждали, что будет дальше.

Васильев встал на четвереньки и начал шарить рукой в поисках очков. Ему было трудно, но никто ему не помогал – его презирали за измену идеалам. А Валька наступил тяжелым сапогом на очки, и одно стекло хрустнуло.

Васильев услышал этот хруст, дополз до Валькиной ноги, оттолкнул ее, поднял очки, встал, надел их и посмотрел на ребят: теперь у него один глаз был круглый и большой под стеклом, а второй сверкал маленькой, беспомощной голубой точкой.

– Озверели вы! – с неожиданной силой закричал Васильев.

– Иди ты!.. – Лохматый толкнул его. – А то получишь добавку!

Васильев запихивал в авоську рассыпанные продукты.

– Дикари! – не унимался он. – До добра это вас не доведет!

Лохматый не выдержал и рванул за Васильевым, а тот дал деру под общий довольный смех.

– Поредело в нашем полку, – сказал Рыжий.

– Зато мы едины, – резко оборвала Миронова.

– Будем дружно, по-пионерски уплетать сомовские пироги! – рассмеялся Валька.

– Все шутишь, – перебила его Миронова. – А мы ведь о серьезном.

Они уже уходили крикливой, пестро одетой стайкой, когда глазастая Шмакова увидела Маргариту Ивановну, их классную.

– Маргарита, – сказала она.

– В джинсах, – заметил Валька. – Оторвала в Москве. Небось на свадьбу подарили.

– Махнем через изгородь, – предложил Рыжий. – А то начнет воспитывать... Праздник испортит.

– Не буду я никуда прыгать, – сказала Миронова. – Себя уважать надо.

– Лучше спрячемся и испугаем ее, – хихикнул Валька.

– Это уже интересно, – подхватила Шмакова.

Они разбежались кто куда.

Последней, не торопясь, встала за дерево Миронова.

А Маргарита Ивановна, не замечая никого, веселой походкой пересекла сквер и склонилась к окошку кассы речного пароходства.

Валька вышел из укрытия, неслышно подбежал к учительнице и громко крикнул:

– Здравсте, Маргарита Ивановна!

Маргарита Ивановна от неожиданности вздрогнула и оглянулась:

– А-а-а, это ты... Что у тебя за манера подкрадываться?

– А вы испугались? – спросил Валька. – Испугались... Испугались... Ребята, Маргарита Ивановна испугалась, – паясничал он.

– Просто я задумалась, – ответила Маргарита Ивановна и неловко покраснела, то ли от обиды на Валькину бесцеремонность, то ли оттого, что она действительно испугалась, но не хотела в этом признаваться.

Ребята окружили ее, здороваясь.

– Какие вы все нарядные. – Маргарита Ивановна рассматривала их. – А Шмакова просто взрослая барышня.

– Маргарита Ивановна, а вам нравится мое платье? – пристала к ней Шмакова.

- Нравится, – ответила Маргарита Ивановна. – Кто тебе его сшил?
- Известно кто! – с восторгом вмешался в разговор Попов. – Моя мамаша.
- Под моим руководством, – сказала Шмакова и зло зашептала Попову: – Кто тебя за язык тянул?.. А может, мне его из Москвы, из Дома моделей, привезли. «Моя мамаша... Моя мамаша...»
- А ты что же, Миронова, отстаешь от всех? – спросила Маргарита Ивановна.
- Я?.. Тряпок не терплю. – Миронова с высокомерием посмотрела на своих друзей. – Извините, Маргарита Ивановна, мы опаздываем.
- А вы куда? – Маргарита Ивановна была несколько ошарашена резкостью Мироновой.
- К Сомову, – ответил за всех Рыжий. – Гуляем по случаю увядания.
- Передайте ему привет. Скажите, что я ему желаю... – Маргарита Ивановна задумалась. – Сомов человек незаурядный, не останавливается на достигнутом. В главном смел, прямодушен, надежный товарищ...
- В самую точку, Маргарита Ивановна, – проникновенно сказала Шмакова.
- Значит, я ему желаю...
- А вы опять куда-то уезжаете? – перебил Рыжий Маргариту Ивановну.
- Хочу показать мужу Поленово. Он же здесь еще не был нигде. А времени у него мало, ему возвращаться в Москву. – Маргарита Ивановна посмотрела на часы. – Ой!.. Убегаю. Да, чуть не забыла про Сомова... – И уже на ходу выкрикнула: – Пожелайте ему, чтобы он оставался таким, какой он сейчас... Всю жизнь таким... – И исчезла.
- А с нами никак до Поленова не доберется... – начала Миронова, но последние слова замерли у нее на губах, потому что она увидела Ленку Бессольцеву.
- Ленка остановилась как вкопанная. И ребята замерли в восторге.
- Перед нами исторический экспонат – Бессольцева! – Впервые губы Мироновой растянулись в сдержанную улыбку, а голос зазвенел: – Она пришла за билетом!.. Она уезжает!
- Ленка резко повернулась ко всем спиной и подошла к кассе речного пароходства.
- Точно! – крикнул Лохматый. – Она уезжает!
- Сила победила! – радостно поддержал его Рыжий.
- А знаете, что мы ей посоветуем? – Миронова озарилась вдохновением: – Чтобы она запомнила наш урок на всю жизнь.
- Валька, кривляясь, изгибаясь спиной, на цыпочках подбежал к Ленке и постучал костяшками пальцев по ее спине:
- Бессольцева, ты запомнила наш урок?
- Ленка не отвечала. Она стояла не шелохнувшись.
- Не отвечает, – разочарованно сказал Валька. – Выходит, не запомнила.
- Может, оглохла? – пропищала Шмакова. – Так ты ее... встряхни.
- Валька поднял кулак, чтобы садануть Ленку по ее тоненькой худенькой спине.
- А вот этого уже не надо, – остановила его Миронова, – ведь она уезжает. Значит, мы победили. Нам этого достаточно.
- Пусть катится, откуда приехала! – крикнул Рыжий.
- И другие тоже заорали:
- Нам такие не нужны!
- Ябеда!
- Чу-че-ло-о-о! – Валька схватил Ленку за руку и втащил в круг ребят.
- Они прыгали вокруг Ленки, плясали, паясничали и веселились, и каждый старался перещеголять другого:
- Чу-че-ло-о-о!
- Чу-че-ло-о-о!
- Ого-род-ное!

– Рот до ушей!

– Хоть завязочки пришей!

Крутился разноцветный круг, а Ленка металась внутри его.

В это время появился Николай Николаевич, увидел Ленку и ребят, прыгающих вокруг нее, и крикнул:

– Вы что к ней пристали? Вот я вас!..

– Заплаточник! – завопил Рыжий. – Атас!

Они бросились в разные стороны.

Только Миронова осталась на месте, даже не шелохнулась, бровью не повела. Слова ее были полны презрения ко всем остальным:

– Вы что, трусили?

Этот решительный окрик остановил ребят.

– Что же вы шестеро на одного! – Голос Николая Николаевича звучал почти трагически. – И не стыдно вам?

– А чего нам стыдиться! – нахально вякнул Валька. – Мы ничего не украли. Все в законе.

– Вы лучше свою внучку стыдите! – сказала Миронова.

– Лену? – удивленно спросил Николай Николаевич. – За что?

Ленка резко повернулась к дедушке, и он увидел ее лицо: искаженное, словно ее больно ударили. Он уже хотел крикнуть этим детям, чтобы они замолчали, чтобы побыстрее ушли и оставили их вдвоем.

Но ему никто и не собирался ничего говорить, это было не в их правилах: посвящать взрослых в свои дела. Лишь Миронова твердо и весело сказала на ходу:

– У нее узнаете. Она вам все в красках расскажет.

Они скрылись. Только некоторое время в тихом и прозрачном осеннем воздухе были слышны их крики:

– Молодец Железная Кнопка!

– Не испугалась Заплаточника!

– Сила победила!

А потом и голоса пропали, растворяясь вдали.

А Ленка, бедная Ленка ткнулась Николаю Николаевичу лицом в грудь, чтобы спрятаться хотя бы на время от тех бед, которые свалились на нее, и притихла.

Его внучку дразнили Чучелом и так ее доконали, что она решила уехать, подумал Николай Николаевич и почувствовал, как ее беда больно ударила его в сердце: он всегда тяжело переносил чужие беды. Это было трудно для жизни, но он не хотел расставаться с этой привычкой, не бросал тяжелую, но дорогую ношу. И это была его жизнь и спасение. Так подумал в этот момент Николай Николаевич, а вслух сказал, чтобы успокоить Ленку:

– Ну что ты... – Он погладил ее мягкий нежный затылок. – Не обращай на них внимания. – Голос у Николая Николаевича дрогнул, выдавая волнение. – Учись у меня. Я всегда спокоен. Делаю свое дело – и спокоен. – Он почти крикнул с вызовом: – Ты слышала, они дразнили меня Заплаточником? Несчастные!.. Не понимают, что творят. – И вдруг тихо и нерешительно спросил: – А ты что сделала? За что они тебя так?

Ленка вырвалась из его рук и отвернулась.

«Не надо было у нее ничего спрашивать, не надо было», – подумал Николай Николаевич, но эти слова сами собой сорвались у него с языка. Ну что же она такое страшное сделала, что они оттолкнули ее от себя, презрели и гоняли, как зайца?..

– Ну ладно, ладно! – сказал Николай Николаевич. – Прости... Ты решила уехать – значит, тебе так надо. Я жил один... И дальше буду жить один. – Он помолчал, потому что смысл этих слов был ему неприятен. – Привык к тебе? Отвыкну...

Тут он по своей старой привычке нахохлился, как птица под дождем, и натянул козырек кепки на глаза.

– Все это для меня неожиданно, – продолжал Николай Николаевич. – Жили рядом, а я толком в тебе ничего не понял. Не проник в твою душу – вот что обидно.

Он полез в карман, достал потертый кошелек и долго копался в нем, ожидая, вдруг Ленка что-нибудь скажет, ну, например, что она передумала, что никуда не поедет и что он может спрятать свой кошелек обратно в карман. Он тянул время, тяжело вздыхал, но это ему не помогло – Ленка молчала.

– На, – сказал Николай Николаевич, протягивая Ленке деньги. – Купи два билета на завтра. Я провожу тебя до Москвы, до самолета.

– А я так хотела на сегодня! – печально вздохнула Ленка. – На сегодня! На сейчас!

– Но это безумие, – сопротивлялся Николай Николаевич. – Посмотри, какие ты взяла вещи. Где твои учебники? А пальто? Там же снег давно, сразу заработаешь ангину!

Он говорил, говорил, она его перебивала: «На сегодня, на сейчас!» – а он убеждал задержаться, хотя сам отлично понимал, что все его доводы полнейшая ерунда, а главное состояло в том, что ему страшно не хотелось, чтобы Ленка уезжала. И поэтому он оборвал свою речь на полуслове, наклонился к ней и признался просительным шепотом:

– Ну не могу я так сразу!.. Ну давай завтра.

Ленка выхватила деньги из рук Николая Николаевича.

– Ты слышала? Я согласен на завтра, – в последний раз попросил он.

Николай Николаевич озадачил Ленку – ее ли это бабушка говорит?

Она подняла глаза и увидела его спокойное, неподвижное лицо. Только тонкий жгутик шрама, идущий от виска к углу жестких, сухих стариковских губ, предательски побелел, и потерянные глаза, спрятанные под козырьком кепки, выдавали его сильное волнение.

– А у тебя заплатка на рукаве оторвалась, – вдруг заметила Ленка.

– Надо пришить. – Николай Николаевич ощупал заплатку.

Ленка увидела, что шрам на бабушкином лице снова стал еле заметным, и сказала:

– Ты бы купил себе новое пальто.

– У меня на это нет денег, – ответил тот.

– Вот про тебя и говорят, что ты – жадина. – Ленка прикусила язык, но обидное слово уже выскочило, теперь его не поймаешь.

– Жадина? – Николай Николаевич громко рассмеялся. – Смешно. – Он с большим вниманием стал разглядывать свое пальто. – Ты думаешь, что в нем ходить совсем уже неприлично?.. А знаешь, я это пальто люблю. В старых вещах есть что-то таинственное... Утром я надеваю пальто и вспоминаю, как мы с твоей бабушкой много лет назад покупали его. Это она его выбирала... А ты говоришь – купи новое!..

Их взгляды опять встретились – нет, не встретились, а столкнулись, потому что каждый из них думал об отъезде.

– Ну ладно, – сказала Ленка, – поеду завтра. – И купила два билета.

Они пошли домой, сопровождаемые неизвестно откуда налетевшим дождем, омывающим сухую предзимнюю землю, – они даже не заметили, как он начался.

Когда они вошли в комнату, то в открытую форточку влетела музыка и крики ребят.

– У Сомовых гуляют. – Николай Николаевич спохватился, что сказал не то, и как бы невзначай закрыл форточку.

Но музыка и крики были так громки, что и затворенная форточка не спасала.

Тогда Николай Николаевич сел к пианино, что он делал чрезвычайно редко, и демонстративно открыл крышку.

– Ну что ты так смотришь на меня? – спросил он у Ленки, перехватив ее взгляд. – Меня почему-то потянуло к музыке. И нечего меня гипнотизировать.

Николай Николаевич заиграл громко и задиристо. Потом вдруг оборвал игру и молча, с неммым укором посмотрел на Ленку.

– Не смотри на меня так! – не выдержала Ленка и крикнула: – Ну что ты один будешь тут делать?.. Бери картины с собой, и поедем вместе!

– Что ты... Опомнись! – Николай Николаевич в волнении стал рассматривать картины. – Это невозможно. Они родились здесь... На этой земле... В этом городе... У этой реки... Здесь им вечно жить... Однажды во время войны я лежал в госпитале, и мне приснился сон, будто я мальчиком стою среди этих картин, а по ним солнечные зайчики бегают. Тогда я и решил: если останусь жив, навсегда вернусь в родной дом... Не сразу удалось, но все-таки добрался. А теперь мне кажется, что я и не уезжал, что я тут всегда... Ну, понимаешь, всегда-всегда... – Он как-то виновато и незащитно улыбнулся. – Многие сотни лет... Что моя жизнь продолжение чьей-то другой... Или многих других... Честно тебе говорю. Иногда мне даже кажется, что не мой прапрадед написал все эти картины, а я... Что не мой дед был фельдшером и построил в городе первую больницу, а тоже я... Только одной тебе могу в этом признаться. Другие не поймут, а ты поймешь как надо... А когда ты сюда приехала, я, старый дурак, размышлялся, решил: и ты к родному месту прирастешь и проживешь здесь длинную череду лет среди этих картин. Пусть твои родители носятся по свету, а ты будешь жить в родном доме... Тоже всегда. Не вышло.

Николай Николаевич вдруг подошел к Ленке и решительно сказал:

– Послушай, давай кончим это дело. – Он старался говорить бодрым голосом. – Возвращайся в школу, и баста.

Ленка пулей отлетела от Николая Николаевича, схватила свой несчастный портфель и бросилась к двери.

Николай Николаевич загородил ей дорогу.

– Отойди! – Такого остервенения в ее лице Николай Николаевич еще никогда не видел: губы и лицо у нее побелели как мел. – Лучше отойди!.. Кому говорят!.. – И бросила в него портфель – он просвистел мимо его уха и шмякнулся о стену.

Николай Николаевич с большим удивлением посмотрел на Ленку, отошел от двери и сел на диван.

Ленка постояла немного в нерешительности, вся сжалась, виновато опустила голову и робко села рядом с ним.

– А ты не сердись на меня... Ладно? – попросила она. – Не сердись. Просто я какая-то чумовая. Всегда что-нибудь не то делаю. – Ленка заглянула Николаю Николаевичу в глаза. – Ты простил меня? Простил?..

– Ничего я не простил, – сердито ответил Николай Николаевич.

– Нет, простил, простил! Я вижу по глазам, – обрадовалась она. – Я... увлеклась...

– Ничего себе «увлеклась», – ответил Николай Николаевич. – Родному деду чуть голову не снесла.

– А вот и неправда, – сказала Ленка.

Ее лицо вдруг так необыкновенно преобразилось, что Николай Николаевич тоже улыбнулся. Оно стало открытым и радостным, рот растянулся до ушей, щеки округлились.

– Я же мимо бросала!

И вдруг лицо ее снова изменилось, стало каким-то отчаянным.

– Только не перебивай меня. Ладно? А то я сорвусь и не смогу рассказать. А так я тебе все-все расскажу, всю правду, без хитрости.

– Хорошо, – обрадовался Николай Николаевич. – Ты успокойся и рассказывай... не спеша, подробно, так легче.

– Еще раз перебеешь – уйду! – Губы у Ленки подтянулись и глаза сузились. – Я теперь не то что раньше. Я – решительная. – И она начала рассказывать.

Глава пятая

– Когда я пришла в школу первый раз, то Маргарита, наша классная, позвала в учительскую Рыжего и велела ему отвести меня в класс. Мы шли с Рыжим по коридору, и я всю дорогу хотела с ним подружиться: перехватывала его взгляд и улыбалась ему. А он в ответ давился от хохота.

Конечно, у меня ведь дурацкая улыбка – до самых ушей. Поэтому и уши я тогда прятала под волосами.

Когда мы подошли к классу, Рыжий не выдержал, сорвался вперед, влетел в дверь и заорал: «Ребята! У нас такая новенькая!..» – и зашелся хохотом.

Ну, после этого я застыла на месте. Можно сказать, одеревенела. Со мной так часто бывало.

Рыжий вылетел обратно, схватил меня за руку, втащил в класс и снова загоготал. И каждый на его месте сделал бы то же самое.

Может, я на его месте вообще умерла бы от хохота. Никто ведь не виноват, что я такая нескладная. Я и на Рыжего не обиделась и даже была ему благодарна, что он втащил меня.

Правда, как назло, я зацепилась ногой за дверь, врезалась в Рыжего, и мы оба рухнули на пол. Платье у меня задралось, портфель вылетел из рук.

Все, кто был в классе, окружили меня и с восторгом рассматривали. А я встала, и улыбочка снова растянула мой рот – не могу, когда меня в упор разглядывают.

Валька закричал:

«Рот до ушей, хоть завязочки пришей!»

Васильев засунул пальцы в рот, растянул губы, корчил страшные рожи и кричал:

«Я тоже так могу! У меня тоже рот до ушей, хоть завязочки пришей».

А Лохматый, давясь от смеха, спросил:

«Ты чья такая?»

«Бессольцева я... Лена». – И я снова по-дурацки улыбнулась.

Рыжий в восторге закричал:

«Ребята!.. Это же внучка Заплаточника!»

Ленка оборвала свой рассказ и покосилась на Николая Николаевича.

– Ты давай, давай, не смущайся, – сказал Николай Николаевич. – Я же тебе говорил, как я к этому отношусь. В высшей степени снисходительно и совсем не обижаюсь.

– Ну а я-то об этом не знала, – продолжала Ленка. – И вообще про твое прозвище не знала... Ну, не была готова... «Мой дедушка, – говорю, – Заплаточник?.. За что вы его так прозвали?..»

«А чего плохого? – ответил Лохматый. – Меня, например, зовут Лохматый. Рыжего – Рыжий. А твоего деда – Заплаточник. Звучно?»

«Звучно», – согласилась я.

Я подумала, что они веселые и любят пошутить.

«Значит, вы хорошо знаете моего дедушку?» – спросила я.

«А как же, – сказал Лохматый. – Он у нас знаменитый».

«Да, да... очень знаменитый, – подхватил Валька. – Как-то в личной беседе я спросил твоего дедушку, почему он не держит собак. И знаешь, что он мне ответил? „Я, говорит, не держу собак, чтобы не пугать людей“».

Я обрадовалась:

«Вот, – говорю, – здорово».

И другие ребята тоже подхватили:

«Здорово, здорово!»

«Мы эти его слова всегда помним, – продолжал Валька, – когда яблоки в его саду... Ну, как это называется?..»

«Собираем», – подхватил Рыжий.

Все почему-то снова захохотали.

Ленка вдруг замолчала и посмотрела на Николая Николаевича.

– Вот дура какая, – сказала она. – Только сейчас поняла, что они надо мной смеялись. – Ленка вся вытянулась, тоненькая, узенькая. – Мне надо было тогда тебя защитить... дедушка!

– Ерунда, – ответил Николай Николаевич. – Мне даже нравилось, что они у меня яблоки таскали. Я за ними часто подглядывал. Они шустрили по саду, бегали пригнувшись, набивали яблоки за пазуху. У нас с ними была вроде как игра. Я делал вид, что не вижу их, а они с отчаянной храбростью таскали яблоки, можно сказать, рисковали жизнью, но знали, что им за это ничего не будет.

– Ты добрый! Я и тогда им ответила, что ты добрый.

А Попов сказал:

«Моя мамаша ему на пальто пришивала заплатки. Говорит: „Вы же отставной офицер. У вас пенсия. Вам неудобно с заплатками“. А он – это, значит, ты, дедушка, – „У меня лишних денег нет“».

«Ну ты, Попов, даешь! – крикнул Рыжий. – Ты что же, думаешь, что он жадный?»

А Валька подхватил:

«Он жадный?! Он моей бабке за картину отвалил триста рублей. Это, говорит, картина моего прапрапрапра...»

Все развеселились и стали выдумывать, кто что мог:

«Бабушки!»

«Тетушки!»

И тут я стала хохотать. Правда, смешно, что они нашего прапрадедушку переделали в прабабушку и в пратетушку? – спросила Ленка у Николая Николаевича. – Хохочу я и хохочу, никак не могу остановиться. Я если хохочу, то обо всем забываю.

Ленка неожиданно коротко рассмеялась, будто колокольчик звякнул и упал в траву, и снова жала губы.

– Это раньше я обо всем забывала, – поправилась Ленка и с угрозой добавила: – А теперь... – Она замолчала.

Николай Николаевич терпеливо ждал продолжения ее рассказа. Он дал себе слово не перебивать ее. Да и самому ему хотелось разобраться во всей этой истории. И слушать Ленку было легко, потому что переливы ее голоса, выражение глаз, которые то затухали, как облитые водой горящие угли, то вновь пламенно и неожиданно вспыхивали, завораживали его.

За всю свою долгую жизнь Николай Николаевич не видел подобного лица. От него веяло таинственной силой времени, как будто оно пришло к нему через века. Он это ощущал остро и постоянно.

А может быть, это чувство возникло у него после появления в доме «Машки»?

– Вообще-то, я никогда бы не кончила смеяться, если бы не Валька, – снова заговорила Ленка. – Ему было смешно, что ты купил у его бабки картину за триста рублей.

«Бабка, говорит, от радости чуть не померла. Думала, получит двадцатку, а он ей триста!...»

Валька подбежал к доске и нарисовал квадрат, не больше портфеля.

«Вот за такую махонькую картинку – три сотни! – визжал Валька. – А на картинке была нарисована обыкновенная тетка с буханкой».

– «Женщина с караваем хлеба», – строго и многозначительно вставил Николай Николаевич.

– Я-то знаю, ты не волнуйся, я-то знаю все твои картины, – оправдывалась Ленка и продолжала.

«И еще передай своему деду, – закричал горластый Валька, – что мы его поздравляем, что у него такая внучка... Ну точно как он!»

«Они с Заплаточником – два сапога пара!» – вставил Рыжий.

А я почему-то подхватила:

«Правильно, мы с дедушкой два сапога пара!»

Николай Николаевич совершенно отчетливо представил себе, как Ленка, вероятно от растерянности, выкрикнула эти слова. И, как бы радуясь им, она подпрыгнула на месте и завертела головой, как попугайчик, и уголки губ у нее закрутились вверх. Ему нравилась ее беспомощная и открытая улыбка. А для них это потеха – и только.

– Лохматый так и крикнул:

«По-те-ха! Ну и потешная ты, Бессольцева Лена!»

А Рыжий, разумеется, подхватил:

«Не потешная она. А чучело!»

«Огородное!» – захлебнулся от восторга Валька.

Конечно, они стали хохотать над Ленкой, выкаблучиваясь каждый на свой лад.

Кто хватался за живот, кто дрыгал ногами, кто выкрикивал: «Ой, больше не могу!»

А Ленка, открытая душа, решила, что они просто веселились, что они смеялись над ее словами, над ее шуткой, а не над нею самою.

Ленка заметила, что Николай Николаевич как-то подозрительно притаился, словно его что-то не устраивало в ее рассказе.

– Дедушка, ты меня не слушаешь? – спросила она дрогнувшим голосом. – А почему?

Николай Николаевич смущенно поднял на нее глаза, не зная, как поступить, – и правду ему говорить не хотелось, чтобы лишний раз не огорчать Ленку, и врать было трудно.

– Не отвечай! – Ленку как молнией пронзило: она обо всем догадалась. – Тебе меня жалко стало? Да? Они надо мной смеялись? Да?.. Уже тогда? – Она жалобно улыбнулась: – Подумать только, а я не догадалась. Все приняла за чистую монету... Точно. Смеялись. Я вижу, вижу себя со стороны – ну просто я была какая-то дурочка... – И тихо добавила: – Правда, дурочка с мороза.

Вдруг она повернулась к Николаю Николаевичу всем корпусом, и он увидел ее большие печальные глаза.

– Дедушка! Милый! – Она схватила его за руку и поцеловала ее. – Прости меня!..

– За что? – не понял Николай Николаевич.

– За то, что я им верила, а они над тобой смеялись.

– Разве ты в этом виновата? – сказал Николай Николаевич. – Да и они не виноваты, что смеялись надо мной. Их можно только пожалеть и постараться им помочь.

– Может быть, ты их любишь? – Ленка с подозрением посмотрела на Николая Николаевича.

Тот ответил не сразу – помолчал, подумал, потом сказал:

– Конечно.

– И Вальку? – возмутилась Ленка. – И Рыжего, и Лохматого?!

– Каждого в отдельности – нет! – У Николая Николаевича от волнения перехватило горло, и он задохнулся. – А всех вместе – да, потому что они – люди!

– Если ты будешь психовать, – сказала Ленка, – то я перестану рассказывать.

– Да я не психую! – рассмеялся Николай Николаевич. – Подумаешь, даже задохнуться разок нельзя. А ты давай, давай дальше, я слушаю.

– Ну, в общем, когда Рыжий обозвал меня чучелом, – сказала Ленка, – то его кто-то сильно толкнул в спину... и я увидела впервые Димку Сомова... Знаешь, он меня сразу удивил.

Глаза синие-синие, а волосы белые. И лицо строгое. И какой-то он весь таинственный, как «Уснувший мальчик».

А Рыжего он толкнул сильно, тот врезался в пузо верзилы Попова и бросился на Димку. Я хотела крикнуть, чтобы они не дрались из-за меня. Ну пусть я чучело, ну и что?.. Но они уже сцепились.

Я зажмурилась. Я всегда так делала, когда начиналась драка. Я же тебе главного не сказала: я раньше трусихой была. Когда пугалась, то у меня отнимались ноги и руки. Пошевелиться не могла, как неживая.

Только драки никакой не вышло. Я услышала спокойный голос Димки:

«Сам ты чучело, и не огородное, а обыкновенно-рыжее».

Я открыла глаза. Оказалось, Димка одной рукой скрутил Рыжего и держал его крепко. А тот и не думал вырываться, скорчил рожу и крикнул:

«Я обыкновенно-рыжее чучело!»

Над ним все стали смеяться, и он сам над собой смеялся громче всех. Да ты же его видел, дедушка! – сказала Ленка. – Правда он смешной?.. Ну просто цирковой клоун – ему и парика не надо, он же от рождения рыжий!

В тот момент, когда мы смеялись над Рыжим, вбежала веселая Маргарита. В одной руке она держала классный журнал, а в другой сверток в цветном полиэтиленовом мешочке.

«А, новенькая! – Она увидела меня. – Куда же тебя посадить?»

Она пошарила глазами по рядам парт... и забыла про меня, потому что девчонки обступили ее и спросили, правда ли, что она выходит замуж. Маргарита ответила, что правда, засияла от счастья, торопливо разорвала мешочек, вытащила коробку конфет, открыла и поставила на стол.

«От него?» – прошептала догадливая Шмакова.

«От него. – Маргарита еще больше расцвела. – Угощайтесь». – И сделала величественный жест рукой.

Все повскакали со своих мест и стали хватать эти конфеты и засовывать в рот. А Маргарита говорила:

«По одной! По одной! А то всем не хватит».

Я тоже схватила конфету.

А Шмакова сунула одну конфету в рот, а вторую отдала Димке. Ну и галдеж поднялся!

А девчонки забрасывали счастливую Маргариту вопросами:

«Маргарита Ивановна, а кто ваш муж?»

«А у вас есть его фотокарточка?»

«А он живет в Москве?»

И тут в дверях появилась Миронова.

Миронова у нас особенная, у нее очень сильная воля.

«Что вы тут шумите после звонка?» – спросила Миронова.

«Мы конфеты едим!» – крикнула Шмакова.

«Во время урока?» – ехидно заметила Миронова и прошла на свое место.

Шмакова протянула ей конфету:

«Возьми и успокойся. Сама опоздала и еще выставляется».

«Тихо! – сказала Маргарита. – Миронова права. По местам!»

И все пошли по своим местам, а про меня Маргарита так и не вспомнила, и я не знала, куда мне сесть, остановилась около Димки и уставилась на него. Ну, у меня привычка такая: если мне кто-нибудь нравится, то я смотрю на него, смотрю, хотя знаю, что это неловко. Он на меня раз посмотрел, второй, а потом спросил, что мне надо.

А я ляпнула:

«У тебя место свободное?»

«Занято».

Ну, думаю, влипла, сейчас он начнет надо мной смеяться. А он вдруг улыбнулся и спросил:

«А что?»

«Хотела сесть к тебе, – ответила я, а так как он все еще продолжал улыбаться, то во мне какая-то храбрость появилась от его доброты, и я сказала: – Ты же меня спас».

По-моему, ему мои слова понравились, потому что он сказал:

«Ну что ж, сейчас попробуем. – И громко крикнул: – Шмакова, новенькая твоё место хочет занять!»

Шмакова услышала Димкины слова и здорово рассердилась. Она посмотрела в нашу сторону, потом медленно направилась к нам. Она приближалась, приближалась, и я видела, как у нее в глазах прыгали злые огоньки. Тут я испугалась. Я ведь не хотела, если место занято. А Шмакова подошла к нам, смерила меня презрительным взглядом и отвернулась. Конечно, она же красавица! А я? – Ленка безнадежно махнула рукой.

– Ты тоже хоть куда, – посчитал своим долгом вмешаться Николай Николаевич.

– Да брось ты меня успокаивать, – возмутилась Ленка. – Она же настоящая красавица! Платье у нее новенькое и сшито по фигуре. А у меня... какой-то маскировочный халат.

– Маскировочный халат?.. – удивленно переспросил Николай Николаевич. – Это, пожалуйста, моя вина. Я не учел, что платье должно быть по фигуре. Извини. – И почти выкрикнул: – Зато у тебя глаза вдохновенные! И сердце чистое. Это посильнее, чем платье по фигуре.

– Не хвали меня, пожалуйста, – сказала Ленка. – Я ведь плохая. Я на самом деле – предательница!.. Я это сейчас, сейчас поняла до самого доньшка.

Ленка замолчала. Николай Николаевич терпеливо ждал, когда она снова заговорит. В комнату в который раз ворвалась бесшабашная музыка: это все еще гуляли на дне рождения Димки Сомова. Они плясали, кричали, пели, а здесь, в доме у Бессольцевых, сидели два понурых человека, которые не знали, что им делать дальше и как им теперь жить.

– Ну и что там произошло со Шмаковой? – прервал молчание Николай Николаевич.

– Со Шмаковой – переспросила Ленка. – Ничего особенного не произошло – она уступила мне место. «Уступаю, – говорит, – тебе мое место с большим удовольствием. – И схватила портфель. – Мне, – говорит, – здесь надоело. Парта какая-то кособокая. И вообще, я люблю перемену мест. Так что, Димочка, чао какао! – А на прощание наконец посмотрела на меня, как будто только что заметила, презрительно фыркнула и тихо сказала: – Ну и чучело!»

Попов заорал, чтобы Шмакова села к нему, и та бросила ему портфель, а он его поймал, – вот с этого момента он стал ее рабом.

Тут Маргарита объявила, что наша школа едет на осенние каникулы на экскурсию в Москву.

«Значит, мы поедем вместе?» – выскочила догадливая Шмакова.

«Вместе, вместе. – Маргарита улыбнулась. – Так что берите у родителей деньги и приносите».

По этому поводу раздался такой вопль восторга, что Маргарита рассмеялась и зажала уши руками, чтобы не оглохнуть. Ну конечно же, всем хотелось поехать на каникулы в Москву.

И я завопила, но потом осеклась, потому что Димка встретил это известие хладнокровно. А когда все замолчали, он вздохнул тяжело и сказал:

«Опять на родительские... Надоело».

«Что же ты предлагаешь? Не ездить в Москву?» – спросила Маргарита.

«Нет, он этого не предлагает, – вмешалась Миронова. – Но он не знает, что он предлагает».

«Прекрасно он знает, – раздался ласковый голосок Шмаковой. – Это он перед новенькой выставляется».

Все, конечно, тут же захихикали.

Маргарита одернула Шмакову, а я, если честно, была почему-то рада ее словам... Ну, в общем, не почему-то, а потому, что она сказала, что Димка передо мной выставляется.

А когда в классе снова наступила тишина, то Димка встал, победно оглядел ребят и сказал:

«Давайте на поездку заработаем сами!»

Тут меня словно подбросило, прямо не знаю почему. Я вскочила и заорала:

«Маргарита Ивановна! Маргарита Ивановна! Можно я скажу?»

Ох и видик у меня был, наверное, – восторженная дурочка. Но я о себе и не думала, у меня на душе было хорошо, и хотелось сказать всем что-нибудь необыкновенное.

«Мне дедушка много рассказывал про ваш город... У вас город особенный, старинный... Приедешь – навсегда останешься... Не променяешь ни на какие золотые горы. Правда, здесь хорошо! И вы все такие хорошие! И предложение Сомова я поддерживаю!...» – Я улыбнулась Димке и наконец уселась.

«Ну, Сомов у нас, как всегда, молодец! – сказала Маргарита. – Мне его идея тоже очень понравилась... Конечно, вы уже взрослые ребята и вполне можете поработать, – продолжала она, – я вам, пожалуй, помогу. Только... не подведете?..»

Тут все закричали:

«Что вы, Маргарита Ивановна! Вы только договоритесь!»

«Мы будем работать дни и ночи!»

«С утра до утра!..»

И мы стали работать. Ходили в совхоз на сбор поздних огурцов и капусты. Ты не думай, мы не только за деньги работали. Мы и бесплатно. Например, в детском саду. И городской сквер убирали... Правда, это не всем понравилось. Может быть, именно из-за этого у нас и началась ссора. Валька, к примеру, как только мы шли на бесплатную работу, всегда убегал. Один раз в воскресенье рано утром Маргарита привела нас в совхозный сад на уборку осенних яблок.

Все ребята пришли в резиновых сапогах, а я в туфлях – они сразу промокли от мокрой травы.

Димка заметил это, снял сапоги, протянул мне и сказал, чтобы я переобулась. Вот был моментик – он стоял босой на мокрой, холодной траве и протягивал мне сапоги с шерстяными носками. Я не решалась их взять.

Ребята окружили нас и открыли рты от удивления.

«Во Сомов дает!» – засмеялся Лохматый.

«Лыцарь!» – подхватил Валька.

«Львиное Сердце!» – вставил Рыжий и зашелся мелким смехом от собственного остроумия.

«Долго мы еще будем стоять и женихаться? – вдруг зло оборвала их Шмакова. – Мы пришли, кажется, работать. Ведь так, Димочка?..»

Кое-кто снова захихикал, а Димка не обратил на это никакого внимания, бросил мне сапоги и ушел.

Я натянула Димкины носки – они были еще теплые от его ног – и влезла в сапоги.

– Знаешь, дедушка, как мне было весело! – Ленка рассмеялась. – Весело-весело! Может, оттого, что Димка отдал мне сапоги? – Она хитро посмотрела на Николая Николаевича. – Нет, пожалуй, просто оттого, что в саду было очень красиво.

Второй раз за этот день Николай Николаевич услышал ее смех. Ему нравилось, что она забыла про то, что эти ребята прозвали ее чучелом, что бросила в него портфелем только за то, что он предложил ей вернуться в школу... Она все-все забыла и снова была счастливой.

Ленка все еще смотрела куда-то вдаль, заглядывая в свое недавнее прошлое, которое ей явно было по душе.

Перед нею возникла чудная картина... Сад, увитый паутиной. Сотни кружевных гамаков, гамачков, подвесных дорог сплелись между яблонь, лежали в траве и накрывали кустарник.

Ребята разбежались по саду, и каждый кричал, что у него самая интересная паутина. Их голоса, наподобие птичьих, радостно и возбужденно звенели среди деревьев.

Потом все стали собирать яблоки. И Ленка собирала, а сама все время исподтишка следила за Димкой: как он ловко лазал по деревьям, как смело прыгал, как быстро пробежал из одного конца сада в другой в ослепительных красноватых лучах солнца.

Они работали до самого обеда. А в конце работы развели костер и пекли яблоки.

Рыжий – на спор – голыми руками вытаскивал из огня девочкам печеные яблоки...

– А потом, бабушка, случилась странная-странная история. Помнишь, мы работали на фабрике детской игрушки?.. Ну, мы там из папье-маше клеили морды зверей.

Николай Николаевич кивнул.

– Так вот, тогда на фабрике я впервые поняла, что люди не все одинаковые. Да, да, не улыбайся. Я вдруг увидела, что то, что для меня хорошо, для Шмаковой, например, смешно, а для Мироновой просто глупо. Я должна была насторожиться, но я не обратила на это никакого внимания! – Выражение лица у нее было до крайности удивленное. – Ну, слушай дальше, что из этого вышло... – Ленка возбужденно вздохнула и продолжала: – Мы уже кончили работу. Я доклеила морду зайца, хотела для просушки поставить ее среди остальных на полку, которая тянулась вдоль стены, а потом передумала и примерила морду на себя.

В это время вернулся Димка – он ходил получать деньги за нашу работу, – ну и все, конечно, бросились на него:

«Ну как, получил?»

«Сколько?»

«Выкладывай! Не томи! Душа горит!»

Они его толкали, пытаясь влезть к нему в карман, приставали, канючили.

«Рыжий! Тащи копилку!» – закричал Димка, отбиваясь от наседавших ребят.

У нас в это время была уже копилка – такая здоровая зеленая кошка с дыркой в голове.

Рыжий поставил перед Димкой копилку... и началось!

Димка полез в карман, долго что-то там колдовал, наконец выхватил руку, помахал над головой красненькой десяткой и бросил ее в копилку.

«Свои!» – заорал Лохматый.

«Пять рублей!» – крикнул Димка и снова опустил их в копилку.

«Кровные!» – восхищался Рыжий.

«Трудовая копеечка!» – поддакнул ему Попов.

Димка поднял над головой еще десятку и помахал ею в воздухе.

Ленка показала, как Димка помахал деньгами. Ей не сиделось, она вскочила, каждая жилка на ее лице трепетала от восторга.

Он крикнул:

«Десятка!» – И бросил их в копилку.

«Ух!» – ухнули все хором.

Рыжий попросил у Димки, чтобы тот дал ему бросить монету в копилку. Димка дал ему рубль, и Рыжий бросил.

И тогда все закричали:

«И мне! И мне! И мне!»

И он всем давал, и все по очереди бросали.

А потом Димка протянул рубль мне и сказал:

«Брось и ты, заяц».

А я от радости, что он мне дал этот рубль, так схватила его, что он разорвался пополам – половинка осталась у Димки, половинка у меня.

«Вот разиня! – возмутился Валька. – Это же деньги. Их рвать не надо!»

Я испугалась и не знала, что делать. Но Димка, как всегда, пришел мне на помощь.

«Ничего, – успокоил он всех, – потом склеим. Бросай, заяц, обе половинки!»

Я бросила.

«И кончай работу! – приказал Димка. – Давайте халаты».

Ребята сняли халаты и побросали их Димке.

«А тебе, заяц, как самому храброму, я поручаю охрану этого замечательного сундука с драгоценностями», – сказал Димка, протянул мне копилку, а сам ушел относить халаты.

Я схватила копилку и закричала:

«Я храбрый заяц! Самый храбрый на свете заяц!»

Рыжий надел морду тигра и зарычал на меня:

«Ры-ы-ы!»

«Ой, не боюсь! Ой, не страшно!» – Я оттолкнула Рыжего.

А Шмакова нацепила морду лисицы и пропела тоненьким голоском:

«Зайка серенький, зайка беленький... Мы тебя перехитрим! Мы у тебя сундучок с драгоценностями отнимем!» – И она ущипнула меня.

Я не ожидала этого – мы ведь играли – и крикнула:

«Ты чего больно щиплешься?..»

«А если не больно, то зачем же щипаться!» – рассмеялась Шмакова.

А в это время другие ребята тоже нарядились в маски зверей, и меня уже плотным кольцом окружили морды волков, медведей, крокодилов. Они прыгали, рычали, насакивали на меня и рвали из рук копилку. А какой-то медведь – по-моему, это был Попов – крикнул, как Шмакова:

«Зайка серенький, зайка беленький... Мы тебя перехитрим!»

Волк – Валька несколько раз сильно дернул меня за косу. А я испугалась по-настоящему, как будто меня окружали не люди, а настоящие звери.

«Не надо! Хватит!» – Я хотела снять маску, но у меня ничего не получалось, потому что они беспрерывно меня толкали.

«Попался, зайчишка!» – пропела Шмакова.

«Мы тебя, заяц, задерем!» – завопил Лохматый и крутнул меня.

«Ры-ы-ы!» – дурным голосом прорычал Рыжий.

«Димка-а-а!» – закричала я и грохнулась на пол, потому что у меня закружилась голова. Димка вбежал и спросил, чего я кричу. А я ему ответила, что испугалась.

«Кого?» – не понял Димка.

«Всех... зверей», – ответила я.

«Подумаешь, и поиграть нельзя», – сказал Валька.

«Зайка серенький... Зайка беленький... Мы тебя задерем!» – хихикнула Шмакова. – Какая нервная!»

«Чепуха!» – мрачно заявила Миронова. – Просто кривляется. Пошли, ребята!..»

И вся компания удалилась вслед за Железной Кнопкой, вполне довольная собой.

А мне еще долго мерещилось, что Шмакова похожа на лису, Лохматый – на медведя, а Валька – на волка.

Мне было стыдно, что я так думала про ребят. Поэтому я догнала их на улице и всех угостила мороженым на свои деньги. И рассказала Шмаковой под честное слово свою тайну, что Димка похож на «Уснувшего мальчика».

Она была очень довольна, хохотала и клялась, что никому не скажет, но мне почему-то казалось, что голос у нее был похож на тот, когда она пела: «Зайка серенький, зайка белень-

кий...» Шмакова – лиса. Настоящая. И я подумала, что зря ей все рассказала... Ну ты же ее видел, дедушка. Правда она лиса? А я тогда и не знала, что есть люди – лисы, медведи, волки...

После я спросила у Димки:

«Ты меня осуждаешь, что я испугалась ребят на фабрике?»

«Что ты, – ответил он. – Испугаться каждый может».

– Вот видишь, какой Димка был человек – добрый, – сказала Ленка. – А потом он себя еще отчаянным храбрецом показал. Было это так...

Мы возвращались с Димкой домой. И вдруг увидели Вальку. Он бежал трусцой нам навстречу, на поводке тянул собаку, маленькую такую, на кривых ногах и с большими лохматыми ушами.

Валька заметил нас и нырнул за угол. Димка бросился за ним, а я за Димкой. Валька прижался к стене и смотрел на нас какими-то странными глазами.

«Какая у тебя собака хорошая. – Я погладила ее. – Только что это ее так колотит? Заболела она, что ли?»

Валька не успел мне ответить, потому что Димка вцепился в него, вырвал собаку и выпустил.

«Мой поводок! – заорал Валька, вырываясь из Димкиных рук. – Петька!.. На помощь!»

Я не поняла, почему Димка так ошалел и почему Валька кричал «поводок» и звал на помощь какого-то Петьку.

Петька, старший брат Вальки, тут же появился. Он здоровый, ему скоро в армию. Я его сразу узнала, он шофер с уборочной машины.

А Валька, как увидел Петьку, заорал еще сильнее:

«Петька, он мою собаку с поводком упустил!»

Петька подтянул Димку к себе и вежливо сказал:

«Ты уж извини, дружок, но я должен сделать тебе больно. Ты сам заслужил».

И он так звезданул Димке по скуле, что тот пролетел мимо меня и шлепнулся на землю.

«Заработал? – захохотал Валька. – Знай наших».

«Всего доброго, дети», – сказал Петька.

Они ушли не оглядываясь. А я не бросилась за ними, не вступилась за Димку, не позвала на помощь. Вот стыдно!

Ленка посмотрела на Николая Николаевича.

– Я же тебе говорила, что раньше была трусихой. Это я теперь ничего не боюсь. Никогда больше не отступлю. Никогда! Ни перед чем. А тогда я задрожала и подошла к Димке, когда Валька и Петька уже совсем скрылись.

Другой бы на месте Димки обиделся, а Димка нет.

«А я опять струсила», – призналась я.

«Ничего. Смелость дело наживное. – Димка потер ушибленное место. – Я у него, подлеца, третью собаку отбиваю! Он их на живодерню поштучно за рублевку сдает».

«Ну и тип этот Валька! С тех пор как он на меня в волчьей морде напал там, на фабрике, он мне все время кажется волком», – призналась я Димке.

«Ну, это уж слишком», – ответил он.

«Волк он, волк, – крикнула я, – раз для него самое главное – деньги!»

«А Петька похлеще Вальки, – сказал Димка. – Рыбу на реке глушит».

«Жалко, – сказала я. – Я думала, вот стоит городок восемьсот лет, и все в нем хорошие...

А Валька – живую жизнь своими руками на живодерню. Я про таких только читала. А ты, Димка... ты просто герой!»

Я правда думала, что он герой. А он смутился:

«Да брось ты!..»

«Нет, ты настоящий герой. Самый настоящий! – Потом вдруг набралась храбрости и спросила: – Можно, я буду с тобой дружить?..» – А сама даже испугалась собственной храбрости.

«Ну давай», – согласился Димка.

А я спросила его:

«На всю-всю жизнь?»

«Ну давай», – улыбнулся он.

– От восторга я... – Ленка на мгновение замолчала, – ну, в общем, поцеловала его в щеку. Просто от восторга, что он герой и что он теперь будет моим самым надежным и близким другом. Дедушка, я так тогда была рада! – Глаза у Ленки стали восторженными, голос громким. Она когда восторгалась чем-нибудь, то переставала стесняться, совсем не контролировала себя, и это ее свойство тоже очень нравилось Николаю Николаевичу. – А когда я его поцеловала, то и совсем не испугалась, а, представляешь себе, весело рассмеялась.

Он очень удивился:

«А это еще зачем?»

«Так женщины, – говорю, – раньше благодарили рыцарей. – Я веселая была в тот момент и даже забыла, что у меня „рот до ушей, хоть завязочки пришей“. – А ты, Димка, рыцарь, ты же спас от Вальки собаку и меня. И она сейчас, счастливая, рассказывает всем собакам города: „Ну и Сомов – молодец!“»

В это время у меня над ухом раздался свист и хохот.

Я оглянулась – перед нами стояли Петька и Валька. У них на поводке болтался тот же самый несчастный лопоухий пес, которого спас Димка. Оба, довольные, хохотали, что снова поймали несчастную собаку и к тому же подслушали наш разговор. Волки, волки, а не люди!

Я им прямо в лицо крикнула:

«Это нечестно!.. Подслушивать...»

«Барышня обиделась», – сказал Петька и сделал грустное лицо.

«А ты, лыцарь, не обиделся?» – спросил Валька у Димки и нахально толкнул его плечом. При Петьке он был большой храбрец.

А Димка как бросился на Вальку! Даже Петьки не испугался. Вот какой он был раньше! Только Петька перехватил его, поднял над землей, и Димка повис в воздухе, болтая ногами, – Петька ведь здоровый, на две головы выше Димки, – и процедил, ну почти пропел сладким голосом, как Шмакова:

«Давай, дружок, еще раз поцелуемся. – Захватил его лицо громадной ладонью, повертел голову, словно хотел ее отвинтить. Димка задыхался, потому что Петька закрыл ему ладонью рот и нос. – И прошу тебя, дружок, – пел он дальше, – не разглашай нашей маленькой тайны про эту собачку. Договорились?..»

«Договорились», – промычал Димка сквозь пальцы Петьки, стараясь разжать железные тиски его ладони.

«Ну, я рад, что ты все правильно понял», – ухмыльнулся Петька.

И, волоча собаку под смех и выкрики Вальки, они снова ушли. А собака отчаянно упиралась, мотала головой и подымала пыль своими ушами. Мне ее так было жалко.

Димка покосился на меня, погрозил кулаком вслед братьям и крикнул – почему-то негромко:

«У-у-у, Валька!.. Только сунься в школу!.. – А когда они отошли совсем далеко, он чуть прибавил голос: – Живоде-ры-ы!»

А я сложила руки рупором, чтобы было громче слышно, и заорала:

«Жи-во-де-ры-ы-ы!»

Петька остановился и посмотрел в нашу сторону... Нас как ветром сдуло, потому что Димка схватил меня за руку и мы убежали. А я расхрабрилась и говорю:

«Правда, он услышал, как я кричала?»

«Услышал, – ответил Димка, – но понимаешь, с этим надо быть поосторожней. Мы что?.. А он – что?!»

«Он здоровый», – вздохнула я.

«Значит, не надо лезть на рожон».

– Дедушка, – сказала Ленка, – ты представляешь, какая я была дура. Представляешь?! Я ему поддакнула. И вообще я все время ему поддакивала!.. Я знаю теперь: поддакивать – это плохо...

Глава шестая

Шестой класс дружной оравой ворвался в физический кабинет во главе с Димкой, который на ходу размахивал копилкой с деньгами.

Он теперь везде и всюду был первым. Ему уступали дорогу, заглядывали в рот, когда он что-нибудь говорил, у него спрашивали совета по любому поводу. Ему верили, его любили – ведь он их сделал самостоятельными людьми. Все старшеклассники и даже выпускники ехали в Москву на родительские деньги, а они, благодаря Димке Сомову, на собственную трудовую копеечку.

И вот они, веселые, милые, беззаботные, ворвались в физический кабинет, чтобы отсидеть свой последний урок... А потом каникулы – и Москва!.. И прочитали на доске объявление, написанное Маргаритой Ивановной, что вместо урока физики будет литература. Развернулись, чтобы идти в другой кабинет, но столкнулись в дверях с Лохматым и Рыжим. Лохматый, хвастаясь своей богатырской силой, один втолкнул всех обратно в класс. И кто-то упал, а девчонки запищали. Лохматый и Рыжий были очень довольны своей победой и орали, перебивая друг друга:

- Свобода-а-а!
- Физика заболела-а-а!
- Каникулы-ы-ы! Дашь кино!

Димка сказал, чтобы они не орали, а прочли, что написано на доске. Лохматый и Рыжий стали читать по складам объявление на доске.

- «Ре-бя-та!.. У вас-с-с бу-дет уррро-оккк, – читали они в два голоса, – ли-те-ра-ту-ры!..»

Когда они читали подпись Маргариты Ивановны – а она подписалась двумя буквами «М. И.», – то заблеяли овечками:

- Мээээ... Иииии...

Многим понравилось, как они читали, и со всех сторон понеслось блеяние:

- Мэ-э-э-э!
- И-и-и-и!
- Мэргэритэ-э-э! Ивановнэ-э-э!

- А после уроков у нас работа в детском саду, – объявил Димка, – шефская.

- Какая еще работа, – сказал Рыжий. – Завтра же каникулы!..

– А мне родители вообще запретили работать, – пропела Шмакова. – Они говорят: «Лучше учись, а работать будем мы».

- Мы еще только растем! – писклявым голоском вставил Рыжий.

- У нас слабый организм! – рявкнул басом Лохматый.

Они хохотали над собственным остроумием.

– Ничего, поработаете. Нас там ждут, – снова начал Димка. – А вы, друзья-товарищи, – сказал он Лохматому и Рыжему, – если не нравится, валите отсюда! А мы дали обещание и выполним его.

- Димочка хочет главным быть, – сказала Шмакова. – Начальник!

- Точно! – захохотал Попов, заглядывая Шмаковой в лицо. – Ребя! Димка – начальник!..

– А мы его сейчас по шапке. – Лохматый подошел к Димке. – Надоел ты нам, Сомов, со своей копилкой... – Оглянувшись на класс: – Верно я говорю?

- Ох как верно! – простонал Рыжий. – В самую точку.

Димка растерялся. Он никак не ожидал такого натиска. Он привык, что ему все смотрят в рот. А тут вдруг бунт! В это время в дверях появился Валька. Он облокотился плечом о косяк двери и небрежно объявил:

- Я не ломовая лошадь, чтобы бесплатно вкалывать. У нас государство богатое.

– Явился наконец! – Димка оживился. – Ребята, а вы знаете, чем занимается наш Валька? Тихо!.. Сейчас я вас удивлю!

Но тут за Валькиной спиной выросла голова, прикрытая кепкой. Это был сам страшный Петька.

– Валечка, – сказал он, – я тебе портфель принес. – Он протянул Вальке портфель и прошел вихляющей походкой к учительскому столу. – Здравствуйте, дорогие дети!.. – Повернулся к Димке, потрепал его рукой по щеке. – И ты, дружок, повторно здравствуй. – Он тяжело вздохнул: – Подслушивать, конечно, нехорошо, но я слышал ваши разговоры и понял ваши разногласия... Оказывается, некоторые из вас стремятся работать, в то время как большая часть коллектива желает участвовать в культурно-массовом развлечении, то есть посетить местный кинотеатр. Я думаю, что меньшинство должно уступить. Таков закон коллектива. Так что ваша проблема – сущий пустяк.

Он повернулся к доске и, что-то напевая себе под нос, стер объявление Маргариты.

– Вот вы и свободны. Как ветер!.. Как моторная лодка, у которой мотор мощнее, чем у рыбоохраны... Будьте счастливы, дети! А ты, дружок, – сказал он Димке, – не обижай, пожалуйста, моего меньшого. – Он погрозил Димке пальцем, улыбнулся всем и ушел.

Ленка думала, что Димка тут же бросится на Вальку и всем все расскажет, но он почему-то промолчал.

И тут Рыжий в полной тишине неуверенно произнес:

– А может, правда какой-то неизвестный зашел и стер...

– Ну, ты – умный! – обрадовался Валька.

– Значит, мы этого не читали? – рассмеялась Шмакова.

– Ребя!.. Не читали и не слыхали, – вставил Попов.

– А Попик у нас сообразительный стал! – хвастливо пропела Шмакова. – Моя школа...

– Мы же тогда Маргариту подведем! – пробовал остановить их Димка.

– Заткнись, подпевала! – заорал Валька. – Даешь кино-о!

Ребята повскакали со своих мест и бросились к дверям:

– В кино! Даешь кино-о-о!

Димка загородил им дорогу, но они смели бы его, им так хотелось в кино, если бы не крик Васильева:

– А у меня нет денег!

Вот тут-то по-настоящему все и началось. Димка почему-то вдруг забыл, что он только что, вот сию минуту, сам не пускал всех в кино, вырвался на середину класса и радостно закричал:

– Васильев! Я тебе одолжу!.. И всем одолжу, у кого нет... – Голос у Димки звучал звонко. – Значит, легенда такая – мы пошли провести большую физичку!

– У-у-у, Сомов – голова! – восхитился Рыжий. – Навестим больную! Это по-нашему!

– Как тимуровцы! – захихикал Валька.

И Ленка тоже восторженно захохотала: ей понравилось, что Димка такой находчивый.

А он уже командовал, чтобы выходили из класса по двое. И первый рванулся к двери. За ним – Ленка. Она даже кого-то оттолкнула, чтобы не отстать от Димки.

И тут им в спину ударил резкий голос Мироновой:

– А я в кино не пойду!

– Ты? – переспросил Димка.

– Да, – ответила Миронова.

– Смотрите, она против всех! – удивился Димка.

– Против всех! – Глаза у Мироновой засверкали.

– А если мы тебя поколотим? – спросил Валька.

– Попробуйте, – ответила Миронова и гордо расселась на своей парте.

Все как-то сразу приумолкли – никто не решался поднять руку на Миронову. А Димка вдруг рассмеялся, и Ленка следом за ним, хотя и не знала, чего он смеялся. И многие другие рассмеялись, с надеждой глядя на Димку. Не зря же он смеялся. Значит, нашел выход из положения.

– А сила у нас на что, Лохматый? – спросил Димка.

– Сила – это главное! – восторженно ответил Лохматый, поднял Железную Кнопку на руки и под общий хохот вынес из класса...

Ленка испуганно взглянула на Николая Николаевича.

Она каждый раз так испуганно смотрела на него, когда искала помощи и поддержки, когда вспоминала что-нибудь такое, что теперь ей казалось ужасным. Робкий быстрый взгляд ее беспокойных глаз говорил Николаю Николаевичу: какая же я глупая, никчемная и жалкая... На лице Ленки опять жила ни на что не похожая, только ей одной данная, только от нее одной исходящая улыбка, Ленкина улыбка, которая сейчас просила за все прощения.

А тем временем события приобретали несколько иной разворот, чем об этом знала Ленка.

Дело в том, что Шмакова и Попов не пошли вместе со всеми в кино, а остались в классе. Они притаились за шкафом с приборами, а когда все убежали, вышли из укрытия.

И еще на учительском столе стояла копилка, забытая Димкой.

Шмакова, пританцовывая, ходила между партами – у нее было хорошее настроение. А Попов, как обычно, смотрел на нее во все глаза.

– Смотри, Димка забыл свой сундук с драгоценностями. – Шмакова подняла копилку. – Тяжелая. Если бы у меня было столько монет, я купила бы себе колечко. – Она повертела рукой, точно ее палец уже украшало желанное кольцо.

– А я бы купил мотоцикл и два шлема, – вякнул Попов.

– Неужели два? – спросила кокетливо Шмакова. – Зачем?.. – Хотя ей-то как раз было совершенно ясно, почему Попов мечтал о двух шлемах.

Попов смутился, но не ответил.

– А почему мы не пошли в кино? – спросил он, стараясь переменить тему разговора.

– Я не пошла потому, что не захотела, – сказала Шмакова.

– А я – как ты! – рассмеялся Попов.

– Послушай, Попов... Так зачем ты хотел купить два шлема? – Она чувствовала над ним свою силу, и ей нравилось им командовать.

Попова бросило в жар.

– Ну? – повелительно спросила Шмакова. – Ну что ты тянешь?

– Я... я... – выдавил Попов, пытаясь сознаться, и вдруг он услышал чьи-то спасительные шаги и прошептал: – Кто-то идет!

Шмакова ориентировалась сразу.

– Прячься! – приказала она Попову и сама влезла под парту.

Попов втиснулся рядом с нею.

В класс вошла Маргарита Ивановна, удивленно посмотрела на доску – от ее объявления осталась только подпись, две буквы: «М. И.».

Она медленно стерла их.

– Мы уже пересекли школьный двор, – рассказывала Ленка, – когда Димка спохватился, что забыл копилку.

«Деньги забывать нельзя, – сказал Валька. – А то их могут тю-тю!»

«Я сбегая!» – восторженно закричала я, рванулась, зацепилась ногой за ногу, грохнулась об асфальт и разнесла коленку в кровь.

«Вот недотепа, – сказал Димка. – Ждите меня за углом». – И побежал в школу.

«Не угодила», – хихикнул Валька.

«А мне не больно!» – сказала я назло Вальке, хотя от обиды и боли чуть не заревела.

«Ты сходи в медпункт», – предложила Железная Кнопка.

Прихрамывая, я заковыляла к школе. Кто-то рассмеялся мне вслед – так я ковыляла, а мне было стыдно своей неловкости, и поэтому я тоже рассмеялась и захромала еще сильнее, чтобы посмешить всех.

Когда я проходила мимо физического кабинета, то услышала голоса Маргариты Ивановны и Димки и в ужасе остановилась. Значит, Димка попался.

«Ты почему вернулся один? – спросила Маргарита. – А где же остальные?»

«Ушли, – ответил Димка спокойно. – Физичка ведь заболела».

«Но я же вам написала, что будет урок литературы».

«Разве?.. Кто-то, значит, стер».

«Ну у Димки и выдержка», – подумала я.

«Не „кто-то“, а вы, – резко ответила Маргарита, голос у нее стал чужой. – Не люблю, когда врут».

А Димка ей в ответ, что и он не любит, когда врут.

«Тогда сознавайся... Куда все „слиняли“? Так, кажется, вы это называете?..»

Димка молчал.

«Боишься правду сказать?» – не отставала Маргарита.

Она его стыдила-стыдила, ругала-ругала... Сначала, что мы жалкие людишки. Потом – неблагородные и неблагодарные. И не понимаем хорошего отношения и человеческого участия. Перед самым отъездом... Обидно... Так обидно!.. Прямо нож в спину! Ну никак не ожидала... А у самой голос дрожал.

Мне ее жалко стало. У нее праздник – свадьба, а мы ей нож в спину. А потом у нее голос окреп. Не знаю, чем он ее добил. Может быть, презрительной усмешкой уголком рта – у него такая усмешка.

В общем, она его ругала, а он терпел до тех пор, пока она не назвала его трусом.

«Я трус? – впервые подал голос Димка, и он зазвенел в моих ушах. – Я-я-я-я?!» Так он громко крикнул, так возмутился, что она назвала его трусом.

Он ведь не был трусом. Ты же помнишь, как он у Вальки отбивал собак, как дрался с его старшим братом, с Петькой. Про Димку в школе легенды рассказывали. Он вытащил из горящего сарая кошку только потому, что маленькая девочка плакала – это была ее кошка. Все ее успокаивали, а в сарай, конечно, никто не лез... Представляешь, как он возмутился! Он кошек из огня вытаскивал, хотя их вовсе и не любил, но вытаскивал! А она ему: «Трус, жалкий, презренный трус!»

Димка гордый человек. А она ему: «Жалкий, презренный трус!» Как пощечину отвесила. Наотмашь – хлоп! И звон-н-н по всему классу.

Я стояла за дверью, а схватилась за щеку, будто мне отвесили пощечину.

Николай Николаевич увидел, как Ленка схватилась за щеку, будто все это с Димкой произошло только что, сию минуту, и он не выдержал:

– Да я знаю, знаю, что было дальше! Знаю. Тебе стало жалко Маргариту. Я тебя насквозь вижу – ты же благородная душа, ты вскочила в класс и все ей выложила!..

– Что ты, дедушка, это не я сказала. – Ленка почему-то перешла на шепот. – Димка ей сам выложил всю правду до конца.

– Так это он сказал Маргарите, а не ты? – удивился Николай Николаевич. – Почему же они тогда приставали к тебе?..

Ленка не ответила Николаю Николаевичу, она рассказывала все громче, все быстрее, вздохнув. Слова срывались с ее торопливых губ:

– Когда Димка все сказал Маргарите, она отпала. По-моему, забыла и про свою свадьбу, и про жениха. Ни слова не ответила и выскочила из класса. Я заранее спряталась от нее. Ее каблуки щелкали по пустому коридору, как одинокие выстрелы. Потом она не выдержала и побежала, и стук каблуков участился и слился в сплошную пулеметную очередь: тра-та-та!..

И от Димки я тоже спряталась, когда он проскочил мимо меня, размахивая копилкой. В голове у меня все перемешалось, я выхватила носовой платок, перевязала им коленку – и за ним...

А в это время в классе из-под парты высунулась хитрющая мордочка Шмаковой и совершенно ошеломленная физиономия Попова. Выражение их лиц удивительно точно передавало настроение: Шмакова была очень довольна, ее лицо озаряла странная многозначительная и таинственная улыбка. Попов же был растерян и даже потрясен.

– Видал? – Голос Шмаковой вздрагивал от возбуждения.

– Ну, Димка! – Попов еще не знал, как относиться к происшествию, которое произошло у них на глазах, и с надеждой взирал на подружку. – А что теперь будет?

– Родителей начнут таскать, – ответила Шмакова. – А мы с тобой в порядке.

– Ох, у тебя и голова! – восхищенно сказал Попов. – Член правительства... Я им не завидую.

– А я не завидую Сомову. – Шмакова снова улыбнулась и пропела «лисыим» голосом: – Они ему устроят кино...

– Лохматый его – в бараний рог! – хихикнул Попов, желая угодить Шмаковой.

– Интересно, что теперь скажет Бессольцева?.. – Шмакова задумалась, но вот какой-то четкий и ясный план созрел в ее голове. Она схватила портфель, крикнула Попову на ходу: – Быстрее!.. Посмотрим, как Димка будет сознаваться... Это же концерт! – И выскочила из класса.

Попов, как всегда, следом за нею.

– Я догнала Димку на улице, – продолжала Ленка. – Он вначале бежал быстро, решительно, потом почему-то пошел медленно, а потом вовсе потащился... И даже несколько раз останавливался, словно вообще не спешил в кино.

Наконец мы нагнали ребят. Я думала, Димка сразу все расскажет и мы ни в какое кино не пойдем. А он – нет. Не рассказал. Может, не хотел им портить настроение? И все пошли в кино.

В кино я все время думала про Димку и Маргариту, ничего не видела, никак не могла сосредоточиться и мороженое, которое мы ели, уронила на пол.

После кино я опять ждала: вот сейчас Димка расскажет про Маргариту, вот сейчас Димка расскажет про Маргариту... Меня так колотило, что Железная Кнопка заметила и спросила, чего я так дрожу. Я ответила, что не знаю, а сама подумала: «Может, Димка не сказал ничего ребятам потому, что решил раньше посоветоваться со мной? Я же его ближайший друг».

Потом все разбежались, и мы остались с Димкой вдвоем. И опять я ждала и думала: вот-вот он все расскажет. Шла и заглядывала ему в глаза. Но он ничего не сказал, а я не спросила.

Потом я себя ругала, что была дурой. Ты подумай!.. Если бы я его спросила, если бы я сказала, что я все знаю, то все-все было бы иначе. Дедушка, он правда думал, что он герой. Он еще не знал про себя, что он трус, так же как я не знала, что очень скоро стану предательницей.

– Какая же ты предательница, если это сделал он? – спросил Николай Николаевич.

– Самая настоящая... – Ленкино лицо вновь приобрело печальное выражение, сжалось, сморщилось, она боролась со слезами. – Хуже его в сто раз. Ты вот слушай, слушай и сам увидишь...

Глава седьмая

На следующее утро, когда мы вошли с Димкой в класс, нас встретила веселая нарядная толпа. Не класс, а клумба с цветами. Все были готовы к путешествию. Только одна Миронова, как всегда, была в школьной форме.

Когда появилась Маргарита, то все девчонки ей захлопали, потому что она была в новом красивом-красивом розовом платье с красным цветком – она же уезжала на свадьбу! Но Маргарита не обратила никакого внимания на наши восторги.

Я увидела ее лицо и испугалась. Посмотрела на Димку – вижу, и он испугался. Ну, подумала, сейчас нам влетит за вчерашнее. И отгадала.

Маргарита держала в руке листок бумаги, который оказался приказом директора.

Ты знаешь, что там было написано?..

«За сознательный срыв урока учащимся шестого класса в первой четверти снизить оценку по дисциплине. Классному руководителю Маргарите Ивановне Кузьминой объявить выговор. Довести обо всем случившемся до сведения родителей учащихся...»

Вот что там было написано. А мы сидели разряженные в пух и прах. Мы же собирались в Москву. Проходы между партами были заставлены чемоданами.

А на учительском столе возвышалась копилка. Мы мечтали разбить ее при Маргарите, чтобы взять эти деньги с собой на веселье.

И тут мы услышали, что во двор въехали автобусы, а в школе раздался продолжительный звонок – это был сигнал к отъезду! Мы тоже сразу рванулись к своим чемоданам. А Маргарита как крикнула:

«На места!»

«А что вы так кричите? – с вызовом спросила у Маргариты Миронова. И потом осадила ее так, как только она одна умела: – Мы же люди, а не служебные собаки».

Сразу стало тихо-тихо, но никто не садился обратно, все стояли и ждали, что будет дальше. Маргарита буквально позеленела. Платье розовое, а сама зеленая.

«Вы же еще обижаетесь! – возмутилась она. – Ну что вы стоите?.. Я же сказала – садитесь по своим местам».

Все поползли к партам, а я почему-то села на свой чемодан. И конечно, упала вместе с ним. А следом другие чемоданы попадали. Грохот раздался...

«Бессольцева, не паясничай, – сказала Маргарита, – не поможет».

«Я не паясничаю», – ответила я.

На самом деле я не паясничала. Просто испугалась ее крика. Когда на меня кричат, я обязательно что-нибудь не то сделаю – у меня всегда так.

А все этажи уже взорвались, как бомба, и десятки ног с топотом неслись по коридору и лестницам, и десятки голосов радостно галдели, проносясь мимо наших дверей. Какой-то умник всунул голову в наш класс и завопил:

«Чего вы сидите?» – и исчез.

Рыжий не выдержал.

«Маргарита Ивановна, мы на автобус не опоздаем?» – вежливо так у нее спросил.

«Не опоздаете, – ответила Маргарита, – потому что вы никуда не поедете!»

Вот тут, можно сказать, все онемели. Мы не едем в Москву! Этого никто не ожидал.

«Как... не поедет?» – заикаясь, спросил Рыжий. Он был в ужасе.

«Вы уже повеселились», – сказала Маргарита.

Попов вскочил и схватил два чемодана – свой и Шмаковой.

«А мы, – говорит, – в кино не ходили! Мы со Шмаковой ни при чем!»

«Но и на урок вы не явились. Так что никто никуда не поедет!»

А Попов стоял с чемоданами, и вид у него был дурацкий.

«Поставь чемоданы!» – приказала Шмакова.

И вот в это время вдруг раздался смех. Все вздрогнули. Кто это смеется в такой момент? Что за сумасшедший! А это – Васильев! Наш чудик.

«А ты чего веселишься?» – спросила Маргарита.

«Я догадался – вы нас просто пугаете!»

«Я пугаю? – удивилась Маргарита. – С чего ты взял?»

«А почему вы тогда в новом платье?» – спросил Васильев и засмеялся от собственной догадливости.

– Я вижу, он хороший парень, твой Васильев, – заметил Николай Николаевич.

– Он прихлебатель Лохматого и Железной Кнопки. Вот он кто. Ходит за ними тенью...

Не перебивай меня, сам дальше увидишь, какой он хороший. Все они такие хорошие, прямо золотые – ты увидишь!.. Ты лучше слушай, слушай!.. Значит, когда этот чудик сказал Маргарите, что она шутит, то она ему ответила, что вовсе не шутит. С чего ты это взял, мол, дурачок такой-этакий. «Я, говорит, в новом платье, потому что я еду в Москву. Это вы не едете!»

У Васильева вытянулось лицо.

«Это нечестно, – сказал он. – Директор объявил выговор вам и нам. А теперь вы едете, а мы нет. А мы же вместе собирались».

А Маргарита как стала возмущаться:

«Ты на самом деле так думаешь, Васильев? Или прикидываешься?»

«На самом деле».

«Ну, тогда я тебе все объясню, – с угрозой произнесла Маргарита. – Я в кино не убегала, а пострадала из-за вас. Получила выговор. Вполне достаточно для меня. Я должна была раньше уехать в Москву, имела полное право, а я отложила свой отъезд. – Маргарита возмущалась и от этого из зеленой стала розовой, под цвет платья. – А из-за чего я отложила свой отъезд?.. Из-за вас, чтобы поставить вам три-четыре лишние пятерки, чтобы доказать, какой у меня необыкновенный класс. В Москве, – говорит, – на меня обиделись...»

Ну нам-то всем было понятно, кому она звонила и кто на нее обиделся – жених. Она с этим женихом прямо обалдела. В день по сто раз про него вспоминала, даже когда не надо: «Жених, жених!..»

И тут, когда Маргарита сказала про жениха и про пятерки, Железная Кнопка вскочила, сама побледнела, но спокойным-спокойным голосом, ленивым таким, объявила:

«Нам не нужны ваши „лишние пятерки“, так что вы зря не уехали, и на вас бы тогда никто не обиделся».

Представляешь?.. Миронова кому хочешь все что угодно может сказать, если думает, что она права.

Маргарита от ее слов обалдела. У нее чуть глаза не повисли на ниточках. Она прямо заикой стала.

«Как же вам, – говорит, – не стыдно?..»

«А чего нам стыдиться? – вставил Валька. – Мы ничего не украли».

А Маргарита еще больше обалдела:

«Ты что же, думаешь, что надо стыдиться только воровства?»

«А чего же еще? – Валька засмеялся. – У нас все в законе».

«Тогда, может быть, вы в кино сбежали нарочно, чтобы подвести меня?» – в ужасе спросила Маргарита.

«Конечно-о-о-о!»

«Нарочно-о-о!»

«Мы нарочно-о-о-о-о!»

Они кричали эти слова, и им совсем не было жалко Маргариту. Они как с цепи сорвались. Это они от обиды на Маргариту и на себя, что оказались дураками – променяли Москву на кино.

А Димка вертелся волчком, подбегал то к одному, то к другому, стараясь заткнуть ребят там рты, прямо летал по классу.

А ребята орали:

«Мы в Москву не хотим!..»

«Нам бы двоек побольше!..»

«Вот какие вы, оказывается, – сказала Маргарита. – Тогда мне с вами больше не о чем говорить». И пошла к выходу.

«Маргарита Ивановна, постойте! – Димка пытался ее остановить. – Они же шутят!.. – Он суетился возле нее, забегая вперед. – Мы же работали!.. В Москву на свои деньги... Я сейчас к директору... Он нас простит. Честное слово, мы больше не будем. Маргарита Ивановна, можно я к директору? – Он прижался спиной к двери и не выпускал ее. – Вы же нас потом сможете наказать, Маргарита Ивановна!»

«Пусти, Сомов! – приказала Маргарита. – Ты поздно спохватился».

«А что же мне делать с копилкой?» – спросил Димка.

Маргарита крутнулась на каблуках, медленно вернулась, взяла копилку в руки, подняла высоко над головой и... грохнула об пол! Представляешь?! Ну, это было как извержение вулкана! Или как землетрясение!.. Лично у меня пол под ногами заходил ходуном.

До сих пор мы еще на что-то надеялись, вроде чудака Васильева. А тут поняли: не видать нам Москвы как своих ушей.

«Можете теперь ходить в кино хоть каждый день», – сказала Маргарита и удалилась.

Все сидели тихо, но как только дверь захлопнулась, бросились к разбитой копилке.

И началось...

«Давайте ей назло разделим деньги и погуляем!» – крикнул Валька.

А чудик Васильев еще хотел их остановить.

Лохматый оттолкнул его и приказал:

«Дели, Шмакова!»

Шмакова собрала все деньги, перенесла их на стол и стала считать.

«Ух, заработали!» – Валька глотал слюну, точно перед ним были не деньги, а вкусная еда.

А Димка вдруг сорвался с места как бешеный и стал всех отталкивать:

«Не трогайте! Я сейчас эти деньги сам соберу и достану новую копилку!»

Он хватал деньги, рассовывал их по карманам, а сам говорил, говорил: «Мы еще заработаем и махнем в Москву на зимние!..»

А Валька вцепился в него и завопил, что эти деньги общие, что Димка всех грабит.

Ну, тут на помощь Вальке бросились Лохматый и Рыжий. Они скрутили Димке руки, влезли в его карманы и вытащили деньги. А он, такой бедненький, бился у них в руках, изворачивался, выкручивался. Потом они его отпустили.

«Дели, Шмакова!» – приказал Лохматый.

«Шмакова, не надо! – Димка еле переводил дух. – Не слушай Лохматого!»

«Не командуй, Димочка, – ласково пропела Шмакова. – Я же тебе не Бессольцева. – А сама косилась на Димку, ну нарочно поддразнивала его, ласково напевая: – Что же ты не дерешься, не отстаиваешь свои принципы?.. Ты же у нас честный и решительный. Ах ты, Димочка, Димочка! Командир ты наш главный... Откомандовался!..»

Я же тебе говорила, что она настоящая лиса, поет сладким голосом, будто колыбельную, будто укачивает тебя своей лаской, а сама под дых бьет. И Димку она совсем убила – он сидел как побитая собака. Мне его было жалко.

А Шмакова тем временем считала деньги – шевелила губами, точно листья шелестели по траве. Нос у нее удлинился, она и носом помогала себе считать. Только один раз отвлеклась, когда краем глаза увидела, что Валька стащил рублевку и спрятал в карман. Тут она закричала не своим голосом, что Валька прикарманил рублевку.

Лохматый схватил Вальку за шиворот, тот сразу вернул деньги и сделал вид, что обиделся, что, мол, они не поняли его шутки.

«Не на такую напал. Знаем мы твои шутки, – зло отрезала Шмакова и снова радостно запела: – Все!.. Чин чином. Как в кассе – по двадцать три рэ!»

На учительском столе лежало тридцать шесть стопок денег – по числу ребят в нашем классе.

«Ну что же вы, работнички, рты раскрыли? Налетайте! – Шмакова аккуратно подцепила одну стопочку. – Прикоплю еще и куплю голубую куртку. Я в нашем универмаге видела. Обалденная!»

За Шмаковой деньги схватил Валька... и тут же пересчитал.

«Не доверяешь?» – усмехнулась Шмакова.

«Деньги счет любят», – ответил Валька.

Потом стали брать другие... Одни хватали, другие брали небрежно, третьи пересчитывали. Лохматый взял две стопки и одну отнес Мироновой.

На столе остались Димкины деньги и мои.

«А вам что, деньги не нужны?» – спросила Шмакова.

«Они бесребреники», – хихикнул Валька.

Димка стоял рядом со мной, и я чувствовала, как его бил озноб. Он рванулся к столу, схватил свои деньги и заорал:

«Жмоты несчастные!.. Подавитесь этими деньгами!.. – Он подскочил к Вальке: – На тебе!.. На!..» – и стал совать ему свои деньги.

Я обрадовалась, что он снова храбрый, и тоже закричала:

«И мои отдай!»

Метнулась за деньгами и сунула их Димке.

А он совал Вальке эти деньги, а они падали на пол и рассыпались, потому что Валька испуганно отступал от него, отталкивал его руки и твердил:

«Да отстань ты от меня, псих!..»

Васильев крикнул, что пусть все деньги вернут Димке и что правда можно поехать в Москву зимой.

«Правильно, ребята! – подхватил Димка. – Сваливай сюда деньги!» И он подобрал деньги с пола и сложил их обратно на учительский стол.

А я от него зарядилась храбростью, как электричеством. Меня прямо распирало от гордости за Димку: все-таки большинство ребят по-прежнему его уважали. Я подумала, что сейчас самое время рассказать про Маргариту. Он ей все выложил не от трусости, а оттого, что был за правду.

И я теперь тоже носилась по классу, подскакивала к ребятам и говорила: «Давайте деньги, давайте, возвращайте!» И кое-кто мне уже вернул, но я не успела даже положить их на учительский стол, потому что тут нас подкосила Железная Кнопка.

«Надоело, Сомов, – сказала она. – Ну что ты все болтаешь языком, болтаешь, а надо узнать главное».

«Вы слышали, ребята, что она сказала? – У Димки еще блестели глаза. – Я болтаю... Я предлагаю заработать побольше денег и поехать на зимние каникулы в Москву... А она называет это болтовней! – Он подошел к Мироновой: – Ну скажи нам тогда ты, дорогая Железная Кнопка, если я болтаю, то что же ты считаешь главным?» – Он склонился к ней и приложил к уху ладонь: мол, плохо вас расслышал, повторите.

И я тоже повторяла, вслед за ним, каждое его движение и слово:

«Ну скажи нам тогда ты, дорогая Железная Кнопка, что же ты считаешь главным?» – И приложила ладонь к уху.

Но нам с Димкой наши остроумие и находчивость не помогли.

Мы не испугали Железную Кнопку. Она – не я. Она сама кого хочешь испугает. Она мне нравится, только она очень беспощадная.

«Ребята! – крикнула Железная Кнопка, не обращая на нас внимания. – Знаете, что главное? Я поняла. Кто-то донес Маргарите, что стерли ее надпись на доске. Так что выходит – нас предали».

Она умная, Железная Кнопка, догадалась. А я, когда услышала ее слова: «Нас предали», закачалась. Меня как обухом по голове стукнуло. Посмотрела на Димку, хотела ему крикнуть: «Ну чего же ты молчишь, потом поздно будет!» А у самой от страха язык окостенел. И Димка, вижу, сник. И блеск у него в глазах пропал, и храбрость куда-то улетучилась. Вот так Железная Кнопка! Взяла Димку на зубок и перекусила.

Ну, тут и началось. Все ребята стали кричать. Они вопили как сумасшедшие:

«Ну, мы его!..»

«Найдем предателя!»

«Среди нас окопался гад!»

«Тихо!.. – заорал Лохматый. – Выходит, кто-то из наших наклепал Маргарите?..»

«Выходит», – ответила Миронова.

«А кто?» – спросил Лохматый.

Стало тихо.

«Кто предал? Кто же предал?» – думали ребята, поглядывая друг на друга.

Это для них была тайна, и им во что бы то ни стало хотелось ее узнать. Теперь они были все заодно, и получалось, что все против нас.

Они смотрели в рот Железной Кнопке: что она скажет дальше?

Железная Кнопка подозрительно осматривала нас – искала предателя. Глаза у нее были въедливые-въедливые, медленно двигались по нашим лицам. Она еще не добралась до нас с Димкой, а я уже дрожала от страха, потому что Железная Кнопка прожигала насквозь. А когда она посмотрела на Димку, то сказала странным голосом, растягивая слова:

«Дим-ка-а-а... А ты воз-вра-щал-ся...»

На меня эта ее манера растягивать слова плохо действовала. Я сидела ни жива ни мертва.

Нашу парту окружили несколько человек во главе с Мироновой, и по классу пошел шорох, что, конечно же, Димка возвращался за копилкой.

«Точно! – Лохматый схватил Димку за грудки. – Ты возвращался? А ну признавайся!.. Нарвался ты на Маргариту?.. И все ей выложил?»

«Он же у нас чистенький! – крикнул Валька. – У него совесть есть, мог и признаться».

«А ведь главное не совесть, а сила! – Лохматый занес над Димкой здоровенный кулак. – Я вот тебя как стукну в лоб, ноги отлетят!..»

«Ой, ой, – пропела Шмакова, – а он испугался. Ребята, а наш храбрый Димочка испугался. Вот номер!» – И затряслась от смеха.

А Димка и правда испугался. И я тоже испугалась. Он вырвался: да отстаньте, мол, с вашими глупостями, хотя это уже были не глупости.

«Ребята, Димка что-то утаивает! – закричал Валька. – Это же факт, утаивает! Смотрите, смотрите, у него глаза бегают! – Он захохотал. – Бегают! Ох, бегают!»

«Отвяжитесь!.. Надоели, придурки! – вдруг каким-то чужим голосом выкрикнул Димка. – Из-за вас в Москву не попали!.. „Дашь кино! Дашь кино!“ Вот вам ваше кино – боком вышло!»

Димка растолкал кольцо ребят и пошел к выходу. Я – за ним. А Железная Кнопка так ехидно-ехидно, небрежно-небрежно, с легкой улыбочкой бросила нам вслед:

«А я знаю... кто предатель!»

Мы с Димкой остановились как вкопанные – прямо приросли к месту. Куда нам теперь было бежать, если Железная Кнопка все знала?..

С разных сторон понеслось: кто предатель да кто?.. Каждому охота была поскорее узнать его имя. Раззадорились – жаждали мести. А с другой стороны, они были правы. Разве кто-нибудь любит предателей?.. Их никто не любит. Никто. Их все презирают.

Лохматый подскочил к Мироновой:

«Говори, кто он?!»

Ну, решила я, сейчас Железная Кнопка бабахнет про Димку!.. Ну, думаю, теперь мы пропали! Ну теперь они разорвут нас на мелкие кусочки...

Заметалась я, засуетилась, хотела спрятаться за Димку – посмотрела на него и не узнала! Передо мной стоял какой-то зеленый лунатик – глаза у него из синих стали белыми. Не веришь? – Ленка посмотрела на Николая Николаевича. – Думаешь, не бывает белых глаз?.. Но они были белыми. Точно! И жалкая улыбочка ползала у него по губам, вроде моей. И у меня в ответ губы поползли к ушам – хорошенькая получилась парочка!

Тут меня как молнией ударило, прямо пронзило! Я догадалась, что Димку перевернуло так от страха. Говорят же: «На нем лица не было от страха». Так вот, на Димке и не было лица. Маргарите-то он все сказал, он перед нею был герой, а теперь испугался.

А я за него еще хотела спрятаться. Но когда поняла, что ему страшно, что он погибал на моих глазах, то я вдруг сразу перестала бояться. Почувствовала, что ничего не боюсь. Взяла его руку в свою и крепко сжала. Ну, чтобы он знал, что он в этом мире не один. И мне показалось, он понял это и вроде бы кивнул мне.

И тут я увидела, что у него глаза снова выкрасились в синий цвет. Я обрадовалась, решила, что это из-за меня, из-за того, что я взяла его за руку.

А тем временем все ждали, что будет дальше. Только Железная Кнопка не спешила открывать нам свою тайну, она важно и таинственно молчала.

«Ну, Миронова, не тяни!» – простонал Рыжий.

– Дедушка, – сказала Ленка. – А знаешь, я бы никогда не тянула так время, как Железная Кнопка, если бы знала про кого-нибудь страшную тайну. А может, ее поэтому и прозвали «Железной»?

Это собственное открытие заставило Ленку замолчать – она о чем-то задумалась.

Николай Николаевич улыбнулся, чтобы как-то, хотя бы улыбкой, смягчить тревожное состояние Ленкиной души.

Но она не ответила на его улыбку, не приняла ее, она была там, вся в этой истории, которая заставила ее так страдать и которая до сих пор еще была не ясна ее дедушке.

– А ты?.. – Ленка резко повернулась к нему всем корпусом. – Ты бы тянул время, если бы знал про кого-нибудь страшную тайну?

– Я бы не тянул, – строго ответил Николай Николаевич. – Никогда. Зачем зря мучить людей, зачем над ними издеваться и выворачивать и без того слабые их души наизнанку, если они даже виноваты. Можно презреть, наказать, помочь, но мучить нехорошо, стыдно, нельзя. Это ожесточает человека. Надо быть милосердным.

– Милосердным? – спросила Ленка. Она задумалась над значением этого слова.

– Знаешь, что такое «милосердный»? – продолжал Николай Николаевич. – Это человек, у которого «милое» сердце. Доброе, значит.

– А Железная Кнопка тянула, тянула, тянула! – сказала Ленка.

«Дадим, – говорит, – ему три минуты на размышление». И посмотрела на часы.

«Одна минута прошла!» – счастливым голосом пропела Шмакова.

Жуткая тишина сопровождала эти три минуты, это ожидание. Только иногда кто-то вскрикивал или хихикал, и все в страхе поглядывали друг на дружку, пытаясь заранее отгадать, кто же предатель.

«Не сознается, ему же хуже будет, – зловеще произнесла Миронова. – Ну! – Она крикнула, как кнутом стеганула. – Ну же! Сознавайся, предатель!.. Сознаешься – тебе же самому лучше и легче будет!»

«Попов, – приказала Шмакова, – встань у дверей, а то *он* еще сбежит». Она почему-то засмеялась.

Попов пересек класс и, радостно ухмыляясь, стал позади нас.

«Две минуты!» – почти не разжимая губ, выдавила Миронова.

Я посмотрела на Димку – он стоял как вкопанный.

«Димка», – в ужасе прошептала я, чтобы подтолкнуть его.

Мне хотелось заорать на него страшным голосом, ударить, чтобы сдвинуть с места, заставить признаться раньше, чем Железная Кнопка назовет его имя.

«Три!» – прозвенел голос Мироновой.

«Три, три, три!» – гудело в моей голове. У меня все поплыло перед глазами, я бы грохнулась, если бы Попов не подхватил меня.

А когда я пришла в себя, то поняла, что Димка не успел еще сознаться, потому что он по-прежнему стоял рядом со мной и никто не обращал на нас никакого внимания.

«Ну? – Лохматый рванулся к Мироновой, он хотел побыстрее схватить предателя. – Кто же *он*?..»

А Миронова снова тянула время.

И тут Димка наконец еле слышно прошептал:

«Ребята...»

Его услышала только Шмакова.

«Что „ребята“? – Шмакова подскочила к Димке. – Тихо-о-о! Сомов хочет нам что-то сообщить! Говори, Димочка! – сладким голосом пропела она. – Говори!»

Но в это время Железная Кнопка, не обратив внимания на Димку, произнесла фразу, которая сразу изменила всю обстановку.

«Подходите ко мне по очереди, – приказала она. – Я буду проверять ваши пульсы. – И угрожающе добавила: – Посмотрим, как сейчас бьется пульс у предателя!»

Все недоуменно переглянулись, у многих разочарованно вытянулись лица. Они готовы были схватить предателя, они жаждали мести, а тут – какой-то пульс.

«Так ты не знаешь *его*?» – хриплым голосом спросил Димка.

Я увидела, как он обрадовался. Он рассмеялся, бедненький, от радости, что Железная Кнопка, оказывается, ничего не знала, что он получил отсрочку.

«А может быть, кто-нибудь другой *его* знает?» – ухмыляясь, сказал Попов.

«И другой тоже не знает, дорогой мой Попик, – сказала Шмакова. – И мы не будем торопиться... – Она почти танцевала между рядами парт и пела: – Мы все-все постепенно узнаем... И как *его* зовут... И что *он* сказал Маргарите... И зачем *он* это сделал...»

«Подходите ко мне по очереди», – сказала Железная Кнопка.

Первым к Железной Кнопке подошел Васильев.

«Проверяй. – Он протянул Мироновой руку. – Посмотрим, что у тебя получится».

Миронова стала считать пульс у Васильева.

Все остальные молча следили за ними, готовые по первому сигналу Железной Кнопки броситься на того, у кого пульс будет биться слишком быстро.

«Нормальный, – сказала наконец Миронова. – Следующий...»

Ребята один за другим подходили к Железной Кнопке, а она считала у них пульс и говорила:

«Нормальный! Следующий!..»

И все больше было тех, кто прошел проверку, и все меньше, кому осталось ее пройти.

Потом, после Шмаковой, Железная Кнопка начала считать пульс у Попова... И на очереди остались только двое – Димка и я! Но тут Железная Кнопка отбросила руку Попова, вскочила – щеки у нее снова заалели – и объявила:

«Пульс – сто!»

«Пульс – сто!.. Пульс – сто!.. Пульс – сто!..» – понеслось по рядам.

«А сколько надо?» – спросил Лохматый.

«Семьдесят! – Железная Кнопка победно оглядела класс. – Попался, голубчик!»

«Ну, гадина!» – Лохматый схватил Попова и выкрутил ему руки.

«Точно, это *он*! – заорал Рыжий и бросился к Лохматому на помощь. – Они же в кино со Шмаковой не ходили и в Москву хотели уехать вдвоем».

Ребята мигом окружили Попова, и со всех сторон понеслось:

«Ну и Попик! Ну и верзила!»

«Ну и раб! Дать ему по носу!»

«Да отстаньте вы от Попова», – вдруг совершенно спокойно сказал Димка.

А я решила: наконец он все скажет. Я снова задрожала от страха: все-таки сознаваться страшно, хотя и надо. Но я раньше времени задрожала, он и не думал сознаваться. Он сказал: какая разница, Попов это сделал или не Попов, все равно Маргарита бы узнала, и что во всем виноваты мы сами, и нечего искать козла отпущения.

«Большая разница! – возмутилась Железная Кнопка. – За предательство знаешь что бывает?»

А Димка развеселился – он перестал бояться – и, совсем как прежде, сказал:

«Ах, ах, как страшно!»

«Попов, рассказывай!» – приказала Железная Кнопка, демонстративно отворачиваясь от Димки.

«А что? – Попов самодовольно хмыкнул и посмотрел на Шмакову. – И расскажу».

«Еще как расскажет, – улыбнулась Шмакова, – хотя кое-кому это и не понравится... – Она притворно вздохнула: – Но что поделаешь!.. На всех не угодить!»

«Ребя! – Попов сиял. – Ребя, что было!..»

Он так многозначительно посмотрел на Димку, что можно было подумать, что он все знает! И я посмотрела на Димку, и снова меня как молнией пронзило: его опять от страха всего перекоरेжило! Тогда я опять бросилась очертя голову вперед, чтобы помочь ему.

«Послушайте! – закричала я. – Послушайте меня!..»

«В чем дело? – возмутилась Железная Кнопка. – Что ты нам мешаешь?..»

«Ну почему же мешает, – вмешалась Шмакова. – А может быть, она скажет что-нибудь по делу. Говори, Бессольцева... Мы ждем с нетерпением».

«Ребята, – сказала я. – Это... это...»

Я уставилась на Димку, сверлила его глазами, чтобы он понял, что ему уже пора сознаваться, что больше нет ни одной свободной секунды. Но он снова промолчал, он как будто не замечал моих взглядов.

«Это... – я решила сама назвать его имя, раз он не мог, – сделал...» И замолчала, хотя понимала, что для отступления уже все дороги отрезаны. Но у меня дыхание перехватило, никак я не могла назвать Димкино имя.

«Ты что замолчала? – надела на меня Шмакова. Она стояла передо мной в торжественной, величественной позе, сложив руки на груди. – Ну говори же, говори, кто это сделал, потвоему?»

Дедушка! Посмотрела я на Шмакову и поняла: вот кто обрадуется, когда узнает про Димку. И вдруг я почему-то улыбнулась и сказала совсем не то, что собиралась...

«Это сделала я!..»

– Ах вот в чем дело, – сказал Николай Николаевич и как-то весь преобразился.

Значит, Ленка всю вину взяла на себя. А он, старый леший, даже не подумал об этом. Кажется, она сможет прожить жизнь не хуже прочих Бессольцевых, ибо обладала теми чудными качествами характера, которые непременно требовали от нее участия в судьбах других людей и боли за них.

Это открытие, так неожиданно посетившее Николая Николаевича, обрадовало его несказанно. Он встал и весело прошелся по комнате, напевая себе под нос, что случалось с ним крайне редко.

– Что с тобой? – не поняла Ленка.

– Со мной? – Николай Николаевич вполне радостно улыбнулся. – Со мной положительно ни-че-го!.. Продолжай, пожалуйста! Я внимательно слушаю тебя.

– Когда я первый раз произнесла, ну, про то, что это сделала я, то многие не поверили своим ушам: что это, мол, она мелет. А я посмотрела на Димку, улыбнулась и повторила громко:

«Это сделала я! Понятно?.. Я!»

До чего же у них стали смешные лица! Рыжий открыл «варежку» и забыл ее закрыть.

«Ты?» – Шмакова выпучила на меня глаза.

И следом за нею Попов тоже выпучил.

Лохматый стукнул меня по спине:

«Вот тебе для начала!»

А Васильев почему-то перепугался.

«Не может этого быть», – говорит.

«Может, может! – закричала я. – Это я!» – И зырк на Димку: мне было интересно, когда же он сознается.

Васильев наклонился ко мне и тихо прошептал:

«Я догадался... Ты их разыгрываешь?..»

Я в ответ рассмеялась, и Васильев, вполне довольный, тоже рассмеялся.

А Железная Кнопка сразу поверила. Она с жадностью посмотрела на меня, потом лицо ее ожесточилось, она не из тех, которые прощают.

«Как же тебя угораздило, несчастное ты чучело?» – спросила она.

«А так, угораздило, – весело ответила я. – Побежала в медпункт, чтобы перевязать ногу, встретила Маргариту... и все ей рассказала». – А сама снова – зырк на Димку.

Он, кажется, уже успокоился, а меня это обрадовало – значит, я снова помогла ему.

Лохматый второй раз стукнул меня ребром ладони между лопаток, а я даже не вздрогнула.

Васильев подмигнул мне и радостно завопил:

«Во смелая!.. Лохматый, она тебя не боится!»

А я правда не испугалась. Что-то случилось со мной новое. Сама себя не узнавала, ну точно это была не я.

Так вот, когда я «созналась», то Железная Кнопка сразу взяла власть в свои руки, и все стали ей подчиняться. Она приказала закрыть двери.

Валька схватил учительский стул, всунул в кольцо дверной ручки, хихикнул и радостно потер руки:

«Ну, будет веселое дельце!»

Мы сидели взаперти – вроде бы одни во всем мире. Там везде шла какая-то жизнь, во дворе счастливчики собирались в Москву, а мы здесь сидели одни в четырех стенах.

Видно было, что никто толком не знал, что делать со мной дальше.

Первым нашелся Валька – он понял, что меня надо бить. И швырнул в меня резинку – она ударилась в стенку и вмазалась Попову в лицо.

«А меня-то за что?» – завопил Попов.

Все, конечно, засмеялись, весело получилось: целили в меня, а попали в бедного Попова. Ну и я тоже рассмеялась и Димке подмигнула: мол, а ты, дурачок, чего же не веселишься?

Но Димка сидел мрачнее мрачного.

И еще Железная Кнопка не пожелала веселиться. Она вскочила на парту:

«Ребята, произошла страшная история. Среди нас появился предатель!.. – Она обвела всех взглядом, щеки у нее покрылись румянцем возмущения. – Что мы будем с нею делать? Надо решать».

А Васильев как завопит:

«Сжечь ее на костре! Да свершится гражданская казнь!»

«Точно! – обрадовался Рыжий. – Сжечь ее на костре!»

Все снова рассмеялись, потому что Рыжий когда кричал: «Сжечь ее на костре!» – то корчил смешные рожи.

И я тоже рассмеялась и оглянулась на Димку и показала ему, что мне совсем не страшно.

Но Железная Кнопка опять не поддавалась общему веселью.

«Лохматый, – приказала она, – выруби Рыжего, чтоб не кривлялся».

Рыжий сам сразу сдался, он закричал:

«Я как все!.. Я ей ничего не прощаю!.. – Подлетел ко мне: – У-у-у, трепло-о-о!»

«Ладно, Рыжий, потом будешь орать, а сейчас помолчи. И забудь про свои дурацкие шутки, – сказала Железная Кнопка. – У нас серьезный разговор и серьезное дело».

– Знаешь, дедушка, – сказала Ленка, – у Мироновой очень сильная воля. Я тогда снова подумала: не зря ее прозвали Железной Кнопкой, не зря.

«Так простим мы ее или не простим?» – Глаза ее прямо испепеляли всех.

И тут все заорали кто что:

«Не простим!..»

«Простим!..»

А я еще ничего не понимала и закричала:

«Не прощайте!.. Не прощайте!..»

«Тихо!» – остановила всех Железная Кнопка.

Миронова знала, что все ждут, что же она скажет, и поэтому снова тянула по своей привычке, а потом с восторгом объявила:

«Бессольцевой – бойкот!»

И все дружно подхватили:

«Бойкот! Бой-кот!»

В это время кто-то дернул дверь из коридора, а потом застучал и закричал, чтобы мы немедленно открыли. Мы узнали голос Маргариты.

Я испугалась, что она ворвется и выдаст Димку. А он еще сильнее меня испугался. На цыпочках подбежал к двери, приложил палец к губам: мол, все молчите!

Тут, конечно, мы притихли. И я, дурочка, тоже, как он, приложила палец к губам и вертела головой во все стороны, чтобы никто не издал ни шороха, ни звука.

Маргарита стучала и стучала:

«Немедленно откройте!»

А Димка, бледный-бледный, ни кровинки в лице, стоял около дверей. Смотреть на него было невозможно – так он дрожал. А Маргарита не отставала:

«Откройте, откройте!»

Железная Кнопка подошла к Димке, оттолкнула его, открыла дверь, и перед нами появилась Маргарита. Она подозрительно спросила:

«Какой еще бойкот?.. Что тут происходит?»

Мы молчали.

Но тут, на наше счастье, кто-то из коридора позвал:

«Маргарита Ивановна!.. Вас Москва вызывает!»

Ну а когда Маргариту вызывает Москва, она обо всем забывает.

Она рассеянно посмотрела на нас, словно забыла, чего она так стучала и что ей надо, улыбнулась, махнула рукой и убежала.

Железная Кнопка невозмутимо закрыла дверь и спросила, обращаясь к классу:

«Значит, Бессольцевой...»

И ей дружно ответили:

«Бой-кот!»

«Бойкот!» – крикнул Васильев, задыхаясь от смеха.

«Никто, слышите, ни один человек не должен с нею разговаривать, – требовала Железная Кнопка. – Пусть она почувствует наше всеобщее презрение!.. А тому, кто нарушит клятву, мы тоже объявим самый жестокий бойкот! Наш пароль: „Бойкот предателю!“»

«Даешь бойкот! – несло с разных сторон. – Да здравствует справедливость!»

«Ух, повеселимся! А, Сомов?! – затрещал Валька. – Погоняем твою подружку!.. Давай, давай крикнем вместе: „Бой-кот Чу-че-лу!“ – приставал он к Димке. – Чего же ты не кричишь?»

Димка криво усмехнулся и промолчал.

А все кругом заволновались, засуетились:

«Как же? Сомов против бойкота?»

«Сомов отделился от всех! Ай-ай-ай!..»

«Ты что, Димочка, правда против бойкота? – спросила Шмакова. – Нехорошо идти против коллектива, неправильно».

Димка продолжал криво усмехаться, хотя ему было не до смеха.

Валька понял, что Димка растерялся, что он засбоил, и прилип к нему:

«Ну поднатужься, поднатужься, Сомик! – И хватал его руками, и тормозил, и восторженно ржал, понимая, что добивает Димку. И прыгал, и танцевал вокруг него. – Ну давай, давай же вместе: бой-кот Чу-че-лу!.. – Ему нравилось так выкрикивать, и он почти пел: – Бой-кот Чу-че-лу-у-у!» – И наседали, наседали на Димку.

Я не выдержала; мне жалко было Димку, и я крикнула Вальке прямо в лицо:

«Бой-кот!.. Бой-кот!..»

Валька от неожиданности перепугался и отскочил:

«Ты что, ошалела? Орешь в ухо!»

А внизу во дворе в это время разворачивалась своя жизнь, и в этой жизни наступил торжественный момент – шоферы автобусов завели моторы. Этот гул достиг наших окон, и Шмакова закричала:

«Автобусы уходят!»

Мы прилипли к окнам и с завистью смотрели на бурлящий школьный двор, перебрасываясь редкими словами по адресу отъезжающих:

«Смотрите, Маргарита с цветами... Ох, ох, довольная!.. – сказала Шмакова. – Какая важная... Невеста!»

«Заметила нас... Улыбайтесь ей, улыбайтесь, – приказала всем Железная Кнопка и сама тоже улыбнулась. – Сделаем ей ручкой. – Она помахала рукой Маргарите. – Пусть не думает старушка, что мы откинули копыта от переживаний».

«Уезжают... – Голос у Рыжего задрожал. – А мы!..» В глазах у него стояли слезы.

«Машет нам наша наседка, – противно хохотнул Валька. – Хорошо бы ей плюнуть на голову... Она стоит – ей шмяк по макушке!»

«Ну и подонок ты!» – вдруг возмутился Лохматый.

«Почему подонок? – ответил Валька. – А что она с нами сделала?»

«Опять машет, – хмыкнул Лохматый. – Может, зовет нас, чтобы мы поздравили ее со свадьбой?»

«Я мимо училки бежала и увидела в открытую дверь, как учителя там поздравляли Маргариту. Они пили чай с большим-большим тортом, – вырвалось у меня. – Я всунула голову и сказала: „Маргарита Ивановна, а я вас тоже поздравляю“. Они все смутились, даже смешно. А директор подавился чаем и закашлялся... И все после этого засмеялись...»

«Ты ловка, – заметила Железная Кнопка. – Предатель, да еще и подлиза».

«Миронова, полегче на поворотах», – заступился за меня Васильев.

– Ну а Димка-то что? – почти крикнул Николай Николаевич.

– Димка?.. Ничего. Он успокаивался – это было видно. Правда, когда Железная Кнопка сказала мне, что я подлиза и предатель, то он быстро отвернулся от меня, чтобы я не перехватила его взгляд. А в это время Маргарита снова замахала нам рукой. И Шмакова тогда сказала:

«Чего она размахалась, наша мельница?»

«Ребята! – заорал как безумный Рыжий. – Это она нас зовет!.. Она передумала!»

«Передумала-а-а! Даешь Москву!»

Их как ветром сдуло – они забыли и про меня, и про бойкот, и про Димку!.. Мы с Димкой остались вдвоем.

– Тебе нравится «Уснувший мальчик»? – спросила Ленка дедушку и быстро, не ожидая ответа Николая Николаевича, добавила: – Ты не отвечай. Не надо... А мне он очень нравится. Он на Димку похож. Только у «Уснувшего мальчика» улыбка испуганная, а у Димки надменная. А это большая разница. Раньше я этого не понимала. А теперь поняла, что я люблю испуганных людей. Ну, они вроде бы какие-то не такие, у них есть испуг за других.

Ленка посмотрела на Николая Николаевича и застенчиво улыбнулась:

– Ты мне тоже поэтому нравишься... А когда мы остались вдвоем в классе, то Димка стал вылитый «Уснувший мальчик», потому что он потерял свою надменность. Он так посмотрел на меня, как никогда. Грустно-грустно. По-моему, он хотел сказать мне что-то особенное, важное. Нет, не только то, что он всех выдал Маргарите, а что-то еще...

Если бы я, дура, не рассмеялась, то он бы сказал. Видно было, что у него эти слова были на кончике языка. И все могло бы быть иначе. А я захохотала. Представляешь?.. Дура!

Ну, он и бросился от меня бежать. А я за ним. Прыгала через две ступеньки, когда неслась по лестнице, и мне было весело-весело... В последний раз было весело.

Ленка вновь замолчала. Лицо у нее изменилось. Для Николая Николаевича оно уже давно было открытой книгой. Когда он замечал, как горько опускались у нее уголки губ, то знал: она вспоминала что-то печальное.

– Дедушка, неужели мне больше никогда не будет весело? – спросила Ленка. – Неужели жизнь прошла?

– Что ты!.. Что ты!.. – испугался Николай Николаевич. – Опомнись, Елена!.. Задумайся над смыслом своих слов. Мне скоро семьдесят, а я еще надеюсь, у меня есть еще многочисленные планы... – Он говорил невпопад. – То ли еще было в твоей жизни. Вот слушай! Однажды... Ты тогда единственный раз приехала ко мне в гости, мама тебя привезла. Конечно, ты ничего не помнишь, маленькая была. И вот однажды ты исчезла из дома. Паника поднялась – пропала девка!.. Я тебя нашел около «Уснувшего мальчика». Ты ему одежду принесла. Ждала, когда он проснется, и хотела, чтобы он оделся и ушел с тобой. Ты все ждала, ждала, когда же он проснется!.. Я тебе говорю: пора домой. А ты как стала реветь: хочу, чтобы он проснулся, и баста!.. Еле унес тебя.

Ленка сидела на диване, свернувшись калачиком. Ее колени упирались в бок Николая Николаевича, и тот почувствовал, как Ленку бьет мелкий озноб.

– Ты не заболела? – спросил он. – Дрожишь.

Николай Николаевич вышел из комнаты и вернулся с одеялом – накрыл Ленку.
«Как ее круто завернуло», – подумал он.

Глава восьмая

– Ну, в общем, когда мы выскочили с Димкой в школьный двор, – продолжала Ленка, – то сразу стало понятно, что ничего Маргарита не передумала и ни в какую Москву мы не едем.

Во дворе был настоящий праздник. Галдеж. Ничего нельзя было разобрать. Ну просто стая грачей перед отлетом в южные страны. Все кричали, перебивая друг друга, пели, танцевали. Автобусы тарахтели, родители совали своим любимым детям пироги и яблоки, как будто провожали их на месяц, а не на несколько дней.

А наш шестой молча сбился в кучу. Он был как застывший ледник в этом разбушевавшемся море.

Мы с Димкой прибились к ребятам.

А тут из школы вышли учителя, которые провожали Маргариту на свадьбу. Они что-то говорили ей, и до нас долетали их голоса:

«Ни пуха!..»

«Обязательно привези его! Одна не являйся!..»

Маргарита смеялась, прощаясь с учителями, обнималась, целовалась и вдруг... заметила свой любимый шестой! Улыбка слетела с ее губ, ну точно вспомнила что-то неприятное. И она направилась в нашу сторону.

«Маргарита Ивановна! – закричали ей вслед. – Куда же вы?.. Мы уезжаем!»

«Сейчас!.. – Она старалась перекрыть шум моторов и рокот толпы. – Подождите!»

Маргарита торопливо приближалась к нам, перебрасывая большой букет цветов из одной руки в другую. Пальто нараспашку, чтобы всем было видно ее красивое платье.

«Маргарита Ивановна! – рявкнула какая-то учительница в мегафон. – Опоздаете на свадьбу!»

Все стали смотреть на Маргариту, толпа на секунду затихла, а она смущенно отмахнулась и спросила у нас:

«Так что это еще за история с бойкотом?»

«С бойкотом? – переспросила находчивая Железная Кнопка. – Ах, с бойкотом...» Она выразительно посмотрела на меня: только попробуй, мол, сознайся, несчастное чучело.

«Ой, Маргарита Ивановна, – вмешалась Шмакова, – вы платье испачкали».

Маргарита заволновалась и стала искать, где она испачкала платье.

«Вот. – Шмакова показала ей пятно на груди. – Жалко. Такое красивое!»

«Мар-га-ри-та Ива-нов-на!.. Мы уез-жа-ем!» – кричали учителя.

Все уже сидели в автобусах и смотрели на нас и на Маргариту. А Маргарита отдала Шмаковой цветы и терла носовым платком пятно и разговаривала с нами.

«Я не тебя, – говорит, – Миронова, спрашиваю, а Бессольцеву. Ну, Бессольцева, рассказывай, за что тебе объявили бойкот?»

Я не ответила, потому что поняла, что Маргарита тут же забыла про меня – она стояла вроде бы с нами, а на самом деле уже катила в автобусе в Москву к своему жениху. А может, уже видела себя в Москве, как она приехала, как ее встретил жених и они схватились за ручки и побежали во Дворец бракосочетания. Нет, я ее не осуждала, у нее было такое радостное и счастливое лицо, что мне самой весело стало.

«И где меня угораздило посадить пятно?» – сказала Маргарита, продолжая тереть его носовым платком.

«Может быть, это торт?» – ехидно вставила Шмакова.

«Торт? – переспросила Маргарита. – Тогда пропало платье. – Она вспомнила про меня: – Ну, отвечай же, Бессольцева!»

Лохматый прижал мне кулак к ребрам, чтобы держать в страхе. А мне от этого стало смешно – я щекотки боюсь.

«Это мы играем», – выдавила я, задыхаясь от смеха.

«Ну вроде как в „замри“, – пояснил Васильев.

«А чего ты смеешься, Бессольцева? – строго сказала Маргарита. – По-моему, у тебя для этого нет никаких оснований».

«Я щекотки боюсь», – объяснила я.

«Щекотки? – Маргарита сделала круглые глаза. – А кто тебя щекочет? Что за ерунда?..»

«Не знаю».

Ну, тут Маргарита психанула:

«Что за дурацкие ответы! Совсем вы распустились!.. Вот я приеду – возьмусь за вас! – Она выхватила цветы у Шмаковой. – Обязательно возьмусь!» – И убежала.

Автобусы медленно и плавно проплыли мимо нас. Кто-то помахал нам рукой, кто-то соорудил ехидную рожу, и еще мы увидели, как улыбающаяся Маргарита устраивалась на переднем сиденье с цветами.

Двор сразу опустел. Только что он казался тесным и маленьким, а теперь сразу стал большим. Все уехали, а мы остались вместе с малышами из младших классов.

До сих пор я не понимала, просто не думала про то, что все уезжают, а мы остаемся, и виновата в этом вроде бы я. А теперь подумала.

В это время весь наш класс понуро поплелся обратно в школу за чемоданами, а компания Мироновой окружила нас. И у всех были одинаковые глаза: злые, колючие, чужие – все они были против меня!

Может, я впервые вздрогнула... Страшно, когда один против всех, даже если ты прав.

И тут началось, тут понеслось...

Валька заорал:

«У-у-у, змея! Нашипела!» Так заорал, что вокруг все посторонние услышали: он был самый горластый в нашем классе.

Все, кто не успел уйти, кто был во дворе, стали оглядываться. Первоклашки, которых еще не брали на экскурсии, подняли писк и визг:

«Где змея?.. Где змея?..»

«Вот она! Вот она, детки! Смотрите! – Рыжий толкнул меня. – Гремучая! Не подходите к ней, а то укусит!»

Мальши застыли от ужаса. Они же первый раз в жизни видели гремучую змею в образе человека.

Ребята наступали на нас с Димкой и наступали, выкрикивая:

«Подлиза!»

«Доносчик!»

Димка засуетился:

«Ребята, вы чего?.. Мы же еще не разобрались!»

«Разобрались, – отрезала Железная Кнопка. – И твердо решили – никакой пощады!»

А Васильев перепугался:

«Так это серьезно?.. Бессольцева, ты это сделала?! Скажи, скажи им, что ты пошутила».

«Какие уж тут шутки! – пропела Шмакова. – Правда, Димочка?»

Димка не ответил.

«Сжечь ее на костре!» – заорал Рыжий.

Но теперь над его словами никто не рассмеялся.

«Ну бойкот, ну зачем же так!» – суетился Димка.

«Я говорил, говорил, – восторженно заголосил Васильев, – он с нею заодно! Ух, Сомов, ты у нас заработаешь!..»

«В круг! – приказала Железная Кнопка. – Крепче держите друг друга за руки, чтобы они не выскочили!»

Они сцепились руками, круг превратился в колесо, которое должно было переехать меня и Димку.

«Что же такое получается, – не унимался Валька, – Сомов против бойкота, и ему все сходит с рук? А?.. Бойкот Сомову!»

«Тихо! – Железная Кнопка вошла в круг и спросила Димку: – Сомов, ты против бойкота Бессольцевой?» Меня она вообще не замечала.

Димка посмотрел на меня и снова промолчал.

«Молчит – значит против!» – крикнул Рыжий.

«Тогда и ему бойкот!» – решила Железная Кнопка.

«Мне? – испугался Димка. – Бойкот?..»

«Допрыгался!» – захохотал Валька.

«С этой минуты, Сомов, ты перестаешь для нас существовать», – сказала Миронова.

«Был Сомов и испарился!» – веселилась Шмакова.

«Миронова, послушай...» – начал Димка.

Но та отвернулась от него.

«Шмакова, и ты против меня?» – удивился Димка.

«Конечно, – ответила Шмакова. – Я с предателями не вожусь».

«Бей их!» – Валька бросился на Димку.

От страха я закрыла глаза.

Васильев разорвал круг и схватил Вальку, прежде чем он налетел на нас. Димка рванул меня за руку, и мы убежали.

Ленка улыбнулась:

– Он почти вынес меня на руках... Да, да... Оказался силачом!

– Ну конечно, – съехидничал, как мальчишка, Николай Николаевич. – Он у тебя самый сильный и самый храбрый.

Ленка не заметила ехидства Николая Николаевича.

– А когда мы вырвались, – продолжала она, – то слышали за собой топот. Они кричали нам вслед, и я узнавала их голоса. «В погоню-ю-ю!» – это Миронова. «Бей их!» – Валька. И Шмакова: «Бойко-о-от!» Их крики нас подгоняли, мы бежали изо всех сил, не оглядываясь.

Мы добежали до парикмахерской и остановились передохнуть. Я почти успокоилась. Мне было весело, что Димка меня спас. Сначала я его, потом он меня – разве не здорово.

Случайно я заглянула в зеркало парикмахерской и не узнала себя – это была я и вроде не я. У меня было другое лицо.

Парикмахерша тетя Клава, мать Рыжего, выглянула из дверей, посмотрела на нас, улыбнулась и сказала мне:

«Красивая, красивая...»

Тут между мной и Димкой произошел очень важный разговор.

«Когда ты успела все рассказать Маргарите?» – сказал Димка.

«Я?.. Маргарите?..» – спросила я. И замолчала, раз он такой дурак и не понял, что я это сделала исключительно из-за него. Я снова посмотрела в зеркало и почему-то пропела: «Мар-га-ри-та-а-а!..»

«Ну что ты не отвечаешь?» – строго спросил Димка.

«Мар-га-ри-та-та-та-та! – пропела я, танцуя. – Ты заметил ее глаза? Она говорила с нами, а сама... видела только его – своего жениха. А платье у нее какое красивое! Я, когда вырасту, обязательно сошью себе такое же!..»

«Слушай, – перебил меня Димка, – хватит мне зубы заговаривать! Говори, когда ты ей все рассказала?»

«А я ей ничего не говорила!»

Я снова отвернулась к зеркалу и подумала: если научусь поджимать губы, то буду ничего себе.

Димка стоял позади меня, но там, в зеркале, наши лица были рядом. Интересно было смотреть на нас двоих со стороны – как будто мы с ним снялись на одну фотографию.

«А кому, – говорит, – ты сказала?»

«Ни-ко-му!» – И поджала губы, и улыбнулась так, чтобы рот не расползался до ушей.

«Как никому?..»

«Так! Ни-ко-му! – Я медленно повернулась к нему, сделала круглые-круглые глаза и не забыла – поджала губы. Я теперь решила всегда быть красавицей. – Не веришь, и не надо».

«Ну хорошо, тогда объясни, зачем ты про себя сказала все это ребятам?» – спросил Димка.

«Захотела – и сказала. – Я снова красиво улыбнулась. – Я сначала не собиралась. Но вдруг кто-то открыл мне рот. И моим голосом произнес: „Это сделала я!“»

Он испуганно посмотрел на меня.

«Ну что ты так смотришь на меня? – говорю и так спокойно добавляю, чтобы он не умер от разрыва сердца: – Я же тогда стояла под дверью и все слышала».

Мой ответ его потряс – он закачался как пьяный, еле удержался на ногах.

«Так ты из-за меня?!» Наконец-то он догадался, брови у него от удивления полезли вверх.

«Нет, не из-за тебя, – ответила я. – Из-за Александра Сергеевича Пушкина».

«Ну ты даешь... – Он места себе не находил. – Из-за меня!.. А что же теперь делать?»

«Что хочешь», – беззаботно ответила я.

Теперь, когда я все рассказала Димке, совсем перестала бояться. Мне стало радостно, что он знает, что я его спасла.

«Они нас затравят», – мрачно произнес Димка.

«А я не боюсь, – ответила я. – Мы же вдвоем?»

«Вдвоем! – И вдруг рванулся, прямо как бешеный: – Пошли к ребятам! Я им все расскажу!..»

«А вон они! – Я их увидела издали и закричала: – Ребята!»

Они выбежали из-за угла, но крика моего не услышали и нас не заметили.

Димка почему-то закрыл мне рот рукой и потащил в открытые двери парикмахерской.

Тетя Клава посмотрела на нас с большим удивлением. Она хотела, видно, спросить, что это Димка закрыл мне рот и тащит, но не успела, потому что за окнами парикмахерской замелькала наша погоня: Миронова, Лохматый, Рыжий, Шмакова, Попов...

«Толик!» – Тетя Клава увидела через окно Рыжего.

«Они здесь! – донесся до нас голос Вальки. – У меня собачий нюх».

«Ну, – подумала я, – сейчас они нас найдут, схватят, вытащат на белый свет... Заорут: „Бей ее!“ А Димка тут все про меня и расскажет!.. Вот смеху будет», – думала я и поэтому радовалась.

С этого момента начинается все самое печальное. Если бы я была не дура, то сразу бы все поняла. Но я надеялась и была как слепая. Ну, в общем, посмотрела я на Димку, а он опять испугался. Его опять всего перевернуло. Глаза у него бегали, губы дрожали... У него, знаешь, все шло волнами. То сюда, то туда. Поэтому мне и жалко его было. Когда никого нет – он храбрец. Как появились ребята – самый последний трус...

Ну, в общем, стояли мы за занавеской, не шевелились. А тетя Клава быстро-быстро затопала к двери, чтобы схватить своего любимого сыночка. Но как она ни спешила, а Димка все же изловчился и успел ее попросить, чтобы она нас не выдавала. Таким дрожащим голосом:

«Тетя Клава, не выдавайте нас... Мы от них спрятались. Игра у нас такая».

Тетя Клава кивнула на ходу, что все поняла, открыла дверь и крикнула:

«Толик! Ты почему не уехал?»

«Нас не взяли», – ответил Рыжий.

Он стоял в трех метрах от нас. Я видела даже его лицо, оно выглядывало из-за плеча тети Клавы.

Я подумала, что сейчас обязательно чихну, ведь всегда, если кто-нибудь прятался, он чихал или кашлял в самое неподходящее время. Но у меня не кашлялось и не чихалось.

Дедушка! Я теперь знаешь как жалею, что не чихнула нарочно. А то бы Рыжий услышал, всех позвал... И Димка вынужден был бы все рассказать... От одного чиха, подумать только, многое бы изменилось.

Когда Рыжий выложил матери, что нас не взяли, она прямо отпала, отступила от него и лицо закрыла руками.

«Вот беда! А я отцу позвонила. Предупредила, что ты выехал».

«А он что?» – быстро спросил Рыжий.

«Сказал, что рад и ждет», – ответила тетя Клава.

«Ждет?.. – Я увидела, как Рыжий изменился в лице – у него вдруг запылали щеки. – Ждет меня?!»

«Конечно, тебя. А то кого же. – Тетя Клава потрепала Рыжего по голове. – А ты не верил, что он будет тебе рад».

Я покосилась на Димку – неудобно было, что мы подслушиваем чужой разговор. Рыжий же не знал, что мы его слышим. Я толкнула локтем Димку и хотела выйти из укрытия, но Димка прижал меня к стене.

«Так, может, он сам тогда приедет? – как-то тихо и неуверенно спросил Рыжий. – Вот было бы здорово!»

«Ну что ты... – Тетя Клава вздохнула: – Сам он никогда не приедет».

«Почему?.. – Я никогда не слышала, чтобы у Рыжего был такой печальный, отчаянный голос. – Мы же три года не виделись! И ты сама сказала, что он рад, что ждет».

«Не соберется... У него работа».

«Соберется! Соберется! Соберется!» – вдруг закричал Рыжий.

«Ты что, Толик?.. – Мне было видно, как тетя Клава обняла сына. – Ну не плачь!»

«Рыжий! – донесся голос Лохматого. – Их здесь нет! Бежим!»

«Ну я им покажу! – Рыжий вырвался из рук матери. – Ну у меня Чучело попляшет!..»

«Толик! Толик!» – закричала тетя Клава, но Толика и след простыл.

Тетя Клава вошла в парикмахерскую и столкнулась с нами – она, видно, забыла про нас.

«А-а-а, вы еще здесь! – сказала она. – Пойдите, пойдите, вы же из одного класса с моим Толиком?»

«Из одного», – выдавил Димка.

«А почему вас в Москву не взяли?» – спросила тетя Клава.

Мы с Димкой переглянулись.

«Ну, потому... – ответил Димка, – потому, что мы вчера сбежали с урока в кино».

«Вот бессовестные! – Тетя Клава покачала головой. – Вот негодники!»

Мы не стали ее слушать и выскочили из парикмахерской. Димка вдруг почему-то положил свою руку вот сюда.

Ленка показала Николаю Николаевичу, как Димка положил руку ей на плечо.

– Ну, как будто мы взрослые, парень и девушка. – Она улыбнулась и посмотрела на Николая Николаевича: – Вот когда тебе было двенадцать, ты обнимал девушку?

– Я?.. В двенадцать? – Николай Николаевич совершенно потерялся от этого вопроса.

Он хотел соврать Ленке, что, конечно, обнимал, но потом почувствовал, что покраснел, как мальчишка, – врать он совсем не умел, – и сознался, что не обнимал.

– Вот видишь, – победно сказала Ленка, – а Димка меня обнял. Днем. При всех. При солнце и при людях. Рука у него была горячая-горячая. Я так от этого обалдела, что рот у меня сам собой полез к ушам, и я забыла, что решила быть красавицей. Я была рада, что Димка меня обнял, только я жутко смутилась, ноги у меня не двигались, а я вся съежилась, чтобы стать поменьше.

А когда мы так вышли на нашу улицу, то Димкина сестра, злобная Светка, увидела, что мы идем обнявшись, и как завопит:

«Жених и невеста! Тили-тили тесто! Жених и невеста! Тили-тили-тили тесто!»

«Вот дура, – сказал Димка. – Ты не обращай на нее внимания!»

Я оглянулась на Светку и сказала:

«Ну крикни, крикни еще раз!»

«Ленка – невеста! Ленка – невеста! – истошно заорала Светка. – А Димка – жених!» – И бросилась наутек.

Мы остались на месте. Знаешь, дедушка, мне почему-то понравилось, что Светка меня дразнила. – Ленка повернулась к Николаю Николаевичу: – Это плохо?

– Почему же плохо, – ответил Николай Николаевич, – это в какой-то степени замечательно.

– Вот и я так подумала! – в восторге сказала Ленка. – Точно как ты. И мне захотелось сделать что-нибудь сверхособенное. «Знаешь, Димка, говорю, знаешь... Я сейчас пойду в парикмахерскую к тете Клавье!»

«Зачем?» – испугался он.

«Я хочу сделать прическу!.. А то все косы, косы...»

«Это ты здорово придумала, – обрадовался он. – Пошли. Я тебя провожу».

И мы на виду у Светки развернулись и побежали в город.

– Ну а Димка-то что? – почти крикнул Николай Николаевич. – Он что-нибудь сказал насчет ребят?

– Что ты кричишь? – ответила Ленка. – Конечно... Сказал. То есть он ничего не сказал... Он только успокоился.

– Успокоился? – переспросил Николай Николаевич. – Какая радость!

– Успокоился, – кивнула Ленка, по-прежнему не замечая ехидства Николая Николаевича.

«Понимаешь, – говорит он мне, – я подумал, что ребята мне не поверят, если я сейчас сразу сознаюсь. Скажут, что я просто тебя выручаю. Их надо подготовить. Лучше я сделаю это без тебя. – Он посмотрел на меня. – А ты как думаешь?»

– Ну-ну! – сказал Николай Николаевич. – Это уже совсем интересно. Что же ты ему ответила?

– Я думаю, как ты! – сказала я.

– Остроумный ответ, – сказал Николай Николаевич. – Ну а он-то что?

– Он был тихий-тихий. Спокойный-спокойный... По-моему, ему здорово понравились мои слова. А меня это тогда очень обрадовало – значит, я снова, в который раз, помогла ему.

– Ничего себе – тихий-тихий! – вдруг возмутился Николай Николаевич. – Тебя, понимаешь, бьют, колошматят, а он – молчок?!

Он так был возмущен, что даже вскочил, пробежался по комнате и застонал.

– А чего ты хохочешь? – Ленка внимательно посмотрела на Николая Николаевича.

– Я хохочу?! – ответил Николай Николаевич. – Я рыдаю, к твоему сведению. Какой тихий... Тишайший мальчик!.. Паинька! Да за ним нужен глаз да глаз. Я это чувствую! А то он, того и гляди, горло перережет.

– Ты меня осуждаешь за то, что я пожалела Димку, потому что он... предатель? – спросила Ленка.

– Прощать – пожалуйста!.. Но не предателей, – ответил Николай Николаевич. – Лично я не люблю подлецов.

– Ты же сам говорил, что надо быть милосердным! – защищалась Ленка.

– Говорил! Говорил! – снова закричал Николай Николаевич. – И никогда от этого не откажусь! Но ты считаешь себя милосердной только потому, что пожалела подлеца?.. Это же смешно!

– Он не подлец! Не подлец! Он тогда еще не был подлецом!.. – ответила Ленка и перешла на шепот: – Я в тот момент не могла иначе... Я рада, что помогла ему...

– А чего же ты тогда уезжаешь? – спросил Николай Николаевич.

Ленка посмотрела на него, как мышь, загнанная в угол.

Но Николай Николаевич так разошелся, что уже не мог остановиться:

– Да никакая ты не милосердная! Ты только Димке все прощаешь... А остальным?..

– Остальные вредные! – крикнула Ленка. – Злые! Они волки и лисы – вот кто они такие! Если бы не они, он бы давно сознался.

– А я не верю, что в вашем классе все вредные! – сказал Николай Николаевич. – Быть этого не может.

– Не веришь? – Ленка с остервенением посмотрела на Николая Николаевича.

– Не верю! – твердо ответил тот.

Теперь они стояли друг против друга, оба с горящими от гнева глазами, словно собирались драться. Николай Николаевич наступал на Ленку, а та отступала, пока не уперлась спиной в стенку, – дедушка ей не верил, и это ее потрясло!

– Не веришь? – тихо переспросила она и подняла на него глаза, еще надеясь, что не найдет в его лице подтверждения тех слов, которые он произнес.

Николай Николаевич в отчаянии помотал головой: «Не верю», хотя готов уже был отказаться от своих слов из жалости к ней. А с другой стороны, что ему было делать? Поддакивать ей во всем? А до чего это бы ее довело? Еще побежала бы к этому маленькому мерзавцу и простила его! Вот именно, поддакивать тоже нельзя – должна быть четкая позиция. И вообще что такое «поддакивать» – это же угодничество?.. Нет, такое не в его правилах.

– Они все гады на одно лицо! – закричала Ленка. – Ты в этом скоро убедишься!

– Никогда не поверю! – Глаза Николая Николаевича стали жесткими и холодными, а шрам на щеке вспыхнул ослепительной белой полосой. – Никогда!

– Ты с ними заодно! Никого не знаешь – и уже против меня! – вся сжалась в комочек Ленка. – Не хочу тебя видеть!.. Уеду! Уеду! – И бросилась бежать.

Николай Николаевич рванулся за нею и схватил ее плечо. Думал, она начнет вырываться, а она повернулась к нему, и лицо ее, которое только что было в яростном огне, стало детским, прекрасным, будто ей всего лет восемь. Только в глазах происходила мученическая работа – она что-то усиленно соображала.

– Ну давай успокоимся. – Николай Николаевич нежно прижал ее к груди, ощущал теплый затылок. – Ты же у нас молодец! – Провел рукой по тоненькой шее, и это больно ударило его. Шея у нее была просто пруттик, соломинка. – Сядем... – Он потянул за собой упирающуюся Ленку и усадил ее на диван. – И ты мне все по порядку расскажешь дальше. Обещаю не перебивать тебя, а то на самом деле я сделаю какие-нибудь преждевременные выводы... – Он обнял ее, положив ладонь на острую косточку ее плеча, и крепко сжал. – Хотя я от своих слов и не отказываюсь.

Ленка молчала.

– Знаешь, пожалуй, я поставлю чайник. – Николай Николаевич встал. – Выпьем чаю. Как говорит одна моя знакомая, очень веселая старушка: «Замечаю, что от чаю много пользы получаю!»

Но Ленка твердо остановила его:

– Не хочу чаю!

Николай Николаевич посмотрел на нее.

– И рассказывать больше не буду. – И вышла в соседнюю комнату.

А Николай Николаевич, при всем печальном своем настроении, подумал про Ленку, что она необыкновенный человек – какая страсть, какая тяга к справедливости. Как он ее во многом понимал! Действительно, они два сапога пара. И смутился: ему стало неловко, что он так думал о самом себе.

Правда, радовался Николай Николаевич раньше времени. Ленка хоть и не убежала из дому, хоть и сказала с ним несколько слов после их бурного спора, но потом забралась с ногами на диван, забилась в угол и замолчала надолго.

Николай Николаевич шутил, заигрывал с ней, рассказывал разные смешные истории – ничего не помогало. Ленка молчала. Тогда он тяжело вздохнул, надел рабочую куртку и принялся за повседневные дела, считая, что в работе и настроение наладится.

Николай Николаевич принес со двора охапку дров и бросил их с размаху на пол, чего никогда раньше не делал. Поленья загрохотали, падая друг на друга, и разорвали на мгновение неестественно тягостную тишину.

Но и тут Ленка промолчала.

Он развел огонь, так что жар уходил пылающим столбом вверх. «Унтермарк», круглая печь, обтянутая железом, крашенным в черный цвет, стоявшая от пола до потолка, трещала и дрожала от полыхающего в ней огня. И Николаю Николаевичу казалось, что этот раскаленный звенящий столб может рвануть ввысь, пробить потолок и уйти в небо космической ракетой. Может быть, эта ракета унесет Ленкину печаль к вечным звездам, к туманной луне, к ясному солнцу?..

Но ничего такого не произошло.

И чуда не случилось. Огонь в печи потихоньку затухал, играя сначала ярко-красными, а потом мерцающе-синими углями.

Николай Николаевич в совершенной растерянности развел руками. Непонятно было, что же делать с Ленкиной печалью?

А потом он топил остальные печи, блуждая по комнатам, всматриваясь в картины, которые висели везде, от пола до потолка. На них были изображены люди – теперь таких уже не встретишь. У них были продолговатые строгие лица и большие, вразлет глаза. Они молча следили за тем, как Николай Николаевич суется, согнувшись возле печей, подбрасывая в них дрова и не давая огню погаснуть.

Ведь если бы его предок, крепостной художник Бессольцев, не написал этих картин и если бы остальные Бессольцевы, из поколения в поколение, не сохранили бы их, то мир остался бы без этих живых лиц и никто бы никогда не узнал, что эти люди жили на нашей земле.

Последнее время Николай Николаевич все чаще думал об этом. И его жизнь, в общем, краткая и поэтому печальная, как каждая человеческая жизнь, вдруг стала длинной, она как бы продолжалась целые века.

Сейчас, подбрасывая березовые поленья в печь, обогревавшую три небольшие задние комнаты дома, он вспомнил, как однажды проснулся утром и понял, что он жил здесь вечно, хотя и вернулся в родной дом всего десять лет назад. Но так плотно легли на его жизнь все события прошлого семьи Бессольцевых и городка, что сплелись в крепкий узел, который никому уже не удастся ни развязать, ни разрубить.

И он пошел от картины к картине, неслышно переговариваясь со всеми этими людьми на холстах, пока не дошел до «Машки», в который раз рассматривая ее и восхищаясь.

Николай Николаевич перевел взгляд на Ленку – до чего же они похожи с Машкой.

Машка стояла в проеме дверей прозрачно-белая, в домотканой рубахе до полу. Девочка, видно, собиралась выбежать из темной избы на яркий солнечный свет двора, но в последний

момент почему-то неожиданно остановилась в дверях и резко повернула голову. Остриженная наголо. Может быть, после болезни? Рот у нее был полуоткрыт, точно она только что произнесла какое-то слово, которое вот-вот должно было долететь до слуха Николая Николаевича. Именно поэтому, когда он подходил к Машке, всегда старался не шуметь и прислушивался.

Честно, Николай Николаевич кое в чем подозревал Машку. Ну, что она имела родственное влияние на Ленку, как на своего потомка, потому что уже на следующий день после того, как он принес «Машку», он слышал, как Ленка кому-то сказала:

– Не смотри на меня так. Я все равно этого делать не буду. Ни за что!

Николай Николаевич быстро вошел в комнату, ему было интересно, кто же пришел к Ленке, но там никого не было. Николай Николаевич спросил Ленку, с кем она разговаривала. А она смутилась и ничего не ответила. Но ему-то было ясно с кем – с Машкой.

А еще через два дня – Николай Николаевич хорошо это помнил, потому что было 7 ноября и он ранним утром первый на их улице вывесил флаг на воротах, а потом стал готовить праздничный завтрак, – зазвонил телефон, Ленка так стремительно бросилась к нему, что он не успел руку протянуть к аппарату, хотя стоял рядом. Она схватила трубку, сказала «алло?» и брякнула ее на рычаг. Николай Николаевич догадался, что это был Димка, и быстро скрылся в мезонине, чтобы дать им свободно поговорить. И услышал, к своему великому удивлению, как Ленка... запела песенку. Но самое потрясающее – там внизу, так ему показалось, звучали два голоса, а не один. Как будто Ленка пела, а ей кто-то подпевал. Или это ветер завывал в трубах, или это скрипели высохшие половицы?.. Или это души умерших пришли к ним в гости и подают свои голоса? Николай Николаевич застыл, стоя в окружении картин.

– Ты с кем там поешь? – крикнул он вниз в проем лестницы.

Песня оборвалась, потом Ленка рассмеялась и крикнула в ответ:

– С Машкой!

Это все было в прошлом. В милом, счастливом прошлом, а теперь оборвалось, расстроилось, разлетелось на куски. Надо было как-то вырваться из заколдованного круга. Только осторожно, внимательно, не теряя тропы, предупреждал себя Николай Николаевич.

Он поднялся в мезонин и, как, бывало, Ленка, вышел поочередно на каждый из четырех балкончиков и посмотрел на четыре стороны света, надеясь, что какая-нибудь из сторон надумит его. Но из этого ничего не вышло.

Николай Николаевич спустился в сад. Он стал пилить сухие ветки с деревьев и замазывать свежие раны коричневой краской, оставшейся после ремонта крыши.

Он подумал, что эта работа может привлечь Ленку, но она не пришла к нему на помощь. Значит, ей не захотелось макать кисть в банку с краской и проводить по светлому срезу дерева, образуя яркое пятно на сером стволе яблони?.. Плохо дело!

Работая в саду, Николай Николаевич все время следил за Ленкой. Она вышла один раз из дома, и он тут же появился за ней тенью. Куда она – туда и он. Все хотел сорвать слово с ее молчаливых губ, разговорить ее, рассмешить... Но она упорно молчала. Вроде онемела.

Он поймал ее грустный, испуганный взгляд. Его ножом по сердцу резануло – так захотелось ей помочь, так бесконечно захотелось ее спасти, – он бросился к ней. Но Ленка прошла мимо, ее голова мелькнула среди черных от дождей веток и исчезла.

После этого Николай Николаевич бросил работу в саду, вернулся в дом, лег на кровать, накрывшись с головой одеялом, надеясь передохнуть и проснуться с каким-то твердым и определенным решением.

Его сон был короток и тревожен. Ему показалось или, может быть, приснилось, что кто-то тихонько позвал его и потянул почему-то за нос. Он сразу открыл глаза – перед ним стояла Ленка. Николай Николаевич заморгал глазами – закрыл и открыл – пусто, никакой Ленки. Исчезла. Никого. «Ну, – подумал он, – дошел до ручки, чего только не приснится испуганному человеку...»

Николай Николаевич перевернулся на другой бок, на всякий случай уцепился рукой за нос, чтобы никто его не хватал во сне, и только задремал, как снова кто-то тихонько позвал его.

Тут ему окончательно расхотелось спать, и он вскочил – это его так страх подбросил: что это Ленки не слышно и чем она занимается?

Он осторожно прокрался в Ленкину комнату, чтобы убедиться, что она цела и невредима. Ленка тоже спала – устала за этот многотрудный день.

Уже наступили сумерки, и редкий осенний туман неслышно бил в окно. И в этом вечернем освещении Ленкино лицо показалось ему необычно одухотворенным: лицо милое, прямо лик святой.

«И любовь такой красавицы, такого чудного человека, – с возмущением подумал Николай Николаевич, – отверг этот несчастный, жалкий Димка Сомов!»

Николай Николаевич медленно и тихо отступал к двери, он не дышал, он парил над полом, чтобы не спугнуть Ленкин сон и не нарушить прекрасной картины. На пороге он оглянулся в последний раз, чтобы полюбоваться на Ленку, и... застыл в изумлении: она смотрела на него вполне бессонными глазами.

Более того, Ленка следила за Николаем Николаевичем, как кошка за мышью, которая вот-вот собиралась его сцапать, – не хватало только, чтобы она подумала, что он следит за нею.

– Мне приснилось, понимаешь, что кто-то потянул меня за нос, – сказал, извиняясь, Николай Николаевич.

Он решил рассмешить ее этим сообщением – и рассмешил.

– За нос? – Она рассмеялась.

– И еще мне приснилось, что человек, который тянул меня за нос, была ты! – Николай Николаевич внимательно посмотрел на Ленку.

– Я? – Ленка опять засмеялась.

Николаю Николаевичу нравилось, когда Ленка так смеялась – будто колокольчик звякнул и упал в траву.

И тут до Николая Николаевича совершенно неожиданно дошло, что Ленка разговаривала с ним. Значит, простила?..

– А может, ты правда приходила ко мне? – осторожно спросил Николай Николаевич.

Ленка кивнула.

– И тащила меня за нос?

Ленка снова кивнула.

– Возмутительно! Как ты посмела? Ты могла оставить меня без носа. Или оцарапать, что тоже малоприятно.

– Я хотела тебя разбудить... А знаешь почему? – Она посмотрела на него так, точно собиралась открыть какую-то тайну. – Ты оказался прав – никакая я не милосердная. Помнишь, я тебе про Рыжего рассказывала, что он как цирковой клоун, что ему и парика не нужно, что он от рождения рыжий. И все ребята над ним хохотали, и я хохотала, и он сам над собой смеялся громче всех, и у него от хохота даже слезы стояли в глазах. Помнишь?

– Конечно помню, – ответил Николай Николаевич.

– А почему он такой, – с беспокойством спросила Ленка, – как ты думаешь?

– Потому что рыжий. Все кричат: «Рыжий! Рыжий!..» А он боится этого и старается не выделяться. Все орут, и он орет, все бьют, и он бьет, если ему даже не хочется. Я знал таких людей.

– Дедушка, а вдруг он не хохотал над собой, а плакал... – Ленка в ужасе замолчала. – А вдруг у него слезы в глазах стояли не от хохота, а от обиды?.. А я над ним смеялась.

– Может быть, ты еще в ком-нибудь ошиблась? – спросил Николай Николаевич.

– Ты думаешь? – Она глубоко задумалась. – В ком же?

Ленка по-новому открывала для себя смысл происходящего. Ее подвижное лицо сразу изменилось – оно приобрело растерянное выражение, оно говорило: как же это произошло, что она издевалась над Рыжим только потому, что он рыжий?!

Брови у нее трагически сломались, уголки губ опустились. Она повернулась к Николаю Николаевичу, и он увидел в серовато-розовом свете угасающего дня ее большие печальные глаза.

Глава девятая

Димка поджидал Ленку около парикмахерской, пока та делала прическу, чтобы поразить весь мир. Он стоял, облокотившись на поручень витрины, и с большим любопытством читал журнал «Юный техник».

Потом он увидел Миронову и Шмакову. Они разговаривали, медленно приближаясь к нему.

Димка, раньше чем он сам успел что-то подумать, почему-то спрятался за угол парикмахерской. Почему? Отчего? Ему это было не вполне понятно, и он уже собрался выйти из укрытия, но вспомнил, что его родители еще не знали, что он не уехал в Москву. Он побежал домой, чтобы сообщить им об этом.

По дороге он подумал, что нехорошо, что он бросил Ленку, не предупредив. Она выйдет из парикмахерской с новой прической, радостная, веселая, а его нет. А вдруг она нарвется на этих ненормальных и они снова станут к ней приставать, побьют ее – с них станется. Он решительно повернул обратно, столкнулся нос к носу с Валькой, почувствовал, что засбоил, растерялся, чего раньше с ним никогда не бывало.

– А где твоя дорогая подружка? – спросил Валька.

– А я почему знаю, – вырвалось у Димки, хотя он и не собирался так отвечать. – Ты же за ней охотишься, а не я. – И побежал дальше, стараясь не думать о Ленке.

А пока бежал, представил себе, как смело откроет ребятам тайну своего «предательства». Вот будет хохот!.. Ему-то они ничего не сделают, он сможет им доказать, что был прав. Он скажет им, что Ленка хотела его выручить, потому что подумала, будто он испугался. А он промолчал, потому что решил, что ей надо подзакалить волю в борьбе с трудностями. А тут такой случай!..

Эта неожиданная мысль ему очень понравилась. Через минуту он уже был уверен, что все так было в действительности. Димка подпрыгнул от радости и повернул назад, к парикмахерской.

Как он летел, как он спешил!.. Правда, недолго. Остановился и подумал, что все это, пожалуй, он сделает в другой раз. И снова направился домой. И снова остановился: чего доброго, ребята схватят Ленку и напугают без него.

«Да ничего они ей не сделают, – успокоил он себя. – Небось сейчас уже разошлись по домам и трескают свои обеды».

Димка почувствовал голод, вспомнил, что сегодня на обед курица с лапшой, которую он любил, и он самым решительным шагом заспешил домой.

А в это же самое время некоторые из его одноклассников и не думали об обеде. Они были озабочены пропажей Сомова и Бессольцевой.

Миронова и Шмакова отдыхали возле парикмахерской. Они ждали мальчишек, которые разбежались в разные стороны в поисках пропавших.

– Бегали-бегали... Ловили-ловили... – вздохнула Шмакова. – Никого не поймали... А они сейчас где-нибудь веселятся и посмеиваются над нами.

– Поймаем, – мрачно ответила Железная Кнопка.

– Ножки мои бедные... – пожаловалась Шмакова. – Вскочила сегодня в шесть. Весь дом подняла. Сбиралась... Голову вымыла. Мамка мне новое платье приготовила. Деньжат подбросила потихоньку от отца. Она у меня добренькая. Составила целый список покупок... Собралась... А что ты мечтала купить в Москве?

– Ничего. – Железная Кнопка цедила слова нехотя, еле разжимая губы.

– Послушай, Миронова, а почему ты такая? – Шмакова с большим любопытством посмотрела на Железную Кнопку.

– Какая?

– Ну не как все девчонки... Мама у тебя жутко модная. Женщина моей мечты...

– Что с вас взять, – резко перебила Железная Кнопка. – Смотри, сколько нас осталось? По пальцам можно пересчитать... Из всего класса. И это после того, как мы объявили бойкот предателю. А если бы не я, вы бы уже все сидели дома.

Шмакова улыбнулась: ее не так-то легко было сбить.

– Вчера я встретила твою маму, – вновь начала она. – Идет в синей кожаной курточке. Между прочим, под цвет глаз. Я отвалилась. – Мечтательно закатила глазки: – Наверное, кучу денег заплатила?

– Не интересовалась... Шмакова, давай о чем-нибудь другом.

– Ну ладно, ладно, не злись! Послушай!.. Вот ты такая честная и правильная, а против Чучела. Мы с тобой девочки умные, все понимаем. Чучело что сделала?.. Просто сказала Маргарите, как все было. А ты ее казнишь!.. Хорошо ли это?

– Тут дело ясное – она предала нас по-тихому. – Щеки у Железной Кнопки заалели. – Думала, никто не узнает. А если даже узнает, то что ей будет?.. Ничего. Она же рассказала «всю правду», как ты говоришь. Но и правда бывает разная. Ее правда – просто предательство. Не повезло ей, на меня напала. Каждый должен получать по заслугам.

– Идейная ты, – сказала Шмакова.

– А ты?

– Я – другое дело. У меня к ней свой счет.

– Мелковато, – процедила сквозь зубы Железная Кнопка.

– Курочка по зернышку клюет.

Шмаковой нравилось, что она знает об этой истории больше всех, и она с нетерпением и злорадством ждала, чем же это все кончится. Ах, как здорово получилось, что она оказалась в тот момент под партой и все слышала! У нее тогда сердечко чуть не выскочило от волнения из груди – так она была рада, что попался этот выскочка Димка Сомов. Не будет строить из себя главного.

Вот только непонятно было – почему эта страшила Бессольцева взяла всю вину на себя?.. Скорее всего, она действительно встретила Маргариту в коридоре и снова все ей рассказала. Счастливчик Димочка! Но все равно интересно наблюдать, как он выкручивается и боится. Как он дрожал в классе, когда Железная Кнопка объявила, что знает имя предателя. Как дрожал, что Маргарита все расскажет ребятам. Достанется ему еще на орехи!

Шмакова улыбнулась своим тайным мыслям, представляя всю бездну падения Сомова и всю беспросветность положения Бессольцевой.

– У меня ко всем один счет. – Железная Кнопка вскочила, глаза ее загорелись неподдельным пламенем негодования. – Живешь не по правде – расплата! Никто не должен оставаться безнаказанным. И никто не уйдет от ответа. Ни-ког-да! – И тихо, почти шепотом закончила: – К кому бы это ни относилось, даже к родным.

– Точно, идейная ты. – Шмакова почему-то рассмеялась.

Прибежали Рыжий и Лохматый.

– Ну? – нетерпеливо повернулась к ним Железная Кнопка.

– Дома их нет, – сказал Рыжий.

– И на реке не видно, – сказал Лохматый.

Следом за ними появился Валька.

– Разрешите доложить, товарищ, Железная Кнопка. – Он вытянулся по стойке «смирно». – Встретил Сомова. Одного. Спросил, где Бессольцева. Он ответил, что не знает. По-моему, врет.

– Какие-то вы все кисленькие... – с презрением вздохнула Шмакова. – Обыкновенное дело провалили – одну дурочку не смогли поймать.

Мальчишки понуро молчали.

– Смотрите, Васильев, – сказал Рыжий.

– А, перебежчик явился, – с пренебрежением произнесла Железная Кнопка. – Проучить его надо.

Они молча и неподвижно следили, как Васильев приближался к ним. А когда он приблизился, Лохматый лениво встал и толкнул его.

– Ты чего? – возмутился Васильев. – Офонарел?

Лохматый схватил его и выкрутил руки.

– Ты перебежчик, – сказала Железная Кнопка. – Мы тебе делаем предупреждение.

– Я перебежчик? – удивился Васильев. – А куда же я перебежал?

– А кто ты? – Валька больно наступил Васильеву на ногу. – Ты же их выпустил?

– Лохматый, не ломай руку. Ну что ты прешь со своей мускулатурой?.. – Лицо у Васильева покраснело от натуги, на лбу выступили капельки пота, но он никак не мог вырваться из крепких рук Лохматого. – Я тоже против предательства! – пытался им объяснить Васильев. – Но зачем же ее бить?.. Она же девчонка. Мы даже не выслушали ее.

– Ну и что?! – возмутился Рыжий. – Раз попалась, гадина, получай!

– Рыжий, а ты – молоток! – Лохматый, похваляясь силой, сильно тряхнул Васильева.

– А что? – Рыжий смутился. – Меня в Москве ждали... Я ей этого не прощу.

– Его ждали в Москве! Какой прынец! Ему там встречу готовили с флагами и разноцветными шариками и обедом из трех блюд, – паясничал Валька. – Кто тебя ждал в Москве, несчастный ты Рыжик?..

– А что – и ждал! – ответил Рыжий и тихо добавил: – Отец.

– Отец! – Валька задохнулся от хохота. – А что же ты тогда носишь материнскую фамилию, если у тебя есть отец?.. А-а-а, попался!.. – И торжествующим голосом крикнул Рыжему в лицо: – Трепло!

Рыжий ничего не ответил, встал и, опустив низко голову, понуро отошел в сторону.

– Заткнись! – наклонился Лохматый к Вальке.

– А чего он заливает, – ответил Валька. – Каждому ясно, что у него нету отца.

– Я кому сказал, захлопни варежку! – уже с угрозой произнес Лохматый.

Но тут из-за угла парикмахерской вынырнула долговязая фигура сияющего Попова. Все сразу забыли о своих ссорах и уставились на него. Им всем было интересно, чего он так сияет. Может, он нашел Бессольцеву?

– Ребя! – радостно сообщил Попов. – Димкин отец пригнал новенького «жигуленка».

– А Бессольцева где? – спросила Железная Кнопка.

– Бессольцевой нету, – продолжал Попов с восторгом. – А «жигуленок» новой модели – «ВАЗ-21011».

– Семь тысяч двести шестьдесят один рэ! – застонал от зависти Валька. – Теперь нам Сомова не одолеть.

– Чепуха! – сказала Железная Кнопка. – Мы еще с Димкой разберемся.

– Это еще зачем? – Шмакова подозрительно посмотрела на Миронову.

– Объясняю, – ответила Железная Кнопка. – Все должно быть честно. У нас борьба справедливая. Мы предложим Сомову отказаться от Бессольцевой. Ну а если он не согласится...

– Да наплевал на вас Сомов! – усмехнулся Валька. – Мы ему про бойкот, а он сел в экипаж и уехал... Попробуй догони!..

В этот самый момент дверь парикмахерской открылась, и совершенно неожиданно для всех оттуда выплыла Ленка. Ее нельзя было узнать – так она преобразилась. Вместо косичек у нее была настоящая прическа, волосы непослушными мелкими колечками доходили до худеньких торчащих лопаток.

Все ребята прямо обалдели от Ленкиного появления – на ловца, как говорится, и зверь бежит.

– Ничего себе выступает! – с завистью сказала Шмакова.

Первым пришел в себя Валька. Он сделал осторожный шаг к жертве и процедил, не разжимая губ:

– Заходи с разных сторон! – И они двинулись на Ленку.

Ленка тоже заметила ребят и бросилась было обратно. Только поздно: дорога отступления уже была перерезана – Рыжий стоял, облокотившись о дверной косяк парикмахерской, лулил семечки и лениво поплевывал себе под ноги.

Ленка пугливо заметалась – глаза туда, глаза сюда: где же Димка? Он ведь тут ее ждал.

Ребята подкрадывались к ней не спеша. Понимали, что ей некуда бежать, и не торопились. Один Васильев растерянно стоял в стороне.

– А кто это там стоит? – крикнул Валька. – Что это за писаная красавица?

Рыжий посмотрел из-под козырька и спросил, кривляясь:

– Игде, игде?

– Ребята, да она нас не замечает! – возмущенно закричал Лохматый, потрясая кулаками. – Какая гордая!..

– Леночка, это же мы, твои одноклассники! – пропела Шмакова.

– А мы ей сделаем больно! Мы же вооружены... – Валька вытащил из кармана стеклянную трубочку, набил ее горохом. – «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути», – пропел он, прицелился и выстрелил.

Ленка схватилась за щеку – ей показалось, что ее ужалила пчела.

– Заметила! – удовлетворенно хмыкнул Лохматый.

Ленка стояла как пригвожденная у белой стены парикмахерской, а Валька преспокойно ее расстреливал... в нос, в щеку, в губы!

Ей хотелось зареветь от боли и обиды, но она почему-то продолжала неподвижно стоять, непроизвольно хватаясь за места, куда попадали горошины.

А всем от этого было смешно, что она, как заводной человечек, которого дергали за ниточки, делала самые неожиданные и резкие движения.

Дверь парикмахерской снова хлопнула, и на пороге появилась тетя Клава. Ее лицо было полно гнева. Она увидела своего сына, своего Толика, и хотела ему высказать то, что у нее накопело в душе: такой-сякой, хулиган, сбежал в кино, не попал в Москву, – но слова не успели сорваться с ее губ, потому что очередная порция горошин, предназначенная для Ленки, больно уколола тетю Клаву в руку.

– Ты что хулиганишь? – набросилась она на Вальку. – Ах ты, шпана бессовестная!

– Тетя Клава, я не в вас, – оправдывался Валька, увертываясь от тети Клавы. – Я в нее! – Он показал на Ленку: – Она змея. Нашипела!

– Ничего не понимаю, – все еще раздраженно сказала тетя Клава. – Что у вас происходит?

– Она гадина, а ты делаешь ей прически! – закричал Рыжий и хотел садануть Ленку.

– Ты что?! – Тетя Клава была в ужасе. – Толик!.. – Она схватила сына за руку.

– Не мешай нам! – Рыжий вырвался из рук матери.

– Мы же просто играем! – улыбаясь, объяснил Валька. – Тетя Клава!

Валька и Лохматый схватили Ленку и потащили ее куда-то в сторону. Ленка упиралась. Она боялась уходить от тети Клавы.

– Подымите ее! – приказала Железная Кнопка.

– И несите как принцессу! Она же у нас красавица! – Шмакова засмеялась. – Рот до ушей, хоть завязочки пришей! – Крикнула Попову: – А ты чего застыл?

Попов бросился на помощь Лохматому и Вальке, и они пытались втроем поднять Ленку.

Та отчаянно сопротивлялась, и колечки волос металась и прыгали у нее на голове.

– Димка-а-а! – сорвалась Ленка.

Она закричала таким же истошным голосом, как на игрушечной фабрике, когда испугалась их звериных масок. Но на этот раз на ее отчаянный и печальный зов Димка не откликнулся.

– А ну оставьте ее! – решительно вмешалась тетя Клава, расталкивая ребят. – Что за дурацкие игры! Вы ей прическу испортите!

И вдруг Васильев бросился на помощь тете Клаве – откуда сила взялась! – раскидал в разные стороны Лохматого, Рыжего, Вальку и Попова и с криком: «Девчонок не бить!» – вырвал Ленку из рук ребят.

Ленка оттолкнула Шмакову, которая стояла у нее на дороге, и побежала... Пересекла площадь и скрылась за углом.

Все остальное произошло в одно мгновение. Лохматый сбил с ног Васильева. Миронова бросилась вдогонку за Ленкой, а остальные с криком и свистом унеслись за нею.

– Толик! – закричала тетя Клава. – Вернись!.. Толик!..

Но Толик, конечно, не вернулся, увлекаемый злым ветром погони.

Тетя Клава печально покачала головой:

– Вот несчастье, не попали в Москву. Поди попробуй пойми их. Кто прав, кто виноват?.. – Она посмотрела на Васильева. – Ты не знаешь, за что они так на нее?

– Не знаю, – мрачно ответил Васильев, отряхиваясь после падения.

– Я так и думала... Вы все всегда ничего не знаете. – Тетя Клава скрылась в парикмахерской.

И тут вновь появился Димка... и увидел Васильева.

– А где остальные? – спросил он, едва отдышавшись.

– Остальные?.. Известно где. Бессольцеву погнажи.

– Погнажи?.. Эх, черт, не успел я, – сказал Димка. – А то у меня был к ним один разговор...

– Про Бессольцеву? – спросил Васильев.

– Про нее, – небрежно и самоуверенно ответил Димка. – Я бы им все карты перепутал.

– А что хотел сказать? – заинтересовался Васильев.

– Пока секрет. – Димка победно ухмыльнулся.

– Значит, ты ей поможешь? – обрадовался Васильев.

– Конечно помогу, – кивнул Димка.

– Неужели она предатель? – Васильев в сильном волнении посмотрел на Димку.

– А ты не веришь? – осторожно спросил Димка.

– Факты – вещь упрямая, – ответил Васильев. – Но я все равно почему-то не верю.

– Она тебе нравится? – вдруг спросил Димка.

Васильев смутился – круглые большие глаза за толстыми стеклами очков отвернулись в сторону.

– Молчишь? – продолжал Димка. – Значит, нравится.

– Миронова чокнулась: раз виноват, то расплата. Лохматый рубит, как гильотина.

– И чего они на нее так взъелись? – осторожно спросил Димка.

– Не на нее, а на предателя. Они никому бы этого не простили. – Васильев криво усмехнулся: – Даже тебе!

– Ну, я-то их не боюсь, – ответил Димка и вдруг почему-то добавил: – Послушай, Васильев, а может, ей лучше уехать?

– Уехать? – Васильеву это предложение явно не понравилось. – Совсем?!

– Ну ты даешь... – сказал Димка. – Человек погибает, а тебе, видишь ли, расставаться с нею неохота. – Он замолчал, задумался. – Я бы ей обязательно об этом сказал. Но мне неудобно... Слушай, Васильев, сделай это ты! Надо же ее выручить.

– Вот дура! – сказал Васильев. – Ну зачем она это сделала? – Он посмотрел на Сомова: – Ну зачем?!

В это время издалека, откуда-то сверху, из чистого, прозрачного высокого неба, какое бывает только в сухой погожий осенний день, донесся крик:

– Чу-че-ло!

– Пре-да-тель!..

Димка и Васильев переглянулись.

– Мы здесь сидим, беседуем... А ее, может, там колотят! – вдруг крикнул Димка и бросился бежать.

Васильев сорвался за ним следом.

Глава десятая

– Ты представляешь, – сказала Ленка, – они гнали меня по городу. На виду у всех. Бежать мне было трудно... Тебя никогда не гоняли, как зайца?..

Николай Николаевич промолчал, хотя его тоже гоняли, и он знал, как это трудно. Во время войны он бежал из плена. Его отправили на полевые работы куда-то под Гамбург, и он снова бежал. Утром в лесу его обнаружили дети, он заснул от слабости или, может быть, просто потерял сознание от голода. Он проснулся от неясного шороха и тихого разговора по-немецки. Открыл глаза и увидел детей – они были вооружены палками. Он попытался улыбнуться им, встал и, не оглядываясь, пошел по лесной тропинке. А они загалдели, ринулись следом, забегая вперед и толкаясь позади него. Тогда он побежал, а они засвистели и заулюлюкали, победно размахивая палками. И так они гнали его, пока он не упал.

– Вот ты и не знаешь, что это такое, когда тебя гоняют, как зайца. А получается, раз побежал – значит виноват. Теперь я ученая – надо отбиваться, если даже их много и тебя бьют. Но бежать нельзя. Тогда я этого не понимала и побежала.

А они меня гнали:

«Чу-че-ло-о-о!»

Прохожие смотрели на меня: каждому охота поглазеть на чучело. Тогда я переходила на шаг, ну чтобы получилось, что вроде бы не я убегала и вроде бы не мне кричали.

Один раз они меня нагнали, и Валька схватил меня за руку. Но я вырвалась и вбежала в нашу улицу. А вся эта стая – за мной!

И тут я увидела Димку – он бежал за нами следом. Он летел на всех парусах. Он спешил, чтобы спасти меня. Он ведь тогда еще думал, что он храбрый.

А я вскочила в калитку. Последнее, что я заметила, – это то, что стая окружила Димку, и последнее, что я услышала, – это их победный хохот.

Тебя дома не было, и я обрадовалась. А то мне пришлось бы рассказать тебе обо всем.

Я прильнула к щели в калитке. «Что же, думаю, Димка там делает, почему меня не догнал?» И увидела, что ребята уходили вверх по улице и Димка шел среди них и о чем-то говорил, размахивая руками, что-то доказывал... Ну молодец, решился. Я сразу стала счастливой: вот сейчас им, думаю, стыдно, что они меня травили. Живого человека – как зайца!

Сначала я ждала Димку у ворот. Ждала-ждала, все глаза проглядела. Когда стемнело, пошла домой и там ждала-ждала... Потом не вытерпела, сил у меня ждать больше не было, понимаешь, дедушка, и позвонила Димке. К телефону подошла Светка.

«А Димки дома нет, – сказала она и быстро протараторила: – Жених и невеста, тили-тили тесто!»

Я засмеялась.

«А я прическу сделала, – говорю ей, – тетя Клава сказала, что я теперь красавица». Повесила трубку и стала веселиться, прыгала по комнате, танцевала под слова: «Тили-тили тесто, жених и невеста!»

В это время кто-то постучал в окно.

«Димка!» – закричала я и бросилась открывать окно.

В окно всунулась громадная медвежья морда. Ну прямо настоящий медведь! И как зарычит: «Ры-ы-ы!»

Конечно, я испугалась – и всякий бы испугался, – отскочила от окна, погасила свет, чтобы меня с улицы не было видно. А сама прижалась к стене и дрожу. И тут хлопнула дверь, и пришел ты, – сказала Ленка. – А я как закричала: «Кто там?..» Помнишь?

Николай Николаевич кивнул, что помнил. Он очень хорошо помнил этот день, потому что именно тогда он случайно заехал в деревню Вертушино, зашел к бабушке Колкиной, и та отдала ему «Машку».

Он и не мечтал об этом никогда, просто нет-нет да заезжал в Вертушино, чтобы побыть у Колкиной и полюбоваться на картину.

Это был небольшой холст, написанный с какой-то невероятной открытостью, – в этой девочке трепетала жизнь, и почему-то было очень страшно за нее – так она была не защищена перед миром. «Может быть, потому, что она после болезни и острижена?» – подумал он тогда.

Николаю Николаевичу посчастливилось найти эту вещь несколько лет назад, сразу, как он вернулся в родные места. Но ему и в голову не приходило заполучить ее. Старушка жила тихо и одиноко, и с жизнью ее связывали немногие привычные любимые вещи.

Бабушка Колкина редко покидала свою родную деревню, хотя Николай Николаевич и приглашал ее к себе в гости. Но однажды она появилась у него не предупредив, объявила, что приехала в районную поликлинику, за здоровьем, хотя врачам не доверяла и лекарств почему-то опасалась.

Николай Николаевич с радостью встретил старуху. И та долго и достойно пила чай, а потом, как бы между прочим, пошла по комнатам, бросая быстрые взгляды туда-сюда по стенам... Прошло довольно много времени. И вдруг случилось невероятное. Бабушка Колкина передала Николаю Николаевичу через общих знакомых, чтобы приезжал.

Николай Николаевич заспешил. Он тут же отправился в дорогу и застал осунувшуюся старуху в постели, хотя дом был вымыт и вычищен, как перед большим праздником.

– Милый, – сказала бабушка Колкина нежным, певучим, но слабым голосом, – этой картинке место в твоём доме. Я тебе ее дарю.

Николай Николаевич стал отказываться, растерялся, предлагал, в конце концов, деньги.

– Денег не предлагай, – перебила бабушка Колкина, – не обижай старуху. Насчет подарка – так я давно решила. А если захочу когда-нибудь на нее взглянуть, то сама приеду к тебе.

Николай Николаевич вспомнил, что десять лет назад, когда он впервые попал к Колкиной в дом, то она ему обрадовалась и сказала: «Вот умру, девочку отдам тебе».

В тот день, когда он получил «Машку», он был счастлив как ребенок и спешил домой на всех парусах – ему хотелось, нестерпимо хотелось побыстрее добраться до дому и повесить картину на стену.

Еще в автобусе, когда он ехал из деревни, прижимая к себе холст, завернутый в старенькое льняное полотенце, вышитое крестом, им овладел совершенно идиотский страх, что картина куда-то испарилась, что «Машка» исчезла, а в руке у него просто чистый холст.

Николай Николаевич сам над собою смеялся: ну не сумасшедший же он? Тем не менее, как только он вышел из автобуса, сразу же, отойдя чуть в сторонку, быстро развязал картину и успокоился...

Он спешил домой, почти не разбирая дороги, попадая в лужи, натываясь на случайных прохожих. И вот тут, когда он ворвался в дом, когда внес «Машку» как драгоценность, его вернул к жизни Ленкин крик:

– Кто там?

Николай Николаевич ответил радостно:

– Посмотри, что я принес!..

– Тихо! – ответила ему Ленка откуда-то из темноты.

– Ты почему сидишь без света? – спросил Николай Николаевич и от волнения, в спешке, забыл, где находится выключатель.

Он уронил в темноте стул, чертыхнулся и наконец зажег свет и увидел испуганную Ленку.

Удивительно, до чего же он был недогадлив: просмотреть человека, который бок о бок жил с ним. Более того, горячо любимого и самого близкого человека, внуку, родную кровь. На что это похоже?

– Там за окном... медведь, – сказала она.

– Медведь?.. Белый или серо-буро-малиновый? – радостно пошутил он.

– А я тебе говорю, там человек какой-то... – шепотом сообщила Ленка. – Он нацепил на голову морду медведя и хотел влезть к нам в окно.

После этого Николай Николаевич все же подошел к окну, открыл его, выглянул, чтобы успокоить ее, и сказал:

– Никого нет. В темноте что хочешь привидится. А ты испугалась, дурочка. А еще внука майора, который прошел всю войну.

– Ты сам боишься чужих собак, – сказала Ленка в свое оправдание.

– А кто же не боится чужих собак? – весело ответил он. – А вот черта лысого и медведей я не боюсь.

И больше не слышал, о чем она говорила, потому что развернул полотенце и достал картину. Николай Николаевич думал, как он сейчас поразит Ленку.

– Ты взгляни, взгляни, Елена!..

Самая главная мечта его заключалась в том, что он хотел, чтобы Ленка полюбила дом и картины, которые его населяли, как он сам все это любил.

– Ты взгляни, взгляни, – твердил Николай Николаевич. – Какая нам вышла удача... Бабушка Колкина отдала, точнее, подарила нам картину. Я хотел заплатить за нее деньги – ни в какую, подарила! Чудная, милая, восхитительная бабушка Колкина!.. Какие редкостные люди нас окружают, Елена!.. Над этим стоит задуматься. А?..

И он поставил картину перед Ленкой, с восторгом наблюдая за выражением ее лица.

Наконец он не выдержал:

– Да проснись ты!.. Ну, как она тебе?.. Правда, хороша?

– Девчонка вроде меня, – ответила Ленка.

Николай Николаевич сначала не понял, что она имела в виду. Посмотрел на картину. Потом на Ленку и... увидел, что она чем-то стала не похожа на самое себя. Какая-то непривычная. Наконец догадался – Ленка была без кос.

– А где твои косы? – спросил он.

– Я прическу... только на каникулы, – заикаясь, объяснила Ленка.

Николай Николаевич обрадовался. Он увидел, что Ленка стала больше похожа на эту девочку на холсте.

– Елена! – закричал он так, что она вздрогнула. – Ты просто ее двойник... Самый настоящий... Тот же цвет глаз... Рот...

– Рот до ушей, хоть завязочки пришей, – с грустью сказала Ленка. – Может, ее тоже так дразнили?.. Тогда не я первая.

– Вот именно, – обрадовался Николай Николаевич. – Ну, улыбнись, улыбнись!.. Ты замечательно улыбаешься!

Ленка застенчиво улыбнулась, и уголки ее губ привычно поползли к ушам.

Николай Николаевич схватил холст, перевернул его и на тыльной стороне увидел размашистую надпись, сделанную черной краской: «Год 70».

– Как же я сразу не догадался, старый дурак. Столько лет смотрел на нее – и не догадался. Отец мне рассказывал эту историю... Она, – он показал на «Машку», – подарила эту картину какой-то своей любимой ученице. А когда ту арестовали жандармы как участницу группы «Народная воля», картина затерялась... Последняя его работа.

Николай Николаевич помолчал, потом испуганно-величественно, еще не веря до конца в это чудо, объявил:

– Елена, я схожу с ума... Возможно... Даже более того, я уверен в этом... Девчонка – сестра моего деда, баба Маша. Машка... Машенька... Мария Николаевна Бессольцева. Знаменитая особа. Жертвенница. Святая душа.

Ее жениха убили в Русско-турецкую войну. Под Плевной. А она после его смерти не пожелала выходить замуж, ей тогда было всего восемнадцать, и всю жизнь прожила одна. Но как прожила!

Она основала женскую гимназию в городке. А первые ее выпускницы все до единой уехали работать учителями в ближайшие деревни.

Говорят, они ей во всем подражали: так же одевались, как она, так же разговаривали, так же жили. Какие были люди! Какие были особенные люди! Все делали не ради славы, а для народной пользы.

В первую империалистическую здесь у нас была эпидемия тифа. И мой отец, следовательно ее племянник, был на этой эпидемии и тоже заразился тифом, и его положили в тифозный барак.

Однажды ночью он пришел домой. Маша ему открывает, а он стоит перед нею в нижнем белье, босой. А дело было зимой. Оказалось, что он пришел в беспамятье. И вот Мария Николаевна взвалила его на плечи и понесла обратно. Пять километров по глубокому снегу тащила – тифозный барак был за городом. Там и осталась – выходила племянника.

Потом за другими стала ухаживать, за самыми тяжелыми ходила, многие ей своей жизнью были обязаны.

Я ее хорошо помню. Она жила в твоей комнатке... Когда она умерла, ее хоронил весь город.

Николай Николаевич бегал по комнате, потирал руки, задыхался, не обращая на это внимания, хватался за сердце, не понимая, что оно у него болит.

– Боже мой! – продолжал бушевать он. – Как же ты удивительно на нее похожа и как ты удивительно вовремя приехала... А я удивительно вовремя оказался в деревне Вертушино у бабушки Колкиной!.. Теперь наше дело действительно подходит к концу. Теперь мы собрали с тобой почти все его картины и можем хвастаться, устраивать пиры и приглашать на демонстрацию наших сокровищ любознательных музейных работников. Они станут охать и ахать и говорить: «Вы открыли нового малоизвестного художника». А мы будем с тобой сидеть длинными зимними вечерами дома и строить планы.

– Какие планы? – спросила Ленка.

– Самые разнообразные. – Николай Николаевич улыбался, не замечая Ленкиного печального настроения, которое совсем не совпадало с его весельем. – Нам о многом надо посоветоваться.

И вот в это время в окне вновь появилась голова рычащего медведя.

– Медведь! – завопила Ленка и вскочила на стул.

В этот вечер Николай Николаевич был удивительно ловок и удачлив. Он стоял у окна, успел схватиться за медвежью морду, и она осталась у него в руке... Но в следующий момент – это он помнил очень хорошо – его посетило некоторое смущение, потому что на месте медвежьей морды перед ними появилось перекошенное от страха, какое-то жалкое и ничтожное Димкино лицо.

Помнится, он тогда подумал, что такое творится с Димкой, и перевел взгляд на Ленку, чтобы узнать у нее, что все это значит. И вот тут он удивился еще больше. Ленка стояла перед ним ни жива ни мертва...

– Вот тебе и весь медведь, – произнес Николай Николаевич. – Одной рукой я отвернул ему голову. – Он небрежно бросил медвежью морду на диван.

Николай Николаевич произнес свою фразу беспечно, хотя в этот момент ему впервые почудилось, что произошло что-то не то, ну, может быть, шутка с медвежьей мордой была

слишком жестокой. Он тогда постарался отвлечь и развеселить Ленку, потому что почувствовал, что здесь какое-то серьезное дело, но потом так увлекся «Машкой», что все забыл.

Ленка же не обращала на него никакого внимания, она уже вернулась к жизни, она кричала в окно, звала Димку:

– Димка! Димка-а-а!..

Ей никто не отвечал.

Ленка в отчаянии повернулась к Николаю Николаевичу, ища у него помощи:

– Дедушка!.. Они держат его силой! Они заставили его пугать меня! – Ленка металась около окна. – Я знаю! Я вижу, вижу: они связали ему руки! Дедушка, крикни на них страшным голосом!

Николай Николаевич выглянул в окно и увидел небольшую группу ребят, стоящих в слабом электрическом освещении неподалеку от их дома. Среди них, странно сжавшись, ссутулившись, стоял и Димка. Он то появлялся, то исчезал, прячась за чьи-то спины.

– Димка-а-а! – снова позвала Ленка.

– Чего же он не отвечает? – спросил Николай Николаевич. – Может, его там нет? – Он так сказал, чтобы успокоить ее, хотя сам отлично видел Димку.

– Я вижу!.. Вижу его! Ты их не знаешь! Они могли ему тряпку в рот запихнуть! Дедушка, ну крикни!.. Спаси его!

Николай Николаевич набрал полные легкие воздуха и выдохнул:

– А ну живо отпустите Димку!

В ответ раздался хохот.

Группа удалилась со свистом и громкими взрывами смеха.

– Чучело! – прокричал кто-то, сложив руки рупором.

– Заплаточник! – подхватил другой. – Два сапога пара! – И снова затихло.

Ленка схватила куртку и бросилась к двери. Николай Николаевич попытался ее остановить. Но разве можно было это сделать – с ее страстным характером, с ее предельной преданностью в дружбе, с ее самоотдачей другим людям?..

– Пусти! Пусти! – Ленка рвалась из рук Николая Николаевича, извиваясь всем телом, захлебываясь от волнения словами и скороговоркой выкрикивая: – Он там может задохнуться... с тряпкой во рту!.. А ты... меня... не пускаешь! – И конечно, в конце концов она вырвалась и убежала.

Николай Николаевич высунулся в окно.

– Лена! – позвал он и прислушался.

Он ее не увидел, только из темноты доносился ее возбужденный голос:

– Ну, Миронова! Ну, Валька!

– Лена-а-а! – снова позвал Николай Николаевич, без всякой надежды на ее ответ.

Так оно и вышло: никто ему не ответил.

Николай Николаевич хотел тут же идти за нею – это он помнил точно, – но взгляд его натолкнулся на Машку. Он замер, застыл – его поразило тогда цвет неба на картине: красновато-синий, мрачный, тяжелый, предгрозовоый, он был виден в проеме дверей, и легкая, невесомая, ослепительно-светлая фигурка Машки на этом тревожном фоне почти взлетела над землей.

Он стоял неподвижно, как в забытьи.

Где-то звякнуло разбитое стекло, это смутно отложилось в его памяти, но не более того.

Где-то кто-то кричал:

– Вон она! Вон!.. Держите!..

Все это он тоже слышал, но никак не подумал, что именно Ленка разбила чье-то стекло и именно ее преследовали людские голоса.

Николай Николаевич сел к столу, достал свою заветную тетрадь. Ему нестерпимо хотелось закрепить на бумаге свое счастье и свою радость. Он жил в тот момент только своей жизнью, как это ни ужасно показалось ему теперь, но все было так! Ленка с ее делами и заботами совершенно выскочила у него из головы.

Он услышал разговор под своим окном.

– Ее нет в комнате, а он что-то царапает на бумаге, – сказал первый голос. – Бросим камень... Вот будет переполох! Ответим ударом на удар!

– А если это не она? – спросил второй голос.

– Да видела я – точно, она. Ревнует тебя – окна бьет, – вмешалась какая-то девчонка.

Но Николай Николаевич и на это не обратил никакого внимания. Он тогда даже не пошевелился – прекрасное настроение отделило его на время от реальной жизни.

Он листал свою тетрадь, в которой были записаны все его картины: где и когда куплены, когда написаны, точно или предположительно. Здесь у него были длинные записи размышлений и догадок на этот счет: кто изображен на той или иной картине, как этот человек попал к художнику и почему он решил писать его портрет. В результате возникали интереснейшие истории о разных людях.

Николай Николаевич уже успел записать: «Получена в подарок в начале ноября 1978 года...», но вошла Ленка – платье и куртка в грязи, – закрыла глаза, как-то странно прислонилась к косяку дверей и сползла по нему на пол.

Николай Николаевич бросился к ней, помог встать, дотащил до дивана, уложил, досадливо перекинув медвежью морду на стул. Старый мечтатель, он спускался на землю. Вот тогда Николай Николаевич испугался – перед ним лежала Ленка, бледная, ни кровинки в лице.

– Что с тобой? – Николай Николаевич опустился на колени у дивана. – Лена!..

Николай Николаевич думал, что она ему не ответит, а она громко, жалобно, вздохнув произнесла:

– Дедушка, он меня обманул!..

– Обманул? – переспросил Николай Николаевич.

– Да!.. Да!.. Обманул. Я в окно заглянула, а у него Миронова и все-все. Они там все-все вместе!.. Ты подумай, дедушка!.. Телик смотрели и чай пили, – сказала она с таким ужасом, как будто сообщала о чем-то сверхъестественно страшном. – Я думала, у него руки связаны и тряпка во рту, а они... чай пили...

– Ну и что же? – Николай Николаевич улыбнулся, хотя у него впервые за последние годы заболело сердце. – Давай и мы попьем чаю.

– Ну какой чай, дедушка!.. Я должна тебе сказать, что я такое сделала... У меня, знаешь, в голове все помутилось. Взяла я камень и бросила в них. Окно разбилось... – И Ленка заплакала.

– Окно разбила... Да, я что-то слышал... Ты поплачь, поплачь. Легче станет. – Николай Николаевич сразу не мог понять, что теперь делать и что говорить. – А я все-таки поставлю чайник.

Он вышел из комнаты и быстро вернулся.

Но Ленка уже лежала с закрытыми глазами: то ли притворялась, то ли спала на самом деле.

Николай Николаевич долго стоял посреди комнаты, потом взял со стула медвежью морду, положил ее на стол, а сам сел на освободившееся место и теперь уже без всякой радости, а скорее машинально дописал в свою тетрадь: «...в деревне Вертушино у Натальи Федоровны Колкиной картину художника Н. И. Бессольцева, на которой изображена его внучка Маша в возрасте 10–11 лет. Это последняя работа художника, сделанная незадолго до его смерти».

Глава одиннадцатая

– На следующий день после праздников я стирала платье, – снова начала свой рассказ Ленка. – Когда я бросила камень в Димкино окно, то упала в лужу и вся перепачкалась. Я стирала платье и все думала, думала про Димку. И вдруг поняла: ненавижу его!

Тут мне кровь как бросилась в голову, я влетела в комнату и стала хватать свои вещи, чтобы уехать. «Вот тогда он попляшет!.. Будет мне письма писать, – думала я, – а я ему не отвечу! Хоть десять писем в день, хоть сто... Ни за что не отвечу! Никогда!»

А сама носилась по комнате и хватала, хватала свои вещи и запихивала в портфель. И вдруг увидела в окно, что в наш сад вошел Димка!

Я схватила платье и выбежала в сад, вроде надо его высушить. Ну, в общем, выскочила в сад, вешаю платье, а у самой сердце знаешь как прыгало!

Димка подошел и остановился позади меня. Я сделала вид, что не слышу, что он стоит и дышит мне в затылок. Наконец не выдержала и оглянулась. Он стоял передо мной, низко опустив голову. Постоял так и выдавил:

«Ты знаешь, кто я?»

Я старалась изо всех сил быть спокойной, а главное, независимой. Такая гордая и неприступная! А когда он мне сказал: «Ты знаешь, кто я?», то улыбнулась уголком рта, я же владела собой, хотя на самом деле я совсем не владела.

«Кажется, я тебя узнаю... Ты вроде бы Димка Сомов?..» – медленно отчеканила я, чтобы он не заметил, что у меня голос дрожит. Потом взглянула на него – вижу, он волнуется больше меня.

«Если бы ты знала, кто я на самом деле, то не улыбалась бы и не шутила... – Он на секунду замолчал, а потом тихо-тихо произнес, одними губами прошептал: – Потому что я подлый!.. Самый подлый трус!..»

– Дедушка! – Ленка схватила Николая Николаевича за руку. – Как он это сказал, все лицо у него пошло пятнами. Ярко-красными!.. Как будто кто-то его раскрасил красной краской. Он прямо полыхал, а глаза метались, бегали в этом жутком пламени. «Ну, – подумала я, – тебя надо спасать, ты же погибаешь, ты же сгоришь в этом страшном огне».

«Ты трус? – говорю я ему. – Никакой ты не трус! Ты же у Вальки собак отбивал!.. Ты даже Петьки не побоялся!.. Ты же Маргарите всю правду выложил!..»

А он:

«Нет, нет, нет! Права Маргарита: я жалкий, последний трус! Ты говоришь, я сознался Маргарите?.. А знаешь, почему? Потому что я хотел себе доказать, что ничего не боюсь. А я боюсь, боюсь... Подраться с кем-нибудь мне не страшно, а вот сказать всем правду я не могу. Подумал: скажу Маргарите, а в кино все выложу ребятам и докажу себе, что я не трус. А когда увидел их, чего-то вдруг испугался. Ну, успокоил себя, утром скажу, в школе. Сразу перед всеми ребятами и перед Маргаритой. И не буду ловчить и выкручиваться. А утром – приказ директора. И я опять струсил. Потом после приказа директора дождался, когда Маргарита ушла, и снова собрался... Нет, не смог. И потом, когда тебе бойкот объявили, тоже перетрухнул. А вечером с этой медвежьей мордой... Пришел к ребятам, чтобы им все рассказать и... Нет, я подлец!»

Он поднял на меня глаза. Дедушка, они были полны слез!

«Но теперь я всем-всем все скажу! – сказал Димка. – Вот увидишь! Ты мне веришь?»

«Верю», – ответила я.

«А если веришь, потерпи!»

«Я потерплю».

«Я им все-все скажу, – продолжал Димка. – И тебя к ним отведу. Как только ты захочешь, так и отведу. Решешь и сразу приходи ко мне. Я буду ждать тебя. Придешь?»

А я обрадовалась:

«Приду, – говорю, – обязательно», – и сама, дурочка, расцвела.

Димка подошел ко мне... и поцеловал! Представляешь – по-це-ло-вал! – произнесла Ленка по складам. – Ты не удивляешься?

– Удивляюсь, – быстро ответил Николай Николаевич. – Я очень удивляюсь.

– Вот и я удивилась! Говорит, что трус, а сам совершает такие отчаянные поступки. Ты мне ответь, должна была я после этого снова поверить в него?

– Должна была, – сказал Николай Николаевич. – И молодец, что поверила. Верить надо до конца.

– Когда он меня поцеловал, то я сначала засмеялась. А потом как окаменела. Может быть, я простояла бы так до утра, если бы не раздался крик Вальки.

«Попался, Сомик! – заорал он. – Наконец-то!.. Пришел тебе конец!.. Можно играть похоронный марш... Та-ра-ра-ра!.. – завыл он, потом рассмеялся и крикнул: – Всем расскажу, что ты ходишь к Бессольцевой!» А сам в это время стаскивал с веревки мое платье. Я рванулась к нему, а он отбежал. «Чучело, привет! – И помахал моим платьем над головой. – Принесешь медвежью морду – получишь платье».

«Ну гад!» – закричал Димка и бросился за Валькой.

Тот метнулся к забору, взобрался на него, лягнул Димку ногой и спрыгнул на ту сторону.

«Отдай платье! – крикнул Димка. – А то получишь!»

«Плевал я на тебя! – закричал Валька из-за забора. – Теперь ты у меня попляшешь. Теперь я всем расскажу, как ты около Чучела крутился!.. Ах, простите, извините, поцелуйчик мой примите!» – Он снова захохотал и скрылся.

«Не волнуйся, – сказал мне Димка. Он был как в лихорадке. – Я отберу платье! Скоро!.. Сегодня!.. Сейчас же!.. И всем все скажу! Все! Все! Всем!..»

Он сорвался с места.

«Подожди!» – закричала я.

Димка остановился, а я убежала и принесла ему медвежью морду.

«Верни! Я с тобой!» – сказала я.

«Нет, я сам. – Он вдруг совсем успокоился, лицо его стало прежним, давно мне знакомым. – Ты еще там испугаешься... А здорово твой дед снял с меня эту морду...»

«Да, он ловкий», – сказала я.

Мне показалось, что мы с ним не расставались, что никто не гонял меня по улице, не кричал «Чучело» и «гадина», не пугал медвежьей мордой.

«А он знает?... – спросил Димка. – Твой дедушка... про меня?»

«Что ты! Это же наш секрет», – сказала я.

По-моему, ему понравился мой ответ. Мы помолчали.

«Ну, жди меня», – решил наконец Димка, помахал мне на прощанье медвежьей мордой – получилось смешно – и ушел.

Он шел к калитке легкой походкой человека, у которого хорошо на душе, ну как будто ничего его не мучает и не тяготит.

На меня напал страх. Я подумала, что зря отпустила Димку одного. «Ну, думаю, они Димку избыют, ну, думаю, достанется ему на орехи», – и погнала следом за ним.

Димку я не догнала. Перед самым моим носом он нырнул в сарай, где собралась мироновская компания. Я нашла дыру в прогнившей стене и прижалась к ней. Подумала, что Димке без меня сознаться будет легче, а если понадобится – я рядом, тут же прилечу на помощь.

Они там были все в сборе и хохотали над Рыжим, прямо катались от смеха. Только Мирнова с безразличным видом стояла в стороне и думала о чем-то своем.

А все из-за чего? Рыжий напялил мое платье, которое стащил Валька, и потешал их. Ну им и было весело.

Я тоже хихикнула: всегда смешно, когда мальчишки влезают в девчоночье платье.

А тут я услышала их крики:

«Ну ты артист, Рыжий!»

«Точно, Чучело!»

«Она – наша красавица!»

«Рот до ушей, хоть завязочки пришей!»

После этого я поняла, что Рыжий-то изображал меня: цеплялся ногой за ногу, падал, крутил головой, вытягивал шею и улыбался, растягивая губы до ушей.

– У него здорово похоже получалось, – с грустью сказала Ленка. – Ну правда, он настоящий артист.

– Ну а Димка-то что? – осторожно спросил Николай Николаевич.

Он давно уже не теребил Ленку, потому что ему было ясно и про Димку, и про Ленку. Он знал, на что можно надеяться и на что надежда совсем плохая, и предвидел Димкину жалкую, ничтожную жизнь.

– Димка? Ничего, – ответила Ленка. – Вошел в сарай и остановился. Он, наверное, в последний раз думал, что он храбрый и что он не испугается.

– Уж чувствую, куда идет дело, – заметил Николай Николаевич и печально покачал головой.

– Ты больше меня не перебивай, – попросила Ленка, глаза у нее сузились, как будто она к чему-то присматривалась. – А то мне трудно будет... Скоро уже конец... Ты потерпи и послушай.

Димка вышел вперед.

«Держи, – долетел до меня его срывающийся от волнения голос, и он бросил Вальке медвежью морду. – А ты, Рыжий, снимай платье».

Димка стал срывать с Рыжего платье. А тот оттолкнул его и крикнул:

«Ой, не трогай! Я боюсь щекотки!»

Все снова захохотали, потому что Рыжий подделался под мой голос.

Железная Кнопка, не меняя позы и не поворачивая головы в сторону Димки, сказала:

«Сомов, чем к Рыжему приставать, лучше скажи, где ты был сейчас?»

Димка сделал вид, что не слышал вопроса, что он очень увлекся спасением моего платья. Он за это платье хватался, как утопающий за соломинку.

«Хватит дурачиться, – говорит, – чужое платье разорвешь!» – И сильно рванул Рыжего на себя.

«Рыжий, он тебя обижает! Сделай ему больно, – кривлялся Валька. – Лягни его копытом».

Рыжий послушно ударил Димку. А Лохматый подскочил к ним сзади, и они вдвоем с Рыжим скрутили Димке руки.

Валька радостно заржал:

«Попался, Сомик!.. Ух как хорошо! Ты что же не ответил Мироновой, где ты сейчас был? А? Железная Кнопка, он же тебе не ответил! Не желает. Ну скажи, скажи, Сомик, где ты был и что ты там делал? – Он хохотал и заливался. – Ребята, новость первый сорт! Сомик был у Чучела! – Он завизжал и закрутился на одной ноге, захлебываясь от восторга. – И знаете, что они делали?.. Це-ло-ва-лись!»

«Целовались? – заинтересовалась Шмакова. – С Бессольцевой? Не сочиняй!..»

«Так наклонился к Чучелу, – продолжал Валька, – и чмок ее... в губки. – Он подскочил к Димке. – На два фронта работаешь?»

«Замолчи!» – крикнул Димка и попытался вырваться из рук Лохматого.

А подлый Валька воспользовался, что Димка беззащитный, и ударил его.

«Предатель! – говорит. Стукнул его еще раз, захохотал ему в лицо и произнес по слогам: – Пре-да-тель!»

«Я предатель? – возмутился Димка. – Ах ты, шкура, живодер несчастный! Ребята, знаете, чем занимается наш Валька?..»

«Заткни варежку, трепло!» – перебил его Валька и снова стукнул Димку – удобно драться, когда противника держат за руки.

Тут Димка озверел, размотал Лохматого и Рыжего и саданул Вальку так, что тот пролетел через весь сарай и упал к ногам невозмутимой Железной Кнопки.

Валька здорово струхнул, а когда увидел, что Димка не бросился следом за ним, находчиво протер рукавом куртки туфельку Мироновой и, заглядывая ей преданно в глаза, сказал:

«Ты, Сомов, поосторожнее. Нас много, а ты один. Верно, ребята? Мы из тебя знаешь что сделаем?... Котлетку!»

«Точно, котлетку!» – сказал Лохматый и сделал шаг к Димке.

«Конечно, котлетку!» – подхватил Рыжий.

Сначала они втроем наступали на Димку, а потом к ним и Попов присоединился. Ему Шмакова приказала.

Представляешь, четверо на одного?

Я рванулась к нему на помощь: именно из-за этого я здесь, и, выходит, не зря.

А Димка схватил здоровенный шест и, размахивая им, крикнул:

«Ну, подходите! Ну!.. Попробуйте!..»

Я от радости запрыгала; думаю, пока моя помощь Димке не нужна, вон он как с ними расправился. Знаешь, бабушка, как я тогда обрадовалась – Димка стал прежним. Ты бы видел их лица!

Он поднял палку над головой и крикнул: «Ну, подходи!» А они боятся – ни с места!.. А он стоит с палкой, как будто у него в руках меч: «Ну, попробуйте!»

Ленка звонко рассмеялась, лицо ее неожиданно расцвело, глаза заискрились. И Николай Николаевич, глядя на Ленку, улыбнулся – до чего же она прекрасна, как она умеет сильно любить и как умеет даже в падшем человеке заметить мгновение его величия.

– Димка стал наступать на них, – продолжала Ленка. – Наступал, наступал... А они пятились, пятились... И Димка оказался перед Железной Кнопкой!.. Она загородила ему дорогу.

«Отдай палку!» – приказала Миронова.

«Герои! – презрительно сказал Димка. – Спрятались за девчонку!» Он бросил палку к ногам Железной Кнопки.

Валька подскочил и на всякий случай тут же схватил ее.

И в это время между Мироновой и Димкой произошел разговор, который я никогда не забуду, который решил все. Ну не вообще, а для меня все. Понимаешь?

«Ты что у нее делал?» – спросила Миронова.

«Что хотел, то и делал», – ответил Димка.

«Скажите, какой храбрец!» – вмешался Валька. Он вертел палкой и кружился позади Димки.

«Ты пожалел ее?» – продолжала свой допрос Миронова.

«Предположим, пожалел».

А Миронова ему:

«Эх ты, хлюпик!»

Жестко так, жестко сказала и с отвращением отвернулась от него.

И тут Димка набрался наконец храбрости:

«Ну а если это сделала не она?»

Миронова его добила:

«Манная ты каша с киселем!» – И коротко засмеялась, как шелкнула кнутом.
Димка сорвался со своего голоса и бухнул:

«Ну а если это сделал я?!» – И с вызовом улыбнулся, оглядывая всех.

«Ты?! – Впервые за все это время Железная Кнопка явно удивилась и внимательно посмотрела на Димку. – Это уже любопытно!»

Они сразу на него набросились, окружили, затанцевали вокруг, запрыгали.

Валька заорал с восторгом:

«А вдруг правда он!»

А Шмакова:

«А что, вполне возможно!»

А Попов:

«И еще как!»

А Лохматый:

«Тогда нам тебя жаль!»

А Рыжий:

«Вот будет подарочек главному хирургу товарищу Сомову!»

«И эта дурочка, Бессольцева, его покрывала!» – догадалась Железная Кнопка.

Наступила тишина – все молча смотрели на Димку.

Он как-то криво ухмыльнулся. Его лицо меня испугало; может быть, он еще сам не знал, что он сделает в следующий момент, а лицо уже стало как в классе, когда глаза у него побелели от страха.

«И пошутить, – говорит, – нельзя. – А сам засуетился, заулыбался. – Шутки не понимаете».

Миронова и не понимала таких шуток.

«Ты мне в глаза, – говорит, – в глаза смотри!»

Димка оттолкнул ее: он не захотел смотреть ей в глаза.

«Отстань!.. Я же сказал – это шутка. – Он неестественно рассмеялся: – Шутка!» – И вдруг весело подмигнул всем.

А меня как обухом по голове! Он подмигнул им! Все поплыло перед глазами, и голова закружилась.

А Железная Кнопка кричала свое:

«Ты мне в глаза смотри!..»

Лохматый сжал Димкину голову ладонями, чтобы он ею не вертел, чтобы Железная Кнопка могла заглянуть ему в глаза.

А все старались перекричать друг друга:

«Ты пульс, пульс, Миронова, у него послушай!..»

«Попался, Димочка! – сказала Шмакова. – Теперь выкручивайся!»

И вдруг они все одновременно пошли на Димку.

Я бросилась в сарай, чтобы он увидел меня, чтобы не боялся, что он один. Я даже про подмигивание его в тот момент забыла.

Они его прижали к стене – мне его не было видно, только долетал из свалки его захлебывающийся голос:

«Вы обалдели! Я решил... помочь... Бессольцовой... Ее жалко. Вы что, не люди?»

Я кусалась, царапалась, пока не добралась до него. Думала, что еще не пропал, раз жалел меня.

Я дралась и вопила:

«Пустите меня! Пустите!»

«Смотрите, Чучело! – почему-то шепотом произнес Рыжий. – Сама пришла?»

«Сама», – сказала я.

«И не боишься?» – спросил Лохматый.

«Не боюсь. – Я повернулась к Димке, улыбнулась ему и сказала: – Я не могла больше тебя ждать, вот и пришла».

Димка молчал.

Я ему улыбалась, чтобы подбодрить его, улыбалась до тех пор, пока он тоже не разжал губ. Жалко так улыбнулся, но все-таки...

Валька захохотал:

«По-моему, они объясняются в... дружбе».

«Подожди, Валька, – сказала Железная Кнопка. – Бессольцева, ты зачем к нам пришла?»

Я ей не ответила – не хотела ничего сама говорить, хотела, чтобы Димка. Но Димка продолжал молчать.

«Давайте устроим им очную ставку, – предложила находчивая Шмакова. – Это же очень интересно».

«Бессольцева, – начала Железная Кнопка, – так кто же из вас предатель? – Она перевела взгляд с меня на Димку, потом с Димки на меня. – Ты или Сомов?»

Я посмотрела на Димку и сказала:

«Конечно... я».

«Ребята! – заорал Рыжий. – Она прибежала просить прощения! Я догадался! Я умный...»

«Допekli! – понеслось с разных сторон. – Наконец-то!»

«Так я и думала, – сказала Железная Кнопка. – Сомов ее пожалел. Я же говорила – он хлюпик. – Она повернулась ко мне – лицо ее запылало справедливым гневом. – Ну, что же ты молчишь? Падай на колени!.. Кайся!.. А мы послушаем! Может быть, ты нас так разжалобишь, что и мы тебя простим».

Я подождала, пока она замолчала, и сказала Рыжему:

«Снимай платье!»

«Пожалуйста, – заторопился Рыжий. Он снял платье и протянул мне. – На...»

А когда я хотела его взять, кинул через мою голову Лохматому. Ничего не понимая, я бросилась к Лохматому, а он подразнил меня платьем, покрутил им перед моим носом и перекинул Вальке... И понеслось по кругу!

Валька – Шмаковой, Шмакова – Попову, тот еще кому-то... И каждый дразнил меня.

Быстрее, быстрее!

Мне стало жарко, я носилась как угорелая, и прыгала, и хватала их за руки, но платье перехватить не могла.

Быстрее, еще быстрее!

Передо мной мелькал круг из их лиц, а я носилась в нем, точно белка в колесе.

Мне бы надо остановиться и уйти, наплевать на это платье и на них на всех наплевать, но я, как последняя дурочка, металась между ними, старалась их победить. Не ради себя, ради Димки.

И вдруг кто-то из круга бросил платье Димке, и тот поймал его. Я почувствовала, как все они напряженно затихли.

Миронова сказала:

«Вот вам и очная ставка. Наконец-то мы узнаем всю правду!»

Я подошла к Димке, протянула руку за платьем и улыбнулась ему:

«Ну пошли?... Поговоришь с ними в другой раз».

Он не двигался с места и платье мне не отдал, но улыбнулся в ответ. И я ему еще раз улыбнулась, а руку все время держала протянутой... Так мы и стояли и улыбались друг другу.

И вдруг... он швырнул платье через мою голову!

Я совсем растерялась, просто не поняла, что произошло, открыла рот с глупой своей улыбочкой и следила, как мое платье, совершив точно намеченную траекторию полета, упало в руки самой Железной Кнопки.

«Ура-а-а!» – заорали все.

«Молодец, Сомов!» – похвалила его Железная Кнопка.

– И тут я ударила Димку по лицу!.. Дедушка! Я ударила Димку по лицу вот этой рукой! – Ленка протянула руку Николаю Николаевичу. – А лицо, когда по нему бьешь, мягкое и теплое... Я до сих пор помню его на своей ладони. Как будто держишь в руке бьющуюся птицу.

В горестном и немом удивлении смотрела Ленка на свою руку, и тело ее вздрагивало от каких-то невидимых ударов, причинявших ей глубоко внутри острую, живую боль.

Николаю Николаевичу стало нестерпимо стыдно. Ведь он тоже ударил. И кого – Ленку! Ведь всякому было понятно, что картину она не продаст. Тоже сорвался!

– Ты меня, Елена, прости... – Николай Николаевич дотронулся до щеки. – Никогда никого не бил. Твоего отца вырастил – пальцем не тронул. – Он показал на стены, увешанные картинами. – И все из-за этого, – виновато улыбнулся. – А ты будь милосердна к падшему.

– А я тебя уже давно простила, – сказала Ленка.

И Николай Николаевич сокрушенно подумал, что даже на старости лет вполне разумный человек вроде него совершает непоправимые ошибки.

...«Сжечь ее на костре!» – закричал Рыжий.

«Хватайте ее!» – приказала Железная Кнопка. – И тащите в сад! – Она размахивала своим платьем. – Ждите нас там. Мы скоро!»

Мальчишки набросились на меня.

«За ноги ее!» – орал Валька. – За ноги!..»

Они повалили меня и схватили за ноги и за руки. Я лягалась и дрыгалась изо всех сил, но они меня скрутили и вытащили в сад.

Железная Кнопка и Шмакова выволокли чучело, укрепленное на длинной палке. Следом за ними вышел Димка и стал в стороне. Чучело было в моем платье, с моими глазами, с моим ртом до ушей. Ноги сделаны из чулок, набитых соломой, вместо волос торчала пакля и какие-то перышки. На шее у меня, то есть у чучела, болталась дощечка со словами: «Чучело – предатель».

Ленка замолчала и как-то вся угасла.

Николай Николаевич понял, что наступил предел ее рассказа и предел ее сил.

– А они веселились вокруг чучела, – сказала Ленка. – Прыгали и хохотали:

«Ух, наша красавица-а-а!»

«Дождалась!»

«Я придумала! Я придумала!» – Шмакова от радости запрыгала. – Пусть Димка подожжет костер!..»

После этих слов Шмаковой я совсем перестала бояться. Я подумала: если Димка подожжет, то, может быть, я просто умру.

А Валька в это время – он повсюду успевал первым – воткнул чучело в землю и насыпал вокруг него хворост.

«У меня спичек нет», – тихо сказал Димка.

«Зато у меня есть!» – Лохматый всунул Димке в руку спички и подтолкнул его к чучелу.

Димка стоял около чучела, низко опустив голову.

Я замерла – ждала в последний раз! Ну, думала, он сейчас оглянется и скажет: «Ребята, Ленка ни в чем не виновата... Все я!»

«Поджигай!» – приказала Железная Кнопка.

Я не выдержала и закричала:

«Димка! Не надо, Димка-а-а-а!..»

А он по-прежнему стоял около чучела – мне была видна его спина, он ссутулился и казался каким-то маленьким. Может быть, потому, что чучело было на длинной палке. Только он был маленький и некрепкий.

«Ну, Сомов! – сказала Железная Кнопка. – Иди же, наконец, до конца!»

Димка упал на колени и так низко опустил голову, что у него торчали одни плечи, а головы совсем не было видно. Получился какой-то безголовый поджигатель. Он чиркнул спичкой, и пламя огня выросло над его плечами. Потом вскочил и торопливо отбежал в сторону.

Они подтащили меня вплотную к огню. Я не отрываясь смотрела на пламя костра. Дедушка! Я почувствовала тогда, как этот огонь охватил меня, как он жжет, печет и кусает, хотя до меня доходили только волны его тепла.

Я закричала, я так закричала, что они от неожиданности выпустили меня.

Когда они меня выпустили, я бросилась к костру и стала расшвыривать его ногами, хватала горящие сучья руками – мне не хотелось, чтобы чучело сгорело. Мне почему-то этого страшно не хотелось!

Первым опомнился Димка.

«Ты что, очумела? – Он схватил меня за руку и старался оттащить от огня. – Это же шутка! Ты что, шуток не понимаешь?»

Я сильная стала, легко его победила. Так толкнула, что он полетел вверх тормашками – только пятки сверкнули к небу. А сама вырвала из огня чучело и стала им размахивать над головой, наступая на всех. Чучело уже прихватило огнем, от него летели в разные стороны искры, и все они испуганно шарахались от этих искр.

«Куртку сожжешь, – запищала Шмакова. – Будешь отвечать!»

«Она тронулась!» – крикнул Рыжий и бросился от меня наутек.

А другие кричали:

«Так ей и надо! Предатель!...»

«Вот чумовая!»

«Братцы, по домам!...»

Они разбежались. А я так закружилась, разгоняя их, что никак не могла остановиться, пока не упала. Рядом со мной лежало чучело. Оно было опаленное, трепещущее на ветру и от этого как живое.

Сначала я лежала с закрытыми глазами. Потом почувствовала, что пахнет паленым, открыла глаза – у чучела дымилось платье. Я прихлопнула тлеющий подол рукой и снова откинулась на траву.

Потом до меня долетел голос Железной Кнопки.

«Ты что остановился? – спросила она кого-то. – Тебе опять ее жалко?..»

Я подняла голову и увидела Миронову и Димку.

Помню, в этот момент мне показалось, что я сижу в глубоком-глубоком колодце, а Миронова говорит где-то над моей головой. Голос у нее был резкий и больно ударял по ушам.

«Все-таки, – говорит, – ты малодушный человек. Она же предатель! Понимать это надо».

Послышался хруст веток, удаляющиеся шаги, и наступила тишина.

Не знаю, сколько я так пролежала – может час, а может, и минуту, – только я почувствовала, что кто-то следит за мной. Я оглянулась и снова увидела в зарослях Димку. Он отвел в сторону кустарник, за которым прятался, и медленно подошел ко мне.

– Дедушка, знаешь... – сказала Ленка печальным голосом, – я пришла на костер одним человеком, а встала с земли навстречу Димке совсем другим. Вот тогда-то я и подумала, что жизнь моя кончилась.

– А Димка-то что? – еле слышно прошептал Николай Николаевич.

– А Димка? Объяснил мне, как все было и как будет дальше. «Я им сказал, – говорит, – что это я. А они не поверили. Ты же слышала...»

По-моему, я ему что-то ответила, а может, и ничего. Не помню.

А он:

«Теперь мне поверят. Вот увидишь. Я не отступлю, пока они мне не поверят».

Он был такой, как всегда. Ну точно ничего не произошло. Стоял передо мной аккуратный, чистенький, от костра раскраснелся. Говорил, говорил про «поверят и не поверят», про то, что они привыкнут к этому и все поймут. А я слушала его, слушала... Потом улыбнулась. Теперь понимаю почему: от неловкости и стыда за него. А он, когда увидел, что я улыбаюсь, еще больше осмелел, голос его окреп и уже звенел, улетал вверх вместе с искрами затухающего костра... Того самого костра, который он только что поджигал, чтобы так предать и унижить меня.

«Они будут валяться у тебя в ногах, – говорил он. – Я заставлю их это сделать!»

Я начала снимать платье с чучела. Оно было прожжено в нескольких местах. Когда я стаскивала его, то обожглась. Не заметила, что солома под платьем все еще тлела. Я крикнула от боли. Видик у меня был, наверное, жалкий, потому что Димка так расхрабрился, что протянул руку и дотронулся до моей щеки:

«У тебя кровь».

Я отскочила от него как ужаленная:

«Нет! Не трогай меня!.. Не смей!»

– Ну и правильно сделала, – сказал Николай Николаевич. – Я бы на твоём месте тоже больше ему не поверил.

– Дедушка, я подумала, почувствовала, что если он до меня дотронется, то это будет так больно, как огнем. Не могла я больше с ним стоять ни одной минуты, и не знала, куда мне идти, и не хотела никого видеть... Пошла через кусты к реке, нашла старую перевернутую лодку, забралась под нее и долго сидела там на холодном и мокром песке.

– Плакала? – спросил Николай Николаевич.

Ленка ничего не ответила.

– А я тогда все обегал. Думал: куда пропала девка?

– Я слышала, как ты меня звал, но я не могла вылезти. Может, я оттуда никогда бы не вылезла, если бы ко мне не вползла какая-то собачонка. Жалкая такая, хуже меня. Она стала лизать мне руки, и я поняла, что она голодная. Вот и вылезла, привела ее домой и покормила.

Глава двенадцатая

На следующее утро надо было идти в школу. Каникулы кончились. Но я сходила домой к Маргарите, узнала, что она не приехала, и не пошла.

Целый день я просидела у пристани, смотрела на реку и караулила Маргариту. У меня прямо глаза устали от смотрения; пришла одна «Ракета», потом вторая, а Маргариты все не было и не было.

Потом я ее увидела – светлое пальто нараспашку, под ним свадебное платье, то самое, которое она испортила тортом. Я как сумасшедшая бросилась к ней навстречу:

«Мар-га-ри-та Ивановна!» – Догнала, схватила за руку.

Она оглянулась... и оказалась не Маргаритой.

Потом наконец я увидела настоящую Маргариту.

Сначала на берег прыгнул мужчина. Он протянул кому-то руку... И появилась Маргарита. Она сошла с катера, как королева с раззолоченного трона. Красивая-красивая, она в сто раз стала красивее за эту неделю.

Я смотрела на них, как они подымались на крутой берег по лестнице: впереди Маргарита, позади ее муж с чемоданом, – и улыбалась им. Я издали помахала Маргарите рукой.

Они были уже совсем близко от меня. Я слышала, как Маргарита спросила у своего мужа, не тяжело ли ему тащить чемодан, а он ответил, что ему не тяжело, но не интересно, что он лучше бы понес на руках ее, Маргариту. Она рассмеялась. И я рассмеялась и опять помахала ей рукой, но они почему-то прошли мимо меня.

Я обалдела: ведь я стояла совсем рядом; но потом догадалась, что они просто меня не заметили. Смотрели друг на друга и ничего вокруг не видели. Я обогнала их и медленно пошла навстречу...

Теперь они шли рядом. Он держал ее под руку и что-то шептал ей на ухо. А она склонилась к нему и внимательно слушала и продолжала улыбаться. Ну конечно, они снова прошли мимо меня и не заметили.

Так я проводила их до самого дома.

На следующее утро я все-таки пришла в школу. Нарочно вошла в класс после звонка, вслед за Маргаритой.

Когда я появилась в дверях, все повернули головы в мою сторону, как заводные куклы. Кто-то невидимый дернул веревочку, и они одновременно повернулись: мелькнуло насмерть перепуганное лицо Димки, ехидное – Шмаковой, суровое – Железной Кнопки... А я уставилась на Маргариту.

«Здравствуйте, – говорю, – Маргарита Ивановна».

А сама жду, дрожу, что она сейчас спросит про бойкот. А я ей отвечу: «Вы не меня спрашиваете, а их...» Это я так заранее придумала ответ. И начнется...

А Маргарита мне:

«Здравствуй, здравствуй, Бессольцева... Что ты начинаешь новую четверть с опоздания? Нехорошо. Проходи». – И склонилась к журналу.

Я подошла вплотную к учительскому столу и остановилась – ждала, когда же она посмотрит на меня.

Наконец она подняла глаза, увидела, что я стою, и спросила:

«Ты что-то хочешь сказать?..»

«Я вас так ждала, Маргарита Ивановна», – ответила я.

«Меня? – удивилась Маргарита. – Спасибо. Но... почему это вдруг?» И, не дождавшись ответа, она встала, подошла к окну и помахала кому-то рукой.

Все девчонки тотчас это заметили и высыпали к окну.

«Муж, муж, муж», – понеслось по классу.

«Маргарита Ивановна, – пропела Шмакова, – там ваш муж сидит на скамейке?»

«Да, – ответила Маргарита. – Мой муж».

«Как интересно, – снова пропела Шмакова. – А вы нас с ним познакомите?»

«Познакомлю». – Маргарита хотела сдержать улыбку, но губы не слушались ее – они сами заулыбались.

А я смотрела на нее, смотрела...

«А сейчас, – говорит, – займемся делом. – Маргарита перехватила мой взгляд. – Ты что устала на меня, Бессольцева?.. Я что, так изменилась?..»

«Нет, не изменились... Просто я рада, что вы приехали», – ответила я.

Она молчала, в лице у нее уже появилось нетерпение – вот, думает, дурочка с приветом, привязалась.

А я свое:

«Вы когда уезжали, сказали нам: „Вот я вернусь!..“» Последние слова я почти крикнула.

«Тогда я на вас рассердилась», – сказала Маргарита.

Я радостно закивала головой: ну, думаю, началось...

«А сейчас, – Маргарита весело махнула рукой, – вы уже и так наказаны, а кто старое помянет, тому глаз вон!.. – Она рассмеялась: – Садись, Бессольцева, на свое место, и начнем занятия».

«Я не сяду!» – крикнула я.

Маргарита подняла брови дугой: мол, что это еще за фокусы?

«Я уезжаю, – говорю, – навсегда. Просто зашла попрощаться».

Посмотрела на всех – значит, все-таки они меня победили. «Все равно, – подумала, – никогда ничего не скажу сама». Но от этого мне стало грустно. Так хотелось справедливости, а ее не было! И чтобы не зареветь перед ними, выбежала из класса.

«Бессольцева, подожди!» – позвала меня Маргарита.

Но я не стала ее ждать. А чего мне было ее ждать, если они не захотели во всем разобраться, если Димка предал меня сто раз и если я решила уехать... Дедушка! Ты же видишь, я все вытерпела, все-все!..

– Ты молодец, – сказал Николай Николаевич.

– Костер вытерпела, – продолжала Ленка. – Думала, дождусь Маргариты, и наступит справедливость. А она вернулась – и ничего не помнит.

– Замуж вышла, – сказал Николай Николаевич. – От счастья все и забыла.

– А разве так можно? – спросила Ленка.

– Бедные, бедные люди!.. – Николай Николаевич замолчал и прислушался к веселой музыке, которая по-прежнему доносилась из дома Сомовых. – Бедные люди!.. Честно тебе скажу, Елена, мне их жалко. Они потом будут плакать.

– Только не Железная Кнопка и не ее дружки, – ответила Ленка.

– Именно они и будут рыдать, – сказал Николай Николаевич. – А ты молодец. Я даже не предполагал, что ты у меня такой молодец.

– Никакой я не молодец, – вдруг сказала Ленка, и в глазах ее появились слезы. – Послушай, дедушка!.. Я хочу признаться... – Она перешла на шепот: – Я тоже, как Димка... предатель! Ты не улыбайся. Сейчас узнаешь, кто я, закачаешься!.. Я тебя предала! – Ленка в ужасе и страхе посмотрела на Николая Николаевича и проговорила, с трудом выталкивая слова: – Я тебя стыдилась... что ты ходишь... в заплатках... в старых калошах. Сначала я этого не видела, ну, не обращала внимания. Ну дедушка и дедушка. А потом Димка как-то меня спросил, почему ты ходишь как нищий? «Над ним, – говорит, – из-за этого все смеются и дразнят Заплаточником». Тут я присмотрелась к тебе и увидела, что ты на самом деле весь в заплат-

ках... И пальто, и пиджак, и брюки... И ботинки чиненные-перечиненные, с железными подковками на каблуках, чтобы не снашивались.

Ленка замолчала.

– Ты думаешь, что я бросилась на Димку с кулаками, когда он мне это сказал? Думаешь, встала на твою защиту? Думаешь, объяснила ему, что ты все деньги тратишь на картины?.. Нет, дедушка! Нет... Не бросилась! Наоборот, начала тебя стыдиться. Как увижу на улице – шмыг в подворотню и провожаю глазами, пока ты не скроешься за углом. А ты, бывало, идешь так медленно... Цок-цок железными подковками при каждом шаге... Видно, думаешь о чем-то своем, и вид у тебя одинокий, как будто тебя все бросили.

– Неправда, – сказал Николай Николаевич, – у меня вид величественный. Я на людях всегда грудь колесом.

– Но ведь я исподтишка за тобой следила, ты же не знал, что тебе надо делать грудь колесом, – виновато сказала Ленка. – Получается, вроде нож в спину?..

– Фантазерка ты! – Николай Николаевич быстро нагнулся и стал перевязывать шнурок на ботинке.

Ему захотелось спрятать от Ленки глаза, которые совсем по непонятной для него причине (впервые за последние десять лет) наполнялись слезами. Раньше он, бывало, плакал, когда терял на фронте друзей, когда хоронил жену, а последние десять лет он этого за собой не замечал.

– Послушай, дедушка! – Ленка в ужасе вся подалась вперед. – А может, ты когда-нибудь замечал, что я от тебя прячусь?..

– Не замечал я этого, – твердо ответил Николай Николаевич и выпрямился. – Ни разу не замечал.

– Замечал, замечал!.. А я еще думала, что я милосердная. А какая я милосердная, если тебя стыдилась? – И произнесла, словно открыла для себя страшную истину: – Значит, если бы ты действительно был нищим, оборванным и голодным, то я бы тогда просто убежала от тебя?

Эта простая и ясная мысль совершенно потрясла Ленку.

– Предательница я, говорю тебе, пре-да-тель-ни-ца!.. Мало они меня еще гоняли!..

– Да ничего мне не было обидно. Ну разве что совсем немножко, – ответил Николай Николаевич. – Я всегда знал, что пройдет время и ты меня отлично поймешь. Не важно когда... Через год или через десять лет, уже после моей смерти. И не казни себя за это.

Вот у меня есть фронтовой товарищ. Старый человек, а тоже не сразу меня понял. Приехал он ко мне в гости и стал кричать, что я позорю звание офицера Советской армии, хожу оборванцем, хуже хиппи. «Как, – говорит, – ты мог так низко опуститься? У тебя пенсия сто восемьдесят целковых. Народ тебя кормит и поит, а ты его позоришь! Бери, – говорит, – пример с меня». Сам он чистенький-чистенький, одет как с иголочки. Психовал, бушевал...

А тут как раз ко мне приехали две сотрудницы краеведческого музея и стали уговаривать продать им портрет генерала Раевского: «Мы заплатим вам две тысячи рублей».

Мой товарищ для интереса спросил:

«Это что же, в старых деньгах две тысячи?»

«Почему в старых, – ответили барышни из краеведческого музея, – в новых две тысячи, а в старых – двадцать».

Мой товарищ прямо со стула стал падать, глаза у него на лоб полезли.

Ну я им, конечно, отказал. Они уехали. А товарищ ругал меня и все подсчитывал, что я мог бы на эти деньги купить и на курорт поехал бы, чтобы здоровье поправить...

Я ему объясняю, что не имею права этого делать, что эти картины принадлежат не только мне, а всему нашему роду: моему сыну, тебе, твоим будущим детям!..

Он опять в крик:

«Тоже мне столбовые дворяне!»

«Крепостные, – сказал я ему. – Художник Бессольцев был крепостной помещика Леонтьева. А ты велишь его картины продавать».

Тут мой товарищ смутился, покраснел, хлопнул дверью и ушел. Через час вернулся и протянул мне сверток.

«Не обижайся, старина, однополчанин может и помочь своему другу».

Я развернул сверток, а там новое пальто. Примерил я его, похвалил, сказал ему спасибо. А когда он уехал, пошел в универмаг, сдал пальто и отправил ему деньги. Ну, думал, он меня разнесет за это. Ничего подобного, все понял – и извинился.

– Дедушка, ты не думай, – вдруг сказала Ленка. – Я полюбила твои картины. Очень. Мне от них уезжать трудно.

– Значит, ты как я, – обрадовался Николай Николаевич. – Ты обязательно сюда вернешься.

– И многим другим твои картины нравятся. – Ленка улыбнулась Николаю Николаевичу и сказала его словами: – Честно тебе говорю.

– Ты о ком это? – с любопытством спросил Николай Николаевич.

– Однажды заходил Васильев... «У вас как в музее, – говорит. – Жалко, что никто этого не видит».

– А ты что?

– «Как не видит, – говорю. – Эти картины многие смотрели... И многие еще будут смотреть».

Николай Николаевич почему-то очень взволновался от Ленкиных слов. Он подошел к картине, на которой был изображен генерал Раевский, и долго-долго смотрел на нее, как будто видел впервые, потом сказал:

– Это ты верно ему ответила. – У него был вид человека, который решился на какой-то отчаянный шаг. – Ты даже не представляешь, как ты ему верно ответила!

На улице уже стемнело. И в комнате было сумеречно, но ни Ленка, ни Николай Николаевич не зажигали огня.

Ленка продолжала собираться в дорогу. Она светлым пятном передвигалась по комнате, складывая вещи в чемодан. Признание, которое она, отчаявшись, сделала дедушке, несколько не успокоило ее, наоборот, еще больше обострило в ней чувство непрошедшей обиды. Ленке казалось, что эта обида будет жить в ней не месяц, не год, а всю-всю жизнь, такую долгую, нескончаемую жизнь.

Быстрее отсюда! Из этих мест, от этих людей. Все они лисы, волки и шакалы! Как трудно, невозможно трудно ждать до завтра!

У соседей по-прежнему гремела музыка. Это подстегивало ее метания по дому.

Потом Димкины гости вышли на улицу, и Ленка услышала их возбужденные голоса. Они кричали и радовались тому, что Димкин отец катал их по очереди на своих новеньких «жигулях». А Димка командовал, кто поедет первым, а кто вторым.

Им было весело, они были все вместе, а она тут одна – загнанная в мышеловку мышь. И они были правы, а она – виноватая!

Может быть, ей надо выйти и крикнуть все про Димку, и он остался бы один, а она была бы вместе с ними?!

Но тут же в ней возникло яростное сопротивление, не подвластное ей, не позволяющее все это сделать. Что это было? Гордость, обида на Димку?.. Нет, это было чувство невозможности и нежелания губить другого человека. Даже если этот человек виноват.

Она кидала в чемодан одну вещь за другой, потому что сборы эти были для нее спасением.

Именно в этот момент на пороге комнаты бесшумно выросла темная фигура, и мальчишеский голос произнес:

– Здравствуйте!

Николай Николаевич зажег свет – перед ними стоял Васильев.

– А вот и он, – сказала Ленка. – Легок на помине. Дедушка, это Васильев.

– Здравствуйте, – поздоровался Васильев второй раз и покосился на чемодан. – У вас там дверь была открыта...

– Заходи, заходи, – обрадовался Николай Николаевич. – Мы только что о тебе разговаривали. Лена мне сказала, что тебе нравятся наши картины.

Николай Николаевич вскочил и прямо вцепился в Васильева. Ведь он пришел сам – значит, он к Ленке относился хорошо?

– Нравятся, – мрачно ответил Васильев и снова покосился на чемодан.

– А какая из картин тебе нравится больше всего? – не унимался Николай Николаевич.

– Вот эта. – Васильев ткнул пальцем в Раевского, чтобы отделаться от Николая Николаевича. – А кто он такой? – спросил он почти машинально. Сам же в это время не отрываясь следил за Ленкой.

Николай Николаевич обрадовался:

– Как же... Это герой Отечественной войны тысяча восемьсот двенадцатого года, генерал Раевский. Здесь, поблизости от нашего городка, было имение дочери Кутузова. Генерал Раевский приезжал туда, и мой прапрадед написал его портрет. Это был знаменитый человек. В Бородинском сражении участвовал. Когда разгромили восстание декабристов, то царь Николай вызвал его на допрос, чтобы узнать, почему он их не выдал, – ведь он был под присягой и знал о тайном обществе. – Николай Николаевич выпрямился и торжественно произнес слова Раевского: – «Государь, – сказал генерал Александр Раевский, – честь дороже присяги; нарушив первую, человек не может существовать, тогда как без второй он может обойтись еще».

Ленку эти слова удивили – она перестала складывать чемодан и спросила у Николая Николаевича:

– Как он сказал? Генерал Раевский?

– Ну, в общем, он сказал, что без чести не проживешь, – ответил Николай Николаевич.

Васильев посмотрел на Ленку и вдруг спросил:

– Значит, уезжаешь?... Значит, ты все-таки... предатель? – Он усмехнулся: – А как же насчет чести, про которую толковал генерал Раевский?

– Это неправда! – возмутился Николай Николаевич. – Лена не предатель!

– А почему же она тогда уезжает? – наступал Васильев.

– Не твое дело! – ответила Ленка.

– Струсил! – жестко сказал Васильев. – И убегаешь!..

– Я струсил?! – Ленка выскочила из комнаты. Теперь ее голос раздавался издали: – Я ничего не боюсь!.. Я всем все скажу!.. Дедушка, не слушай его! Я ничего не боюсь!.. Я докажу! Всем! Всем!.. – Она снова вбежала в комнату, на ней было то самое платье, которое горело на чучеле, и тихо сказала: – Всем докажу, что никого не боюсь, хоть я и чучело! – Повернулась и вышла из дома.

Васильев рванулся за нею, но Николай Николаевич задержал его.

– Я хотел ее догнать, – сказал Васильев. – Может, ей надо помочь?

– Теперь уже не надо. Теперь, я думаю, она сама знает, как ей быть. – Николай Николаевич поманил его пальцем и тихо добавил: – В сущности, ты неплохой парень... Но какой-то... прокурор, что ли.

– А все-таки почему она уезжает? – упрямо переспросил Васильев.

Николай Николаевич посмотрел на Васильева: на его худенькое мальчишеское лицо, на очки с одним стеклом, на крепко сжатые губы, на весь его правый и убежденный вид и вдруг почему-то разозлился.

– Давай, Васильев, шагай! – Он подтолкнул Васильева к выходу. – Ты мне в какой-то степени надоел! – Закрыв дверь, потом снова распахнул и крикнул ему вслед: – Ты прав во всем!.. И значит, ты счастливый человек!.. – И так стукнул в сердцах дверь, что весь дом загудел колоколом – бом!

Николай Николаевич поднялся в мезонин и вышел на балкончик. Он всматривался в темноту, надеясь увидеть Ленку. И увидел. Ее быстрая фигурка мелькала среди темных стволов деревьев, более отчетливо проявилась на чистом горизонте, когда пересекала улицу, и скрылась за углом.

«Куда она побежала?» – с беспокойством подумал Николай Николаевич. Конечно, догадаться он не мог и, чтобы успокоить себя в ожидании Ленки, стал, как обычно, размышлять о жизни своего дома и его бывших обитателях, которых нет, но которые в этот момент тесно обступали его со всех сторон.

Взрослые и дети. Почему-то братья и сестры на всю его жизнь остались в нем детьми. Хотя он знал их до самой их старости или до ранней смерти.

Николай Николаевич почти осязаемо чувствовал тепло их рук и горячее дыхание, слышал их крики, смех, перебранки, споры до хрипоты. Они снова, как всегда, были вместе с ним.

Может быть, потому он так обрадовался Ленке, что она как две капли воды была похожа на Машку. Это было звено, которого ему недоставало для счастья, это было звено, слившее жизнь всего его дома воедино.

Ленка!.. Она ощупью выбирала путь в жизни, но как безошибочно! Сердце горит, голова пылает, требует мести, а поступки достойнейшие.

И вдруг Николай Николаевич почувствовал в себе, в своих окрепших мускулах, небывалую доселе силу. Может быть, произошло первое в мире чудо и годы не старили его, а укрепляли? Он засмеялся. Его всегда смешило сочетание в нем самой трезвой оценки действительной жизни и какой-то наивной детской мечты – например, что его жизнь вечна.

Глава тринадцатая

Ленка выбежала из дома и подлетела к сомовской калитке. Потом развернулась и побежала вниз по улице, не оглядываясь на собственный дом. Если бы она оглянулась, то сначала увидела бы, как из их калитки выскочил Васильев, словно его оттуда вышвырнули, а затем на одном из балкончиков появился Николай Николаевич.

Но Ленка ни разу не оглянулась. Она спешила, она летела, она бежала... в парикмахерскую.

Ленка твердо решила доказать всем, что она ничего и никого не боится – даже чучелом быть не боится. Вот для этого она и бежала в парикмахерскую, чтобы остричься наголо и стать настоящим страшилищем.

Она ворвалась в парикмахерскую, еле переводя дыхание.

Тетя Клава сидела в одиночестве и читала книгу. Подняла на Ленку усталые глаза и недружелюбно сказала:

– А-а-а, это ты! – И отвернулась.

– Здравсте, тетя Клава, – сказала Ленка.

Тетя Клава ничего не ответила, посмотрела на часы, встала и начала складывать в ящик ножницы, расчески, электрическую машинку. Она явно собиралась уходить.

– Снова решила сделать прическу? Значит, понравилось... Только ничего не выйдет, – заметила тетя Клава как-то ехидно.

– Вы не хотите меня стричь? – спросила Ленка.

– Не хочу, – ответила тетя Клава, продолжая убирать инструменты. – Рабочий день закончился.

– Потому что я предательница?

– Я не имею права выбора клиента, – ответила тетя Клава. – Нравится он мне лично или нет, обязана обслужить. – И вдруг сорвалась, голос у нее задрожал: – У моего Толика отец в Москве. Он его три долгих года не видел. Толик ночи не спал, придумывал, как они встретятся, о чем будут разговаривать и куда пойдут... Я ему: «А может, у отца работа?» А он мне, глупенький: «Пусть с работы ради меня отпросится... Родной же сын приехал!..» Я так хотела, чтобы он подружился с отцом. А ты моего рыженького под самый корень срезала.

– Не срезала я его, – сказала Ленка и, сама не ожидая этого, впервые созналась, потому что у нее не было другого выхода: – Это не я их предала.

– Ну зачем же ты врешь? – возмутилась тетя Клава. – Из-за какой-то прически. Ну ты детка из клетки.

– Я не вру! Я этого еще никому не говорила... Вам первой. Я на себя чужую вину взяла.

– Зачем же ты это сделала? – Тетя Клава недоверчиво покосилась на нее.

– Помочь хотела... одному человеку, – ответила Ленка.

– А он что же? – осторожно спросила тетя Клава.

– Сказал, что сознается... немного погодя. Чтобы я потерпела... И не сознался.

– А ты? – Тетя Клава в ужасе посмотрела на Ленку.

– А я все молчу, – ответила Ленка.

– Ой, несчастная твоя головушка! – запричитала сразу тетя Клава. – А может, лучше расскажешь все ребятам? Они поймут... – Но она тут же поняла, что это не выход для Ленки, и быстро отступила: – Ну ладно, ладно, я тебя учить не буду, не моего ума это дело. Сама в жизни много глупостей наделала. – Решительно надела халат и достала инструменты, гремя ими. – Только ты его не прощай!.. – Повернулась к ней гневным лицом: – Дай слово, что не простишь!

Ленка промолчала.

– Ты что молчишь? – Тетя Клава возмущенно наступала на Ленку, вооруженная ножницами и расческой. – Может, ты его уже простила?

– Ни за что! – ответила Ленка.

– Садись в кресло, – приказала тетя Клава. – Ты будь гордой! Кто-то же должен не прощать!.. Милая моя, золотая, я из тебя такую красотку сделаю! Он закачается!.. А ты плюй на них, на мужиков, направо и налево...

Тетя Клава развязала ленточки в Ленкиных косах.

– Косы можно не распускать, – сказала Ленка.

– Это почему же?

– А меня... наголо.

– Это что еще за фокусы! – возмутилась тетя Клава. – Что ты за казнь египетскую себе придумала?

– Меня Чучелом дразнят, – сказала Ленка.

– Ну и что? – ответила тетя Клава. – А моего Толика – Рыжим.

– Я хочу, чтобы все видели, что я страшилище!.. Что я настоящее чучело!

– Ну уж нет! Лучше я тебя красоткой сделаю. – Тетя Клава улыбнулась. – Хорошая прическа знаешь как помогает!.. – Она принялась расчесывать Ленкины волосы. – Вот увидишь! Я тебя сейчас причешу, постараюсь, и у тебя настроение изменится.

– А я – чучело! – Ленка вскочила. – И не боюсь этого! Я всем это докажу!.. – Она схватила ножницы и как начала кромсать свои волосы!

– Ты что, ненормальная?! – Тетя Клава бросилась к Ленке. – Остановись!..

Ленка бегала по парикмахерской, увильывая от тети Клавы, шмыгая между кресел, кромсала свои волосы и кричала:

– А я чу-че-ло!.. А я чу-че-ло!..

Наконец тетя Клава поймала Ленку, хотя было уже поздно: та успела выстричь несколько прядей волос.

– Что же ты наделала? – Тетя Клава прижала Ленку к себе и укачивала, как маленькую. – Лопушок ты несчастный... А рыженький мой был раньше добрым. Честное слово! Сердце душевное... А на тебя закричал: «Гадина!» Домой в тот день пришел взъерошенный, грубил. А потом, не поверишь, заплакал вдруг мой Толик, совсем как маленький.

– А я раньше не знала, что его Толиком зовут, – грустно сказала Ленка.

– Толиком... Толиком... – Тетя Клава подвела Ленку к креслу. – Садись, милая, я тебя остригу, как хочешь остригу.

Ленка села в кресло, и тетя Клава накрыла ее простыней.

А тем временем праздник у Димки Сомова приближался к концу. Часть ребят разошлась, и осталась только мироновская компания, самые близкие друзья.

– Давайте гулять до утра, – предложила Шмакова.

– Шмакова дело предлагает! – закричал Попов. – А, ребя?..

У Попова Шмакова всегда предлагала «дело».

– Лохматый, ты ночуешь у меня, – сказал Рыжий.

– Везуха! – ответил Лохматый. – Не надо тащиться в лесничество.

Валька подскочил к проигрывателю и врубил его на полную мощность.

– Чтобы у Бессольцевых стекла звенели! – хохотнул он. – Хорошо веселимся!..

Шмакова схватила за руку Димку, и они начали танцевать. Шмакова крутилась, извивалась – танцы были ее стихия.

И вот тут открылась дверь, и... явился новый, совершенно неожиданный гость. В комнату ворвалась Ленка.

Но какая!.. Неузнаваемая!..

Вязаная шапочка натянута до бровей, куртка нараспашку, а под нею знаменитое обгорелое платье.

Но дело было не в том, как она одета, а в том, какое у нее было необыкновенное лицо, преображенное до неузнаваемости ее смелым поступком. Раньше лицо у нее бывало добрым, милым, отчаянным, жалким, а теперь оно было вдохновенно-решительным.

И всем сразу стало ясно, что она пришла к ним затем, чтобы сделать то, что хочет. И помешать ей никто не сможет.

Они все это поняли и замерли. Только что смеялись, хохотали, танцевали, а тут окаменели. Ждали, что же будет дальше.

А Ленка не торопилась.

– Братцы, чего же вы не танцуете? – спросила Ленка. – Давайте!.. Прыгайте!.. – Она начала танцевать, кривляясь и паясничая.

Но тут пластинка кончилась, музыка оборвалась, и наступила тишина.

– Жалко, не потанцевали. – Ленка посмотрела на ребят и впервые, встречаясь с ними взглядом, не дрогнула. Она почувствовала в своей душе давно забытый покой. – Какие вы все красивые!.. – Прошла по комнате, оглядывая каждого, как будто очень давно их не видела. – Не дети, а картинка!

Ленка остановилась посреди комнаты.

– А я – чучело! – Резко сдернула шапочку, открывая всему миру свою остриженную голову. – Чу-че-ло! – Ленка хлопнула себя по голове. – Хороший кочанчик! И рот до ушей, хоть завязочки пришей. Правда, Шмакова?

Ленка улыбалась, и уголки губ у нее поползли вверх, а она старалась их разодрать посильнее, чтобы они как-нибудь достали до ушей. При этом она крутила головой, чтобы всем было видно, какое она настоящее страшное чучело!

Все по-прежнему молчали. Можно сказать, что они только безмолвно ахнули.

Ленка же поначалу в горячке вообще забыла про Димку, а тут она увидела, какой он стоял бледный и испуганный.

«Вот уж его перекосило так перекосило», – подумала она, плавно приближаясь к нему, и сказала:

– Извините-простите!.. Забыла вас поздравить с днем рождения. Вот дурочка! Пришла, можно сказать, за этим и забыла.

Димка стоял в какой-то неестественной позе, повернувшись к Ленке боком, изо всех сил стараясь не встретиться с нею глазами.

– А ты почему, Сомов, от меня отворачиваешься? – Ленка хлопнула Димку по плечу. – Что же ты так дрожишь, бедненький?.. Похудел. Неужели страдаешь, что я оказалась предателем? А?.. Конечно тяжело. Ты такой смелый и честный, а дружил с нехорошей девочкой, с которой никому не следует дружить! Она – ябеда!.. Доносчик!.. Гадина-а-а! – Она подошла к Рыжему. – Твои слова, Рыженький!

– А я и не отказываюсь, – сказал Рыжий. – Мои слова.

– Придет время, Толик, – откажешься, – ответила Ленка.

Но на эти Ленкины слова Рыжий ничего не ответил. Да Ленка и не ждала от него ответа. Она уже устремилась дальше, к Мироновой, заглянула ей в глаза и сказала:

– Привет, Железная Кнопка!

Ей хотелось с каждым столкнуться, на каждом проверить свою храбрость.

– Привет, если не шутишь, – ответила Миронова. – А что дальше?

– Удивляюсь я тебе, – вздохнула Ленка, – вот что.

– Чему же ты удивляешься, если не секрет?

Миронова была не Рыжий – она не сдавала своих позиций.

– Тому, что ты такая правильная, а водишься с Валькой. А он – живодер. Ай-ай-ай!.. По рублю сдает собак на живодерню. Вот так борец за справедливость!

– Ну ты, полегче! – востепенился Валька.

– Что это ты плетешь про Вальку? – спросил с угрозой Лохматый.

– А что, разве ты, мордастенный, перестал с бедных собак сдирать шкуры? – Ленка дернула Вальку за галстук и повернулась к Лохматому: – Ну садани меня, чтобы я замолчала! Ну докажи, что сила – это самое главное в жизни!

– И саданет! Саданет! – закричал Валька. – Наговариваешь на меня! Трепло! – замахнулся он на Ленку.

– Ой, боюсь! – Ленка засмеялась, но не дрогнула и не отступила.

А Валька побоялся ее стукнуть. Всегда бил метко, а тут струхнул.

– Ну, до свидания!.. – Ленка помахала всем рукой. – Что-то мне стало с вами скучно. Радуйтесь... Вы же добились своего! Вы – победители!.. Завтра я уезжаю. Так что давайте хором – раз, два, три: «В нашем клас-се больше не-ту Чу-че-ла!..» Ну!.. Милые!.. Ну чего же вы языки проглотили?

Ленка сорвала у Шмаковой цветок с платья и приколотла себе на куртку. Медленно застегнулась. Натянула шапку до бровей, пряча свою стриженую голову. Помолчала. Потом серьезно и грустно сказала:

– Честно говоря, жалко мне вас. Бедные вы, бедные люди. – И ушла.

Исчезла, испарилась Ленка, будто ее здесь и не было. В комнате стояла жуткая, неправдоподобная тишина.

И вдруг Лохматый рванулся вперед и схватил Вальку за руку:

– Чего это Бессольцева про тебя тут плела?

– Да выдумала она все! – закричал, вырываясь, Валька. – Кому поверил? Змее?

– А это что? – Лохматый выдернул из Валькиного кармана поводок с ошейником. – А это что?! – Он потряс поводком перед носом насмерть перепуганного Вальки.

– Это?.. – Валька на всякий случай отступил под напором Лохматого. – Это?..

– Орудие живодера! Вот что это! – крикнул Рыжий.

Лохматый бросился к Вальке, а тот рванулся в сторону и заметался вокруг стола. Он бежал, швыряя под ноги Лохматому стулья, но еще не сдавался, а выкрикивал на ходу слова угрозы:

– Я Петьке скажу! У него дружки!.. Тебя скрутят! Можешь у своего отца спросить!.. Он тебе расскажет!..

– Лохматый, это они! – догадался Рыжий. – Ребята, это они!.. Значит, это Петькины дружки прострелили руку твоему отцу, когда он у них лося отбивал! Точно!..

– Так это вы! – взревел Лохматый и, сметая все на своем пути, бросился на Вальку.

Валька рванулся к двери, чтобы спастись бегством, но Рыжий подставил ему ножку – он упал, и Лохматый навалился на него.

Наконец Валька все же изловчился, вырвался, вскочил, чтобы бежать, но оказался... на поводке, на собственном поводке, на котором он водил собак на живодерню.

Ошейник плотным кольцом облегал Валькину шею, а конец поводка крепко держал в руке Лохматый, и лицо его было мрачным и беспощадным.

– Ты что?.. – Валька заплакал. – Ты что?.. Ребята, – взмолился он, – ребята! Лохматый меня удавит!..

– Выйдем отсюда, – сказал Лохматый и потянул поводок, не глядя на Вальку.

Валька больше всего боялся выйти куда-то с Лохматым, он упирался и лебезил, он хватал поводок и выкрикивал:

– Ребята, разве так можно? Ребята!.. Человек на поводке?!

Но никто не заступился за Вальку.

Тогда Валька взмолился.

– Лохматый, – умолял он, – я больше не буду! Это все Петька! Вот и Димку спроси!.. Он его знает, он скажет – Петька зверь!

– Кому говорят, выйдем! – Лохматый сильно потянул за поводок.

Валька не устоял. Он упал на колени и подполз к Мироновой:

– Миронова, что же ты молчишь? Заступись!.. Я больше не буду!

– Отпусти его, Лохматый, – сказала Миронова.

Лохматый помедлил секунду, а потом швырнул поводок Вальке в лицо.

– А ты встань! – брезгливо сказала Миронова Вальке. – Не ползай.

Валька вскочил и, снимая дрожащими руками ошейник, быстро проговорил:

– Ребята, все по закону... Собак беру бродячих...

– Уходи! – приказала Железная Кнопка. – Не годишься ты для нашего дела.

– Почему? – удивился Валька. – Разве я с вами не заодно? Разве я не гонял Чучело?

– Ты – заодно?.. – Железная Кнопка наступала на Вальку: – Ты, живодер, с нами заодно?!

Валька сложил поводок в карман, нахально ухмыльнулся и вышел из комнаты. Потом застучал в окно, крикнул притворно-ласковым голосом:

– Детишки, пора в кровати! – Захохотал и исчез.

Лохматый стоял, низко опустив голову, крепко сжав кулаки, которые ему всегда помогали, а сейчас почему-то не помогли. Все остальные подавленно молчали.

– Не ожидала я такого от Чучела, – нарушила наконец тишину Железная Кнопка. – Всем врезала. Не каждый из вас на это способен. Жалко, что она оказалась предателем, а то бы я с ней подружилась... А вы все – хлюпики. Сами не знаете, что хотите. Вот так, ребятки. Ну, привет.

– А как же пирожные? – остановил ее Димка. – Мы же еще чай не попили.

– Пирожные? Сейчас самое время...

– Точно, – подхватил Димка, хотя вид у него при этом был неуверенный.

– Кушайте на здоровье, а мне и без сладкого тошно. – И Миронова ушла, ни на кого не глядя.

– Миронова, подожди! – крикнул ей вслед Лохматый. – Я с тобой.

– Ты же ко мне собирался? – остановил его Рыжий.

– Передумал, – на ходу ответил Лохматый, – домой охота.

– Тогда и я с вами, – сказал Рыжий и бросился следом за Мироновой и Лохматым.

Хлопнула дверь – они ушли.

В комнате остались только сам новорожденный да Шмакова с Поповым.

– Может, зря мы с тобой никому... ничего?.. – тихо спросил Попов у Шмаковой. – А?..

– Ты про что? – насторожился Димка.

Шмакова улыбнулась – она предчувствовала близкую развязку всей этой затянувшейся истории и поняла, что наконец настал ее победный час.

– Мы с Поповым, – радостно пропела Шмакова, – представляешь, Димочка... – хитро скосила глаза на Димку – ей нравилось наблюдать за ним: он то бледнел, то краснел. – Мы тогда с Поповым... – Она засмеялась и многозначительно замолчала, продолжая что-то мурлыкать себе под нос.

– Что вы... с Поповым? – спросил Димка.

Шмакова не торопилась с ответом – ведь ее ответ должен был потрясти Димку, и так хотелось его помучить, чтобы разом отомстить за все. Настроение у нее было прекрасным – кажется, ее план полностью удался: Димка уничтожен, а следовательно, вновь завоеван и покорен. Теперь она из него будет вить веревки, сделает своим верным рабом вместо Попова. А то ей этот верзила порядком надоел – скучный какой-то и зануда.

– Так что же вы с Поповым? – переспросил Димка.

– Мы? – Шмакова засияла. Она не отрывала глаз от Димкиного лица. – Мы под партой сидели. Вот что!

Димка глупо улыбнулся и спросил:

– Когда сидели? – хотя все уже понял.

– Когда ты с Маргаритой так мило беседовал, – рассмеялась Шмакова.

– Под партой? – Димку бросило в жар. – Вы?.. Когда Маргарита?..

– Под партой... Мы... Когда Маргарита! – особенно восторженно пропела Шмакова.

Эта новость раздавила Димку. Острый страх и тоска сжали его бедное сердце – оно у него затрепетало, забилося, как у несчастного мышонка, попавшего в лапы беспощадной кошки. Что ему было делать? Что?! То ли заплакать на манер Вальки и броситься перед Шмаковой и Поповым на колени и просить пощады. То ли сбежать из дому, немедленно уехать куда-нибудь далеко-далеко, чтобы его никто и никогда не увидел из этих людей. И где-нибудь там зажить новой, достойной, храброй жизнью, о которой он всегда мечтал. У него и раньше мелькали подобные мысли. Но каждый раз они тут же обрывались, потому что он понимал, что ничего подобного сделать не сможет.

Димка представил на одно мгновение, что идет каким-то темным переулком в чужом городе. Холодно, пронзительный осенний ветер рвет на нем куртку, в лицо хлещет дождь... У него нет знакомых в этом городе, и никто его не позовет в дом, чтобы обогреть и накормить. Ему нестерпимо жалко стало себя...

– А почему же вы тогда молчали? – пролепетал Димка, как всегда в такие минуты до неузнаваемости меняясь в лице.

– А мы и дальше будем молчать, – ответила Шмакова. – Правда, Попик?

– Будем молчать?.. – Димка жалко улыбнулся, ничего не понимая, хотя уже на что-то надеясь.

– Ребя, надо все рассказать, – мрачно произнес Попов.

Шмакова взяла с тарелки пирожное и приказала Попову:

– Открой рот!

Попов послушно открыл рот.

Шмакова всунула ему в рот пирожное и сказала, отряхивая пальцы от крошек:

– Помолчи и прожуй, а то подавишься... Все так запуталось, что и не разберешь ничего. Если мы теперь откроемся, нас тоже по головке не погладят. Понимаешь, Попик? Так что мы теперь все трое одной веревочкой связаны. Должны крепко друг за дружку держаться. – Она подошла к проигрывателю и поставила пластинку. – Потанцуем, повеселимся в тесном кругу. Надо же догулять! Дни рождения бывают не каждый день. – Она улыбнулась Димке: – Димочка, дай мне мое любимое.

– «Корзиночку»? – заикаясь, спросил Димка, взял пирожное и торопливо отдал Шмаковой.

Попов шумно выдохнул:

– Все! – Он встал. – Ребя! Мочи моей больше нету! – И выбежал из комнаты, громя тяжелыми ботинками и натываясь по пути на опрокинутые стулья.

– Куда это он? – испугался Димка.

– Не бойсь. Он у меня верный человек. Видно, решил подышать свежим воздухом. – Шмакова откусила пирожное и пропела: – Пирожное – прелесть! Мать делала?

Димка понуро сел на диван.

Шмакова же, вполне довольная собой, своей окончательной победой над Димкой и Бессольцевой, упоенно танцевала, дожевывая «корзиночку» и таинственно улыбаясь.

Глава четырнадцатая

Николай Николаевич проснулся на рассвете, когда на горизонте уж появилась светло-серая полоска. Точнее, не проснулся, а встал, потому что не спал почти всю ночь.

Он умылся холодной водой, плеская ее большими пригоршнями в лицо, чтобы освежиться. Аккуратно побрился, автоматически надел свой костюм. Потом критически оглядел себя. Да, Ленка права! Какое же на нем все старое – совсем не смотрится. Надо бы переодеться.

Но так как его гардероб был скуден, то он вдруг решил надеть свою старую военную форму. Он достал ее из шкафа, вышел на балкончик, чтобы получше разглядеть. Форма оказалась в полном порядке. Он несколько раз встряхнул ее, почистил щеткой и не поленился пройтись по костюму утюгом.

Орденские планки, которые в три ряда украшали грудь кителя, ему не понравились – от времени они сильно потускнели и стерлись, и это было нехорошо. Он снял их и решил сегодня же купить новые.

Потом Николай Николаевич быстро переоделся; суровый и сосредоточенный, сел к столу и что-то долго писал и переписывал. Написанное сложил и спрятал в нагрудный карман.

Только после этого Николай Николаевич заглянул в комнату Ленки. Ее непривычная, стриженная и поэтому такая маленькая и беззащитная голова покойно лежала на белой подушке – она крепко спала.

Николай Николаевич посмотрел на часы: было уже восемь. Он решил, что Ленку будить не стоит, пусть поспит: катер уходит в одиннадцать.

Неужели он уедет отсюда, и неужели это все произойдет сегодня!.. Николай Николаевич вдруг заторопился, решительно накинул на плечи свое знаменитое пальто и, неслышно прикрыв двери, вышел из дома...

Через час старый дом Бессольцевых содрогался от сильного и тревожного стука, будто какой-то великан бил по нему огромной кувалдой.

Этот стук разбудил Ленку. Она рывком села на кровати; еще ничего не понимая, повернулась к окну и увидела, как чья-то рука приложила поперек ее окна доску. В комнате сразу стало меньше света. И снова раздался сильный, резко бьющий по голове стук.

Она поняла: дедушка заколачивал свой дом!

Происшествие, так поразившее Ленку, выбросило ее из кровати, и она, как была, в ночной рубашке, выскочила на улицу.

Ленка не почувствовала утреннего холода, пронзившего ее тело, и даже не ощутила, что босая ступает по мокрой осенней траве.

Она ничего этого не заметила, потому что глаза ее видели только Николая Николаевича, стоявшего к ней спиной на лестнице-стремянке и заколачивающего окна дома. Как замороженная следила Ленка за его неистовой рукой с топором, которая размеренно ходила туда-сюда и била наотмашь, вколачивая гвозди в старые бревна. Одна за другой доски неумолимо ложились поперек окон.

Ленка подняла голову вверх – все четыре ее любимых балкончика, которые выходили на четыре стороны света, были уже заколочены. Это особенно сильно ее опечалило.

– Дедушка, – крикнула Ленка, – что ты делаешь?

Николай Николаевич оглянулся, увидел испуганную стриженую Ленку в длинной белой рубашке, босую и какую-то легкую, летящую, в его возбужденном сознании мелькнуло: «Совсем как Машка!» – и крикнул ей:

– Еще гвоздей!

– Ты уезжаешь? Со мной? – спросила Ленка, не трогаясь с места. – Ты бросишь свой дом?!

– Кому говорят – еще гвоздей! – Он так повелительно крикнул, что ее как ветром сдуло. – И оденься! Сумасшедшая!

Когда Ленка одевалась, то у нее зуб на зуб не попадал. Нет, не от холода, а оттого, что дедушка решил все бросить и уехать с нею.

Решил бросить свой город!

Свой дом!!

Свои картины!!!

Ленка схватила ящик с гвоздями и поволокла его к дедушке. Николай Николаевич взял из ящика гвозди и заколотил два последних окна.

Дом Бессольцевых снова оглох и ослеп.

Николай Николаевич, тяжело ступая, слез со стремянки.

Ленка ткнулась ему в грудь и заревела.

Теперь, когда работа была закончена, он как-то протяжно вздохнул – он боялся, у него не будет сил взглянуть на свой заколоченный дом.

– Ну хватит! – сказал Николай Николаевич. – Что мы с тобой, как два дурачка, разревелись у всех на виду! Мы что, хороним кого-нибудь?.. Наоборот – мы живы! Мы живем на полную катушку! Мы совершим еще что-то замечательное!

Потом, наскоро позавтракав, отключили электричество и газ, перекрыли воду в садовой колонке и закрыли все двери на замки. Погрузили два чемодана и мешок яблок на садовую тележку. Сверху Николай Николаевич положил картину, аккуратно завернутую в старое полотенце, вышитое крестом еще бабушкой Колкиной, – это была их «Машка». И они пошли на пристань, подгоняемые внутренней тоской, которую оба старались скрыть друг от друга.

– Дедушка, – сказала Ленка, помогая Николаю Николаевичу везти тележку, – ты здорово придумал с «Машкой». – Она схватила картину: – Лучше я ее понесу. Повесим ее на самое видное место. И нам не будет скучно. Посмотрим на Машку и все картины вспомним. – Заглянула ему в глаза: – Правда, дедушка?..

– Правда, Елена! – ответил Николай Николаевич и чему-то рассмеялся.

– А чего ты смеешься? – не поняла Ленка. – Что радуешься?

– У меня для этого масса причин, – возбужденно ответил Николай Николаевич. – Сейчас сядем на катер, и я тебе их подробно изложу.

Вот тут-то они и услышали знакомые тревожные крики:

– Держи! Держи-и-и-и!

Следом раздался свист и улюлюканье погони.

Ленка привычно втянула голову в плечи.

Николай Николаевич заметил это и спросил:

– Ты что, опять испугалась? Забыла, какая ты храбрая?..

Ленка кивнула, прислушиваясь к приближающимся крикам.

– А ты не забывай, – строго сказал Николай Николаевич.

– Я стараюсь, – сказала Ленка.

Она приготовилась к встрече с несокрушимой Железной Кнопкой и ее дружками. А что, если они сейчас устроят ей «почетные проводы», будут кричать на нее «Чучело» на виду у всех пассажиров катера?.. Что тогда? Легкий озноб прошел по ее телу, но все же она собралась и твердо решила: если они это сделают, то она бросится драться. Она не отступит. Нет, не отступит!..

– Подержи, пожалуйста! – Ленка отдала Николаю Николаевичу сверток с картиной и медленно, как-то по-новому, откинув голову назад, пошла навстречу приближающимся крикам.

Но затем произошло нечто неожиданное – она увидела бежавшего Димку! А следом за ним, во главе с Мироновой и Лохматым, вылетел почти весь шестой класс – может быть, человек двадцать, – они гнали Димку! А она испугалась – вот смешно.

Димка бежал неловко, трусцой, как курица с подбитым крылом, прижимаясь к забору, чтобы его меньше было видно, и поминутно оглядывался назад с побелевшим от страха лицом. Зато у преследователей глаза горели яростным огнем, щеки пылали нервным румянцем людей, которые имели право на подлинный гнев.

Кто-то схватил Димку за руку, кто-то подставил ножку. Он упал, тут же вскочил, вырвался из цепких рук преследователей и побежал дальше, сверкая пятками.

Все шквалом пронеслись мимо Николая Николаевича и Ленки, не замечая их.

Они кричали:

– Держи его!..

– К школе! Гони к школе!..

– Попался, гад!..

Они исчезли так же быстро, как и появились.

– Дедушка, – одними губами произнесла Ленка, – значит, Димка все-таки сознался?

– Выходит, сознался, – ответил Николай Николаевич.

– А что теперь будет? – спросила Ленка, уставившись на Николая Николаевича испуганными глазами.

– Что будет? Теперь они из тебя сделают героя.

– Да?.. – Ленка откровенно засмеялась. – Что же мне делать?

– Ну, играй победу! – Николай Николаевич почему-то с грустью и удивлением посмотрел на Ленку. – Ну, торжествуй!

– Я сбегая, – сказала Ленка, – посмотрю...

– Не надо, Елена! – попросил Николай Николаевич. – Лежачего не бьют.

– Но я торжествую! – почему-то с вызовом крикнула Ленка. – Я играю победу!

– Елена, подожди! – попытался остановить ее Николай Николаевич.

Но Ленка не послушала его и бросилась следом за ребятами к школе.

Николай же Николаевич неловко потянул тележку и перевернул ее – чемоданы, мешок с яблоками и картина упали. Он быстро поднял тележку, сложил все обратно, откатил ее в сторону, взял картину и заспешил за Ленкой.

Ленка вбежала в класс, когда Димка под натиском ребят, спасаясь от них, взобрался на подоконник.

– Бей его! – заорал Валька и схватил Димку за ногу, чтобы стащить с подоконника.

– Не примазывайся! – с презрением оборвала его Железная Кнопка. – Не суйся к нам со своими грязными руками!

Лохматый саданул Вальку, и тот отскочил в сторону.

А ребята стали медленно наступать на Димку, как когда-то наступали на Ленку.

– Пустите меня! – крикнул он. – А то я... – он беспомощно оглянулся в поисках спасения, – выпрыгну в окно!

– Не выпрыгнешь! – сказала Миронова. – Ножку сломаешь, а это больно.

Димка загнанными глазами посмотрел на Железную Кнопку, весь как-то в отчаянии вытянулся и распахнул окно...

Все: «Ах!» – и отпрянули.

Вот в это время в класс и вбежала Ленка. Никто ее не видел, потому что они все стояли к ней спиной. Все их внимание было приковано к Димке.

– Слезь с окна! – тихо и спокойно произнесла Ленка.

Димка резко оглянулся, увидел Ленку... и спрыгнул с подоконника.

– Наша красавица пришла! – пропела Шмакова, хотя в ее голосе чувствовалась какая-то неуверенность.

Ребята веселой гурьбой окружили Ленку:

– Привет, Чучело!

– Здорово!

– Наше вам!..

– Оказывается, ты молодец, Бессольцева! – Лохматый хлопнул Ленку по плечу.

– Разрешите пожать вашу лапку, – паясничал, как всегда, Рыжий, пожимая Ленкину руку.

– Вот хорошо, что ты еще не уехала. – Сама Железная Кнопка, улыбаясь, приближалась к Ленке. – Что же ты нам сразу все не сказала?.. Впрочем, это твое личное дело.

А Димка тем временем сообразил, что все про него забыли, проскользнул по стенке за спинами ребят к двери, взялся за ее ручку, осторожно нажал, чтобы открыть без скрипа и сбежать... Ах, как ему хотелось исчезнуть именно сейчас, пока Ленка не уехала, а потом, когда она уедет, когда он не будет видеть ее осуждающих глаз, он что-нибудь придумает, обязательно придумает... В последний момент он оглянулся, столкнулся взглядом с Ленкой и замер.

Он стоял один у стены, опустил глаза.

– Посмотри на него! – сказала Железная Кнопка Ленке. Голос у нее задрожал от негодования. – Даже глаз не может поднять!

– Да, незавидная картинка, – сказал Васильев. – Облез малость.

Ленка медленно приближалась к Димке.

Железная Кнопка шла рядом с Ленкой, говорила ей:

– Я понимаю, тебе трудно... Ты ему верила... зато теперь увидела его истинное лицо!

Ленка подошла к Димке вплотную – стоило ей протянуть руку, и она дотронулась бы до его плеча.

– Садани его по роже! – крикнул Лохматый.

Димка резко повернулся к Ленке спиной.

– Я говорила, говорила! – Железная Кнопка была в восторге. Голос ее звучал победно. – Час расплаты никого не минует!.. Справедливость восторжествовала! Да здравствует справедливость! – Она вскочила на парту: – Ре-бя-та! Сомову – самый жестокий бойкот!

И все закричали:

– Бойкот! Сомову – бойкот!

Железная Кнопка подняла руку:

– Кто за бойкот?

И все ребята подняли за нею руки – целый лес рук витал над их головами. А многие так жаждали справедливости, что подняли сразу по две руки.

«Вот и все, – подумала Ленка, – вот Димка и дождался своего конца».

А ребята тянули руки, тянули, и окружили Димку, и оторвали его от стены, и вот-вот он должен был исчезнуть для Ленки в кольцо непроходимого леса рук, собственного ужаса и ее торжества и победы.

Все были за бойкот!

Только одна Ленка не подняла руки.

– А ты? – удивилась Железная Кнопка.

– А я – нет, – просто сказала Ленка и виновато, как прежде, улыбнулась.

– Ты его простила? – спросил потрясенный Васильев.

– Вот дурочка, – сказала Шмакова. – Он же тебя предал!

Ленка стояла у доски, прижавшись стриженным затылком к ее черной холодной поверхности. Ветер прошлого хлестал ее по лицу: «Чу-че-ло-о-о, пре-да-тель!.. Сжечь на костре-е-е-е!»

– Но почему, почему ты против?! – Железной Кнопке хотелось понять, что мешало этой Бессольцевой объявить Димке бойкот. – Именно ты – против. Тебя никогда нельзя понять... Объясни!

– Я была на костре, – ответила Ленка. – И по улице меня гоняли. А я никогда никого не буду гонять... И никогда никого не буду травить. Хоть убейте!

– Какая храбрая! – Шмакова зловеще хихикнула: – Одна против всех!

– Раз так, то и Чучелу бойкот! – заорал Валька. – Ату-у-у их! – Он свистнул. Но свист его погас, потому что никто его не поддержал.

В это время появилась веселая и нарядная Маргарита Ивановна.

– Это что еще за собрание? Вы что, звонка не слышали? – сказала она. – Живо по местам! У меня потрясающая новость... – Маргарита Ивановна заметила Ленку: – Ты еще не уехала? Это прекрасно! – Ее взгляд остановился на Ленкиной стриженной голове. – Ты что, заболела?..

– Она спалила волосы у костра, – сказал Васильев, – и остриглась.

– У костра? – переспросила Маргарита Ивановна. – У какого костра?

Но потрясающая новость, которую Маргарита Ивановна хотела всем сообщить, была в ней ключом, и она сразу забыла или, точнее, привыкла к тому, что Ленка острижена, потому что опалила волосы у какого-то костра.

– Ребята, ребята! Внимание!.. – Она постучала костяшками пальцев по столу, чтобы всех утихомирить. – Вни-ма-ние!.. Слушайте! – Голос Маргариты Ивановны звенел необыкновенно радостно: – Сейчас нам Лена Бессольцева расскажет потрясающую новость.

– Какую новость? – не поняла Ленка.

– Так ты ничего не знаешь? – удивилась Маргарита Ивановна. – Разве тебе дедушка ничего не сказал? Быть не может!.. Ну хорошо! Тогда я вам все скажу сама. – Она прошла между рядами, вернулась к учительскому столу. – Ребята! Я только что узнала, что всем нам хорошо известный Николай Николаевич Бессольцев, дедушка Лены, подарил городу свой дом и коллекцию картин, которую собирали многие поколения Бессольцевых и которая принадлежит кисти их предка, художника, жившего в девятнадцатом веке!.. Теперь у нас тоже будет свой городской музей!

– Музей?! – Ленка была потрясена.

– А сколько ему заплатили? – с любопытством спросил Валька.

– Я же объяснила – он это все подарил! – вновь радостно сказала Маргарита Ивановна.

– Даром? Все-все даром?..

– Конечно, – ответила Маргарита Ивановна. – Понимаете, какое это прекрасное начало для большого и благородного дела.

Валька растерялся. Смысл жизни терял для него основу. Он хотел заработать много-много денег, он считал это самым большим счастьем, потому что на деньги он купил бы себе автомашину, цветной телевизор, моторную лодку и зажил бы в собственное удовольствие. И вдруг кто-то, по доброй воле, отказывается от всех своих богатств. От дома, который стоит тысячи. От картин, которые, говорят, стоят «милльен».

И весь класс ахнул. Ребята, конечно, не понимали истинного значения картин, которые Николай Николаевич отдал городу, но знаменитый дом на холме они знали с самого детства. Он, хотя и был для них сказочным дворцом, про который они знали столько замечательных историй, существовал для них реально. И то, что теперь дом Бессольцевых принадлежит городу, произвело на них ошеломляющее впечатление. Они с восторгом и большим удивлением смотрели на Ленку, как на человека, имеющего отношение к чему-то им непонятному, но чудесному.

В классе было так тихо, так бесконечно тихо, что нерешительный стук в дверь прозвучал особенно отчетливо.

– Да-да, войдите! – сказала Маргарита Ивановна.

Дверь приоткрылась, и в проеме появилась фигура Николая Николаевича. В руке он держал что-то завернутое в полотенце. И весь класс, повинувшись какому-то новому, непонятному чувству, неслышно встал перед Николаем Николаевичем.

– Извините, – сказал он. – Я вынужден прервать вас... Лена, мы опаздываем на катер.

– Товарищ Бессольцев... Николай Николаевич! – Маргарита Ивановна схватила его за руку и втащила в класс. – Это вы?! Входите, пожалуйста.

– Мы уходим, уходим... – сказал Николай Николаевич. – Мы не будем вам мешать.

– Позвольте передать вам... – Маргарита Ивановна разволновалась, – наше восхищение... Вы такой человек! Такой человек!.. Я впервые в жизни встретила такого замечательного человека. Спасибо вам! Честное слово, я сейчас разревусь...

– Извините. – Николай Николаевич был крайне смущен.

«Значит, они уже все узнали, – подумал Николай Николаевич. – Значит, кто-то на хвосте уже разнес эту новость по всему городу». Ему стало радостно и грустно одновременно: ему так хотелось сообщить об этом Ленке самому.

Дело в том, что когда Николай Николаевич отдавал свое заявление по поводу дома и картин в райисполкоме, то там оказалась его старая знакомая, директор местной музыкальной школы. И она краем уха услышала, о чем он говорил, дождалась его в коридоре, подлетела к нему и спросила подчеркнуто вежливо и немного витиевато:

– Николай Николаевич, быть может, вы будете столь любезны, что разрешите не делать из вашего заявления тайны?..

Он кивнул, что вроде бы разрешает, потому что увидел, что она очень взволнована, и обрадовался этому. Однако в следующий момент подумал, что лучше ей этого не разрешать, но ее уже не было в коридоре, в одно мгновение она куда-то исчезла.

– Дедушка, ты из-за меня?! – спросила Ленка. – Все картины?! Как же ты будешь жить без них?..

– Не только из-за тебя, хотя и ты сыграла в этом не последнюю роль, – громко и свободно ответил Николай Николаевич. Он сделал непривычно широкий жест рукой и стал вдруг раскованным, легким, праздничным, красивым. – Это давнишняя моя мечта. Вчера она снова посетила меня. И вот...

Николай Николаевич замолчал и долго-долго молчал, так долго, что успел рассмотреть более пристально, чем всегда, лица ребят, которые сидели перед ним и с которыми у него были такие сложные отношения.

Но разве все это имело значение, когда он вышел на такой ясный и простой путь?

Николай Николаевич улыбнулся – нет, не им, а себе, своим мыслям, своей адской жизненной силе, которая билась у него в груди.

Он смотрел на их лица, стараясь заглянуть в глаза, и увидел, что во многих из них бьется пытливая мысль, а у некоторых безразличие, а у иных даже злость и непонимание. Но ведь есть такие, у которых бьется, бьется и пробивается пытливая мысль, и это будет всегда! И вдруг, мгновенно осененный, вдруг понявший, что это необходимо сделать, он поднял над головой картину, по-прежнему завернутую в полотенце, вышитое крестом, и сказал:

– Эта картина мне очень дорога. Тут изображена наша старинная согражданка. – Николай Николаевич строго посмотрел на Маргариту Ивановну. – Она была вашей предшественницей, учительницей русской словесности здесь, в городке... почти сто лет тому назад. – Он улыбнулся: – Не думайте, что это было так уж давно... Она всего лишь моя бабушка... – И добавил просто и тихо: – Эту картину я дарю вашей школе.

– Дедушка! – сказала Ленка в страхе и в немом преклонении перед поступком Николая Николаевича. – Де-душ-ка!

Нет, даже она не могла понять в эту секунду величие своего деда, Николая Николаевича Бессольцева.

– Идем! – Николай Николаевич крепко взял Ленку за руку. – Катер нас ждать не будет, хотя, может быть, мы с тобой и стали знаменитыми людьми.

– Я вас провожу, – вдруг объявила Маргарита Ивановна.

– Что вы, – возразил Николай Николаевич, – это лишнее.

Маргарита Ивановна смутилась и покраснела:

– Заодно провожу и мужа... Он у меня этим же катером уезжает.

И они все трое вышли из класса.

В последний раз мелькнула Ленкина стриженная голова, в последний раз Николай Николаевич сверкнул своими большими заплатками на рукавах пальто, и они исчезли, сопровождаемые полным безмолвием.

– На каких людей мы руку подняли! – нарушил тишину Васильев и тяжело вздохнул: – Э-э-эх!

– Все из-за Сомова! – Лохматый подлетел к Димке, крепко сжав кулаки.

– У-у-у, – понеслось со всех сторон, – Со-мо-о-ов!

Одни из них забыли, что они сами тоже гоняли Ленку. Другие забыли, что жили, как будто вся эта история их не касается. Третьи – что хотели заступиться за Ленку, да не успели... Каждый, конечно, чувствовал какую-то неловкость перед самим собой, перед другими, но в этом трудно признаваться, и все они дружно и единогласно обвиняли одного Сомова.

– Бойкот – Сомову! – крикнула Железная Кнопка. – Голосуем!

Но голосования снова не вышло, потому что в дверь просунулось жизнерадостное и возбужденное лицо Маргариты Ивановны:

– Директор мне разрешил. Я только туда и обратно. А вы здесь сидите тихо. – Она хотела уже исчезнуть, но почему-то спросила: – Да, что это вы кричали про бойкот? Опять?.. Кому? За что?

– Вашему Сомову! Вот кому! – Миронова впервые за все время этой борьбы побледнела от волнения. – Он дважды предатель!

– Сомов – предатель?.. – Маргарита Ивановна по-прежнему стояла в дверях. – Ничего не понимаю.

– Он рассказывал вам, что мы сбежали в кино? – спросила Миронова.

– Ну, рассказывал. – Маргарита Ивановна улыбнулась. Она подумала про то, что они совсем еще дети, играют в каких-то предателей.

– А мы-то думали, что это сделала Бессольцева!

– Гоняли ее, били! Смеялись над ней, – сказал Васильев. – А Сомов молчал.

– И вы молчали, Маргарита Ивановна, – вдруг тихо, но внятно и беспощадно произнесла Миронова.

– Я молчала?.. – Маргарита Ивановна испуганно посмотрела на Миронову и вошла в класс, прикрыв двери. – Я думала, Сомов вам все рассказал... – Она посмотрела на Димку: – Как же так вышло, Сомов?..

Димка ей ничего не ответил и не поднял головы.

– Ждите, Сомов вам ответит, – сказал Васильев.

– Маргарита Ивановна, катер уйдет! – крикнул Валька. – И муж ваш тютю!

– Катер?.. – спохватилась Маргарита Ивановна. – Подождите! Я быстро, я сейчас... – Она хотела уйти, но почему-то не ушла. – Давайте спокойно разберемся!.. Значит, Сомов все скрыл? Но при чем тут Бессольцева?..

– Потому что она взяла всю вину на себя, – объяснила Миронова. – Она хотела помочь Сомову... А он ее предал!

– Вот почему она меня так ждала! – в ужасе догадалась Маргарита Ивановна. – Она думала, что я вам все расскажу, а я забыла... Все забыла.

Маргарита Ивановна вдруг поняла, что произошла чудовищная история, что Лена Бессольцева рассчитывала на ее помощь. А она все-все забыла. Это открытие настолько ее потрясло, что она на какое-то время совершенно забыла о ребятах, которые кричали и шумели по поводу Димки Сомова. Собственное ничтожество – вот что занимало ее воображение...

– Так кто за бойкот? – Миронова в который раз подняла вверх руку.

– Лично я отваливаю, – неожиданно сказал Рыжий. – Сомова презираю... Когда Попов вчера рассказал нам про Ленку, меня чуть кондрашка не хватил. Но объявлять ему бойкот

теперь я не буду... Раз Ленка против, то и я против. Я всегда был как все. Все били – я бил. Потому что я Рыжий и боялся выделиться. – Он почти кричал или почти плакал: голос у него все время срывался. – А теперь – точка! Хоть с утра до ночи орите: «Рыжий!» – я все буду делать по-своему, как считаю нужным. – И впервые, может быть, за всю свою жизнь освобожденно вздохнул.

Маргарита Ивановна мельком, незаметно взглянула на часы: до отправления катера оставалось десять минут. Она подумала, что ей надо немедленно бежать. Муж будет ее ждать, волноваться, что-нибудь сочинит невероятное – вроде того, что она его разлюбила... А она не могла, не могла уйти!..

– Как же ты все скрыл?.. – неожиданно чужим высоким голосом спросила у Димки Маргарита Ивановна. – Как?! – Она в гневе схватила его за плечи и сильно встряхнула: – Отвечай! Тебе не удастся отмолчаться. Придется все рассказать!

– А что, я один молчал?.. – вырвалось у Димки. – Вон Шмакова и Попов тоже все знали. Весь класс в один голос выдохнул:

– Как?! И Шмакова?!

– Ребя... – признался Попов. – Она тоже. Мы вместе с ней под партией сидели.

– И ты молчал? – спросила Миронова у Попова. – Из-за Шмаковой?

– Из-за меня. – Шмакова улыбнулась.

– А другой человек в это время страдал и мучился, – сказал Рыжий.

– А мне было интересно, – ответила Шмакова, – когда же Димочка сознается... А он юлил, вилял! – Она повернулась к Димке: – А мы с Поповым, между прочим, Димочка, никого не предавали.

Лохматый подскочил к Шмаковой и замахнулся:

– Ух, Шмакова!

Попов бросился на Лохматого и схватил его за руку:

– Поосторожней! – И сказал громко, чтобы все слышали: – Ребя! Она добрая!

– Какая она добрая! – Лохматый оттолкнул Попова, но почему-то не стал с ним драться. – Ты взглядишь в нее, олух!

– Ну, не добрая я! – зло сказала Шмакова. – На добрых воду возят.

– Она наговаривает на себя, – сказал Попов.

– Не нуждаюсь я в твоей защите, Попов, – сказала Шмакова. – И сидеть я с тобой не хочу. – Она взяла свой портфель. – И вообще я люблю перемену мест, – почти весело, с вызовом пропела она своим обычным голосом. – Сяду я к бедному Димочке, а то его все бросили. – И она села на Ленкино место.

Попов пошел за нею следом, будто он был привязан к ней невидимой веревочкой: куда она, туда и его веревочка тащила. Он дошел до сомовской парты и остановился. Не знал, что делать дальше. Молча стоял над Шмаковой.

– А я хотел быть сильным, – сказал Лохматый и посмотрел на свой кулак. – Думал, останусь в лесу, как отец. И будут меня все бояться. Все Вальки... И все Петьки... Вот и порядок настанет. – Он ткнул себя в лицо кулаком. – Хорошо бы себе морду набить...

– Ребя! – вдруг закричал Попов. – Что же это такое происходит?.. Шмакова к Сомову села, а он – предатель!..

– Верно, – сказала Миронова. – Бойкот предателю! – Она подняла руку: – Голосую... Кто «за»?..

Никто не последовал ее примеру.

Только Попов поднял руку, подержал, уронил и медленно вернулся на свое место.

– Эх, вы! – Железная Кнопка с презрением посмотрела на класс. – Ну тогда я одна объявляю Сомову бойкот. Самый беспощадный! Вы слышите? Я вам покажу, как надо бороться

до конца! Никто никогда не уйдет от расплаты!.. Она каждого настигнет, как Сомова! – Голос у Мироновой сорвался, и она заплакала.

– Железная Кнопка плачет! – сказала Шмакова. – Где-то произошло землетрясение.

– Все из-за нее! Из-за нее! – твердила Миронова, вытирая слезы. – Из-за матери моей...

Она считает, что каждый может жить как хочет... и делать что хочет... И ничего ни с кого не спросится. Лишь бы все было шито-крыто!.. И вы такие же! Все! Все! Такие же!..

– Каждый свою выгоду ищет! – радостно крикнул Валька. – Что, неправда?

– А Бессольцевы? – спросил Васильев.

– Бессольцевы!.. – Валька презрительно ухмыльнулся: – Так они же чудики, а мы обыкновенные.

– Это ты обыкновенный?! Или я?.. А может, скажешь, Сомов тоже обыкновенный?.. Мы детки из клетки, – мрачно сказал Рыжий. – Вот кто мы! Нас надо в зверинце показывать... За деньги.

Маргарита Ивановна молча слушала ребят. Но чем она больше их слушала, тем ужаснее себя чувствовала – какой же она оказалась глупой, мелкой эгоисткой. Все-все забыла из-за собственного счастья.

Она подошла к Мироновой и положила руку на ее вздрагивающее плечо.

Миронова рывком сбросила руку и жестко сказала:

– А вам... лучше уйти!.. А то мужа прозеваете.

– Не надо так, – сказала Маргарита Ивановна.

А сама подумала – поделом ей. Что заслужила, то и получила, хотя сама себя тут же поймала на мысли, что она внутренне старается как-то себя оправдать.

На реке раздалась сирена отъезжающего катера. Сирена долетела до класса и несколько секунд вибрировала низким хриплым гудком.

– Сигнал! – Маргарита Ивановна подошла к окну: – Катер ушел.

Все до единого бросились к окнам.

Только Сомов не шелохнулся.

Они стояли у окна, надеясь в последний раз увидеть катер, на котором уезжала Ленка Бессольцева – чучело огородное, – которая так перевернула их жизнь.

Рыжий отошел от окна, взял оставленную Николаем Николаевичем картину, развернул полотенце, и вдруг его лицо невероятно преобразилось, и он яростно закричал:

– Она!.. Она!..

Все невольно оглянулись на него:

– Где?..

– Кто она?..

– Она... Ленка! – Рыжий показал на картину.

– Как две капли, – прошептал Лохматый и заорал: – Чучело!

– Врешь! – сказал Васильев. – Бессольцева!

Да, Машка была очень похожа на Ленку: голова на тонкой шейке, ранний весенний цветок. Вся незащищенная, но какая-то светлая и открытая.

Все молча смотрели на картину.

И тоска, такая отчаянная тоска по человеческой чистоте, по бескорыстной храбрости и благородству все сильнее и сильнее захватывала их сердца и требовала выхода. Потому что терпеть больше не было сил.

Рыжий вдруг встал, подошел к доске и крупными печатными неровными буквами, спешащими в разные стороны, написал:

Чучело, прости нас!

Игра мотыльков

Галине Алексеевне Арбузовой

Первая часть

1

Город накрыт густым слоем дыма. Его можно резать ножом, как студень. Он лежит серой пленкой на снегу, оседает на окнах, проникает в легкие, всасывается вместе с кровью в мозг. Необъяснимое чувство тревоги и тоски постепенно охватывает каждого, кто попадает сюда впервые.

Но все же люди тут рождаются, живут, хотя и умирают раньше срока.

2

Ну что можно рассказать о Зойкиной любви, то есть о моей? Славная была любовь, с другой стороны – совсем нелегкая. Это теперь она мне такой кажется, а тогда я чуть концы не отдала. Меня учили: вырастешь, смеяться над собой будешь, вот дурочка, как мучилась и страдала. И из-за чего?! А я выросла, а не смеюсь.

Глазастая говорила: «Ты не вовремя родилась, тебе бы в девятнадцатый, там умирали от любви, стрелялись на дуэлях, – и все это уважали». А я так скажу: все мы родились не вовремя.

Эти мои придурочные записки для ныне живущих компьютерных обормотиков, тем, которым двенадцать или четырнадцать, а может, и вовсе восемь или девять, чтобы они похотали над нами. С тех пор прошло много времени, поэтому иногда мои рассказы начинаются словами: «В ту пору», чтобы умные обормотики не перепутали их со своим славным временем.

3

Значит, в ту пору... Стою. Жду. Перед глазами дверь, из которой должен выйти Костя. Я – чокнутая. Это точно. Могу его ждать и час, и два, и десять. Мне бы только знать, что я не зря жду, что увижу его.

А когда увижу – балдею. Улыбаюсь. У меня просветление, когда он передо мной. Лизок, его мамаша, говорит, что я недоделанная, потому что росла без матери. Однажды вечером, когда я была годовалая, мама моя ушла в магазин и не вернулась. Степаных в милицию, в больницу. Нигде ее не было. Потом объявилась с одним алкашом и исчезла навсегда. Так что я полуброшенная, росла без материнской ласки. Лизок меня наставляет, хочет изменить мою недоделанную натуру. Ей не нравится, что я каждому встречному-поперечному бросаюсь помогать и меня поэтому часто обманывают. Ну что, говорит, у тебя происходит в голове? А я не знаю, что происходит, ничего не происходит, просто живу.

В пять лет Лизок привела меня на его концерт. Он был в белой рубашке с большим красным бантом на груди и в синих коротких штанах. Волосы в кудряшках. Правая коленка разбита и заклеена пластырем. Стоял впереди хора и пел. Голос высокий-высокий. Меня как молниейшибануло. А когда он кончил петь, Лизок говорит: пошли. А я сижу, вцепилась в кресло: а вдруг он еще будет петь?..

Клево смотреть на Костю, когда он играет. Из сакса вырываются то стон, то плач, то хохот. Сам он краснеет, на лбу и на висках выступают канатики. А я сижу и боюсь пошевелиться, а то он может меня выгнать.

Жду около музыкалки. Каждый раз, когда хлопает дверь училища, вздрагиваю: ну, думаю, он! А его все нет и нет. Стою, дрожу, зуб на зуб не попадает. Я голодная, не ела со вчерашнего дня. Утром не успела, боялась его прозевать, идти с ним в школу такая радость.

Днем в школе буфет был закрыт по причине отсутствия продуктов. В ту пору у нас со жратвой было плохо. Нельзя было на ходу, например, купить сосиску. Сосиска была товар дефицитный, из-за него иногда дело доходило до драки. В очереди кричат, бывало: «В одни руки больше полкило не давать!» Обхохочешься, хоть стой, хоть падай.

Все отвалили по домам, чтобы пообедать. Одна я сразу рванула сюда. Ветерок тянет от химзавода. Горьковато-приторный. От него противно во рту. Плюнула. Стало лучше, но потом вздыхаю, и снова во рту горечь.

Подваливают наши – Каланча, Ромашка и Глазастая. Последняя тащится с Джимми. Овчарка. Кого хочешь сожрет в одну минуту. Так обучена. Ее Глазастая натаскала. Она говорит про себя: «Я жесткая, без соплей». И собаку такой сделала.

Мы из одного класса. Раньше жили каждый сам по себе, а теперь мы вместе.

Девчонки уже переоделись в нашу форму. Смотрю на них, любуюсь – форма у нас классная: синие дутики, джинсы, черные шарфики обмотаны вокруг шеи, а длинные концы болтаются до колен, на правой руке позвякивают железные браслеты, Степаныч выточил. На рукаве черная повязка, в центре Костин портрет. Полный отпад. Глазастая хотела, чтобы и Костя надел нашу форму, но он и не подумал. Конечно, между нами большая дистанция: мы обыкновенные, а он певец – суперзвезда. Его каждый чувак в городе знает.

Глазастая – сильная личность: губы склеены наглухо, глаза холодные, режут как бритва. На мир смотрит с величайшим презрением. В этом ее сила и власть над всей командой. Мы боимся ее, она может и вмазать. Словом пока уговоришь, а тут сразу – трах! – и порядок.

Ромашка – та пожиже. Пухленький хорошунчик. Подходит ко мне, пританцовывая, подпевает с хитрой улыбочкой: «„Я, Ромашка, нетронутый цве-то-о-ок-к-к...“ Не окоченела на посту?» – Любит посмеяться надо мной, не упустит случая. В ответ я хотела ее срезать, но не нашлась и говорю: «Мне что? Мне – ничего». Ромашка хохочет.

Каланча помалкивает. Она всегда молчит, только не как Глазастая. Она угрюмая. Тоже вроде меня, полуброшенная. У нее прочерк – без папаши явилась на свет. Теперь она навёрстывает. Когда мы кого-нибудь бьем, не жалеет и норовит вмазать под дых, да еще ногой. Хвастается – ноги длиннее рук. Раньше она проходила под кличкой Немая. Стеснялась, что каланча, поэтому складывалась пополам. Ходила всегда в старой заштопанной форме, в чулках в резинку. Ее мамаша парикмахер. Ходячий скелет, злющая, орет матерными словами – затюкала Каланчу.

Между прочим, у Кости тоже имеется прозвище. Не какое-нибудь, а стоящее. Его зовут Самурай! Сила, ахнешь-закачаешься. А все получается случайно. У него волосы длинные, до плеч. На репетиции он заплетает их в косичку, чтобы было удобнее, а кто-то из группы говорит: «Ну, ты как самурай». А мы с девчонками сидим в зале, таимся. И у меня вдруг вырывается: «Даешь, Са-му-рай!» Девчонки шипят, ругаются: балда блаженная, нас выгонят.

А Костя ничего, смеется, и нас никто не трогает. Он и вправду похож на японца: смуглолицый, волосы черные, прямые, словно утюгом выглаженные. Тетя Лиза после этого шьет ему белые шаровары и полотняную рубаху, а я «увожу» из школьного буфета, под прикрытием команды, длинный секач, папаша на заводе отбивает его с двух сторон, и выходит короткий меч. Стоящая штучка. И вот Костя выскакивает на концерте в школе в этом костюме, в белой повязке на лбу и с моим мечом на поясе. Полный отпад! Все воят от восторга. Учителя, как всегда, возмущаются. А он поет: «Мы пришли в этот мир, чтобы танцевать». Песенка кле-

вая. Она про мальчишку, который танцует весь день, с утра до ночи, учит уроки, танцуя, обедает, танцуя, в троллейбусе тоже танцует, и все смотрят на него как на оглашенного... Когда он замолкает, все ребята в зале кричат и прыгают, а он выхватывает меч и размахивает им над головой. Школа вопит: «Са-му-рай!» Я тоже воплю вместе со всеми. Никогда не забуду этот счастливый денек. Воплю громче всех, до хрипоты. Никак не могу остановиться. Топаю ногами. Бегу поближе к нему. Кто-то толкается – падаю, вскакиваю, хохочу. Влетаю вместе со всеми на сцену, окружаем его, а он носится в нашем кольце. Меня он не отличает от других – ну и что?! Зато он сразу для меня из обыкновенного Кости превращается в великого Самурая!.. Ух, я рада! Ну, клево! Ну, порядок и балдеж!

Тут, между прочим, на моем горизонте объявляется Глазастая. Раньше она со мной ни разу не разговаривала. Зачем я ей, она – умная, красивая, самая богатая. Шмотки у нее – отпад. Я ее боюсь. Когда пыхчу у доски, наблюдает за мной. Чувствую, презирает – за тупость. А тут говорит: «Послушай, после школы двинем вместе, если не возражаешь». Конечно, балдею от неожиданности, пугаюсь, кручу головой, ищу, с кем она разговаривает?..

– Да не крутись ты, – говорит, – я к тебе обращаюсь. И улыбочку свою дурацкую смой. Отвыкать пора.

После уроков выхожу, вижу, стоят три птички: Глазастая, Ромашка и Каланча. Неожданная компания. А мне надо его дожидаться. Теряясь, плетусь к ним, от напряжения краснею, не знаю, что сказать.

– Ну, двинули? – спрашивает Глазастая.

– Надо... подождать, – выдавливаю. – Зотиков забыл ключи от дома. – Показываю ключи. – Теть Лиза велела передать.

– Не волнуйся ты! – говорит Глазастая. – Вместе подождем.

И все начинается! Глазастая придумывает: мы фанатки Самурая. Его команда. Законно! Сначала, правда, случается еще кое-что.

Накануне приходит «классная мымра» – Владилена Мэлоровна.

Это так странно зовут нашу «мымру». Я сначала долго думала, что это за имя. А потом узнала: «Владилена» – это Владимир Ленин, а «Мэлор» – Маркс, Энгельс, Ленин, Октябрьская революция. Обхохочешься. Ну, конечно, она, как всегда, волосок к волоску, губы подмазаны, ногти покрашены, костюмчик отглажен, глазки сияют, длинный розовый нос блестит. Он у нее всегда блестит и торчит на лице, как чужой. Ромашка говорит, из-за этого носа она замуж не может выйти, потому что с таким «рулем» целоваться неудобно, не свернешь же его, как кран, на сторону. Ромашка придумает – обхохочешься. «Мымра» на нас срывает злость, что остается в девах, но всегда с улыбочкой. Растягивает губы, оглядывает всех с прицелом. Сажу тихо, опускаю глаза, знаю ее повадку: выхватит к доске и начнет измываться. Унижает нарочно. Смирнова, скажет, у меня к тебе вопрос, и спрашивает что-нибудь на засыпку. Я, конечно, молчу. Может, я это делаю по-дурацки, глазами вращаю от ужаса или щеки надуваю, но все хохочут. Вроде я клоун в цирке. Но сейчас она меня не вызывает, а вытаскивает из классного журнала листок, на котором что-то напечатано.

– Тише, – громко говорит. – Слушайте... Читаю решение педсовета. Оно имеет отношение к некоторым... – Снова улыбается.

Потом читает, не торопясь, медленно, четко выговаривает имена кандидатов на отчисление из школы. Ну, в общем, называет тех, кого после восьмого выкидывают, не пропускают в девятый. И я там, и Ромашка, и Каланча. Ну, галдеж подымается обалденный! А на меня ржа нападает – мне начхать, пойду в училище. А Ромашка как бешеная. Что-то кричит «мымре» в лицо, стучит кулаком по парте, губы от злости белеют. Оттаскиваю ее от «мымры».

– Ты заметила, – говорит, – что «мымра» улыбалась, когда читала. Рада, что нас вышибают! Ей приятно. Ну стерва, она схлопочет. Цирк ей устрою, закачается!

– Да ладно, – говорю, – начхать! Не обращай внимания.

А в классе на первой перемене уже начинается драчка. Те, кто остается, сразу объединяются и тюкают нас. Смеются, тыкают в нас пальцами, один умник подходит ко мне, закатывает глаза, блеет: «Бараны-ы-ы!» Ромашка сшибает этого умника с ног, колотит его по голове, разбивает в кровь нос, кричит: «Я из тебя такого барана сработаю, забудешь свое имя!» Страшно, что она его убьет, волоку ее, она расходится, лепит мне пощечину! Треск! Чуть не падаю, хватаюсь за щеку – больно. Все ждут, думают, брошусь на Ромашку. А я смотрю на ее бешеное лицо, хочу ей ответить, но почему-то раздумываю.

Потом Ромашка берется за «мымру». Организует «цирк». Вытаскивает на уроке яблоко, тоненькой лентой чистит его перочинным ножом. Смотрю на «мымру». Вижу, у той бровки лезут на лоб. Вот-вот грянет скандал. Толкаю Ромашку в бок – не лезь на рожон. Никакого внимания. Улыбается, врубает белые острые зубки в яблоко, показывает, что ей вкусно.

– Что ты делаешь, Вяткина? – как бы ласково спрашивает «мымра», хотя шипение тоже слышно, она всегда готова ужалить.

Останавливается около нас, дрожит от злости.

– Понимаете, Владилена Мэлоровна, у меня режим дня... медицинский. – Смотрит на часы. – Я всегда в это время... – Ромашка снова откусывает, – грызу яблоко.

Кто-то нерешительно хихикает, «мымру» боятся.

– Ты что, мышь? – «Мымра» острит, пытается из последних сил спасти положение.

– Нет, крыса, – ухмыляется Ромашка, ее свекольные щеки белеют от напряжения. И доводит «мымру» до упора: – Могу и укусить.

– Какая все-таки наглость! – «Мымра» звереет, крепко сжимает ладони рук и хрустит пальцами. – Ну-ка, вон из класса!

Ромашка лениво встает и выходит, улыбаясь всем и раскланиваясь направо и налево, она же на арене цирка.

Вообще-то я «мымру» не люблю, но сейчас ее жалко. Она срывается законно – улыбаюсь ей, чтобы поддержать.

– А ты что улыбаешься? – вдруг кричит «мымра». – А ну, тоже вон! – Слышу, как она бормочет себе под нос: – Ублюдки!

С тех пор на каждом уроке «мымры» Ромашка вытаскивает яблоко, чистит и съедает. Три раза «мымра» ее выгоняет, на четвертый делает вид, что Ромашки больше не существует.

Теперь Ромашку все уважают – «мымру» одолела.

А Каланча, та совсем сходит с рельс. Исчезает. Как будто ее нет и никогда не было. Никто про нее не вспоминает. Я почему-то ночью просыпаюсь и вдруг думаю, куда пропала Каланча?.. Захожу к ней после школы. Ну дыра. Домишко маленький, кособокий, прячется за большим. С улицы его не видно. Внутри потолки держатся на столбах. Иду между ними, как в лесу среди деревьев. В их комнату путь пролегает через общую кухню, по дороге чуть ногу не ломаю – в полу дырка. Вваливаюсь. Каланча лежит на диване, смотрит телик. Она какая-то другая.

– Ты куда пропала? – говорю. – Болеешь?

– Нет. – Каланча встает, вытаскивает из-под дивана сигарету. Она спрятала ее при моем появлении. Дымит. – А чего мне у вас делать? Я эту вашу школу в гробу видела, я бы ее взорвала, если бы могла. – Смеется. В школе я никогда не видела, чтобы она смеялась. – Я гуляю. В кино хожу. Я «Кинг-Конга» уже пять раз посмотрела.

Теперь я поняла, почему она мне кажется странной: у нее губы под помадой.

– На какие? – говорю, чтобы поймать ее, а то вешает мне лапшу на уши.

Она молча вытаскивает десятку, показывает.

– Где взяла?

– Заработала. – Понимает, что я ей не верю, рассказывает: – В универмаге выносят ковровую дорожку, и сразу выстраивается очередь. А мне делать нечего, я тоже пристраиваюсь. Стою. Треплюсь. Интересно. Каждый про себя что хочешь рассказывает.

– А ты чего? – спрашиваю.

– А я?.. – Вижу, Каланча краснеет.

– Ну, чего, чего, Каланча? – пристаю.

– Говорю, что в десятом... Отличница... – Прыскает, давится от хохота. – Первая в классе. Все меня уважают.

На меня тоже нападает. Ржем. Я падаю к ней на диван. Мы скатываемся на пол. Того и гляди, этот трухлявый домишко рухнет. Потихоньку успокаиваемся. Каланча дает мне сигарету. Я не курю, но виду не подаю. Дымим. У меня в горле першит, и я кашляю.

– Слушай, – говорит Каланча, – не порть товар.

Отнимает у меня сигарету, слюнявит пальцы, гасит ее и подсовывает под диван.

– Ну а дальше что было? – спрашиваю.

– Дальше?.. Вдруг продавщица кричит: за дорожками больше не занимать – кончаются. Тут разные тетki переходят на крик: возмущаются, советскую власть полощут. На меня ржа нападает, как сейчас. А одна такая толстенная, как шарахнет: «Ты что хохочешь, дуреха, над старым человеком?.. Оборотка несчастная». А я ей: «Что вы, тетенька, можете встать вместо меня, я просто так занимала...» Она стала меня благодарить и пять рублей сует. Беру... На следующий день я четыре очереди на дефицит занимаю и продаю каждую за трояк. Говорю, я приезжая, деньги потеряла. На билет собираю. Ну, они клюют. Доверчивые. Один дяденька меня жалеет, десятку кидает. Потом цепляется ко мне, расспрашивает – кто я да что, сколько мне лет, с кем живу. Я прикидываюсь малолеткой, мол, ничего не секу.

– Ну, ты сила. Ловка, – говорю. – Я бы ни в жизнь не смогла.

– А что?.. Подумаешь. – Каланча радуется.

Вам радости Каланчи не понять, вы, оборотки, живете кум королю и не знаете, что мы в ту пору жили в эпоху сплошного дефицита.

4

Вот тогда Глазастая и сколотила под Самурая команду – ее как осенило. Она выбрала Ромашку и Каланчу не случайно, хотела возродить в них дух сопротивления, наперекор всем! Зойку она бы не позвала, считала ее подлизой и подпевалой учителей и отличников. Она смертельно ненавидела их за двойную жизнь – говорят одно, а делают противоположное. А Зойка им всегда поддакивала, всем улыбалась, каждому старалась угодить. Не любила Глазастая таких. Но для осуществления ее идеи Зойка была ей необходима. Она ведь жила с Самураем на одной лестничной площадке, их часто видели вместе.

Команда – это было настоящее дело. Они сразу выбились из массы класса, из его серости и скуки.

Теперь у них был свой мир, своя задача в этом мире. Глазастая чувствовала, они теперь были не как все – у них есть свой идол с таким странным и завораживающим прозвищем – Самурай. Она сказала девчонкам: Самурай – наш идол. Зойка и Каланча не знали, что это такое. Глазастая им объяснила.

Он пел для них и про них, его песни были понятны и близки им – они входили в их сердца. Команда чувствовала себя сильной, счастливой, и, главное, они были не одиноки, были все вместе, вчетвером.

Первое время в школе над ними смеялись, нашли, мол, себе занятие, влюбились в одного, кошки и психопатки. Но это только неожиданно расширило поле их совместной деятельности. Они стали бить тех, кто над ними смеялся, девчонок и даже парней, не разбираясь, близкие ли это друзья или далекие знакомые – всех под одну гребенку, кто против них. Налетали дикой сворой и били, чтобы знали наших. «Мы отстаиваем свободу личности, – говорила Глазастая. – Каждый живет как хочет».

И они отстояли.

Правда, вначале, когда команда только создавалась, она чуть сразу не развалилась. Глазастая придумала униформу, и тут обнаружилось, что у Каланчи нет ни джинсов, ни дутика и даже не из чего скроить черную шелковую «удавку» – шарфик. Тогда Ромашка сказала Каланче: «Ну что у тебя за родительница, не может купить фирму. Я бы такой дала отставку».

– А где ей взять, – огрызнулась Каланча и вспыхнула от обиды. Краска стыда залила ей лицо, шею, уши. Она тупо уставилась в пол, боясь прочесть в глазах подружек презрение.

– А чаевые? – не отставала Ромашка. – Скажешь, не берет?

– Взяла бы... Да кто дает, а кто и нет, – с трудом выдавила Каланча, по-прежнему не поднимая глаз.

Они сидели, прохлаждались у Ромашки дома. Попивали из бокалов какое-то вино, которое Ромашка увела у родителей, покуривали, жевали резинку.

– Тогда знаешь что, Каланча? – Ромашка покровительственно похлопала Каланчу по спине. – Катись-ка ты, подруга, на все четыре стороны.

– Ты что?! – возмутилась Зойка. – Девчонки, вы что?

– А что нам с нею цацкаться, – уже с вызовом ответила Ромашка. Ее пухленькие нежные щеки чуть побледнели, а глаза стали злыми и колючими. – Не соответствуешь – отвали!

Каланча и так была скована непривычной обстановкой: отдельной квартирой, красивой мебелью, коврами и чистотой, а тут ее еще выгоняли при всех. «Ну, Ромашка, сволочь, – промелькнуло у нее в голове, – сейчас бы шарахнуть всю эту квартирку, раскрошить в щепу!» Но, конечно, на это ее не хватило – предательские слезы заволокли глаза, и она опрометью бросилась в прихожую.

Глазастая вдруг ожила и крикнула:

– Подожди, Каланча! – Нагнала ее, обняла за плечи, усадила обратно на диван. – Меня это лично не колышет – есть деньги на фирму или нет. И родители не колышут, ну их к богу в рай. У них своя жизнь, а у нас своя.

Каланча обмякла под рукой Глазастой, шмыгала носом, старалась сдержать слезы.

– А форма? – не сдавалась Ромашка.

– Я дам Каланче джинсы, – сказала Глазастая. – На кой мне две пары.

– Ой, какая добрая! Коммунистка, – паясничала Ромашка. – А мне что ты отстегнешь?

– Тебе, Ромашка, я отстегну... один совет, – нехотя процедила Глазастая. – Не выступай, раз не сечешь. Ладно?... У тебя, я вижу, зимой снега не выпросишь. Увязла в барахле. А меня воротит от этого.

– Чего-чего?... Я увязла? – Ангельское личико Ромашки исказилось злостью. Она отпихнула ногой столик на колесиках, который стоял между нею и Глазастой. – Сама ты... дерьмо!

Ромашка вскочила. Глазастая встала медленно, лениво.

– Девчонки, девчонки! – Зойка втерлась между подругами. – Ну что вы из-за ерунды? Раз джинсы есть, то на дутик можно запросто заработать. И Каланча будет в форме.

– Интересно как? – нервным голосом спросила Ромашка. Ей уже самой расхотелось драться.

– Очень просто... – И Зойка рассказала про Каланчу, о ее «торговле» очередью в универмаге.

– Законно! – обрадовалась Ромашка.

Так и поступили.

5

Теперь они ждали Самурая вместе. Холодно. Мороз и ветер. Но никто не подавал виду. Жаловаться у них не полагалось. Ромашка танцевала на месте. Глазастая достала сигарету,

прикурила, прикрывшись бортом куртки, – легкий дымок вился вокруг ее отрешенного лица. Каланча присела на корточки, играла с собакой – гладила ее черно-серую волчью морду, почесывала за ухом. Та лениво распахивала пасть, усаженную желтоватыми коваными клыками.

– Фас, Джимми! – неожиданно резко приказала Глазастая.

Джимми присел на задние лапы, точно приготовился к прыжку, угрожающе зарычал на Каланчу, шерсть у него встала дыбом. Каланча неловко отступила и упала на грязный снег. Она испугалась.

– Ты что, офонарела? – Она подняла голос на Глазастую.

– А то, – ответила Глазастая. – У меня собака сторожевая. Не забывай. Схватит, останешься без носа.

– Каланча без носа! Вот картинка! – захохотала Ромашка. – Ой, колики, ой, рожу...

Каланча бросилась на Ромашку, чтобы сорвать на ней свою обиду, свистнула нога в воздухе, но та ловко отскочила.

Зойка молча наблюдала за подругами, не забывая следить за дверью училища. Она не любила, когда они ругались. Она чокнутая, у нее злости ни на кого нет, поэтому их неожиданные стычки, грызня, драки ей были неприятны. А они иногда устраивали потасовки нарочно, чтобы подразнить. Потом, когда она их разнимала, хохотали. Кричали: «Ну чокнутая!.. Всех ей жалко!» Особенно кричала Ромашка и еще Каланча.

Но тут Зойка забыла о своих подругах, краем глаза увидела, что появился Костя Зотиков – вот радость! Лицо ее осветилось чудным светом. Оно потеряло свой обычно глуповатый вид, вечно блуждающая придурковатая улыбка исчезла, глаза засияли восторгом.

– Вот он! – сказала Зойка. – Самурай!

Он вскинул на плечо саксофон, как охотничье ружье. Весело помахал им рукой. Прошел мимо. Они же плотной группой двинулись следом, стучаясь плечами, засунув руки в безразмерные дутики. Прохожие почему-то их пугались, уступали дорогу, точно подозревали, что у них в карманах, по крайней мере, ножи. А им это нравилось, они пугали встречных неожиданными вскриками или толчками, диким хохотом, как бы отсекая всех людей от себя. На самом же деле они мирно беседовали. Ромашка предлагала прошвырнуться в папашину лавку, туда завезли красные свитера, можно было бы купить всей команде. Зойка поддакнула Ромашке, а Каланча уныло призналась, что у нее нет денег.

– Опять двадцать пять... – Ромашка выругалась. – Тогда, значит, так... Входим в подсобку, мы все примеряем свитера, продавщица крутится около нас, а ты, Каланча, отходишь в сторону, берешь свитер и запихиваешь под дутик. Поняла?

– Поняла, – неуверенно ответила Каланча.

– А кто же будет за него платить? – спросила Зойка.

– Это не твое дело, – находчиво заметила Ромашка. – Пусть у тебя головка не болит. Заплатят.

Глазастая шла молча. На углу улицы она окликнула Самурая.

Тот остановился.

– Здесь тачка с ключом, – тихо сказала Глазастая.

У тротуара стояла припаркованная «Волга». Двигатель ее мерно постукивал, из выхлопной трубы вылетало белое облачко.

Костя сделал вокруг машины два круга, огляделся – на улице, как назло, никого. А девчонки ждали, решится он или нет?.. Ему показалось, что душа отлетела от него, и он увидел себя как бы со стороны, нерешительного, напуганного... Вот это он в себе ненавидел. А тут еще вечно застывшие губы Глазастой скривились в усмешке, догадалась, что он струсил. И Костя решился: вскочил в машину, сбросил саксофон с плеча и швырнул на заднее сиденье. От волнения у него закружилась голова. Рядом с ним тут же оказалась Глазастая с собакой, та

оскалила клыки и внимательно смотрела на Костю. Остальные фанатки беззвучно падали друг на друга, у них тоже возникла напряженка.

Взревел мотор, машина рванулась с места. Зойка едва успела поставить ногу внутрь, ее втянули на ходу. Захлопнулись двери, и замелькали улицы – одна, другая, третья. Они летели навстречу домам, машинам, людям. Костя не понимал, куда он ехал, им еще владел страх, мелко и противно дрожали руки.

– Ну ты даешь, – похвалила Ромашка Глазастую. – Глаза – фонари!

– Молодец, – процедил Костя и вдруг некстати громко рассмеялся.

Он гнал машину, к нему вернулась отчаянная смелость. Он чувствовал себя удачливым и ловким. Как хорошо лететь вперед, вперед, обгоняя медленно ползущие машины, подсекая их, восторгаясь испугом шоферов; он смеялся, видя их раскрытые беззвучные рты, извергающие ругательства.

В голове у Кости появилась музыка, нежная музыка Моцарта, с неожиданным переходом в мощный тяжелый рок – он стал отбивать его такты руками на руле, подпевая голосом.

Фанатки тоже расковались, галдели как птицы, выщелкивая и выплевывая отдельные слова: «Отвал... Денек с приветом... Клёво... Кайфанули...»

На пересечении двух улиц, Свердловки и Красноармейской, Костя увидел стоящего у мотоцикла гаишника. Он почему-то запомнил его лицо – длинное и худое, с тяжелой челюстью, какое-то лошадиное, и заметил, как тот проводил их машину взглядом. После этого Костя засуетился, свернул в глухой переулок, нажимая на газ, чтобы побыстрее уехать от милиционера. Дорога, петляя, резко шла вниз. Костя слишком разогнал машину, и, когда он на очередном изгибе притормозил, его понесло юзом, закружило, машина не слушалась руля, рыскала, как обозленное тупорылое чудовище.

Девчонки хохотали, визжали, падая друг на друга, еще не понимая, что случилось.

Машина между тем пробила брешь в невысоком сугробе, выскочила на тротуар, сбила прохожих – стариков: мужчину и женщину, идущих рядом. Мужчина был высокий, а женщина маленькая, ее еще больше укорачивала длинная меховая шуба.

Мужчина взлетел вверх, нелепо взмахнул руками и ногами, будто «поплыл» в невесомости, и тяжело рухнул метрах в четырех, а женщина сначала присела, потом откинулась навзничь.

Машина перекрутилась еще раз, саданулась о фонарный столб, и в следующую секунду полыхнуло пламенем.

Все произошло в одно мгновение – Костя и фанатки сидели в мертвой тишине. Перед ними лежали неподвижные черные фигуры, разметанные на белом полотне снега.

Костя оглянулся и увидел, что они горят, судорожно толкнул водительскую дверь, но ее перекосило и заклинило от удара. Он несколько раз автоматически, не соображая, ударил плечом в дверь. Лицо его искривилось от нетерпения, он почувствовал себя загнанным в мышеловку, захотелось немедленно выскочить из машины, чтобы спастись. Повернулся к Глазастой, еле слышно, задыхаясь, попросил: «Выходи», – словно боялся, что их услышат, хотя улица была пуста.

Глазастая в мгновение ока вместе с Джимми рванула в открытую дверь, а следом за нею Костя и все остальные девчонки. Саксофон вылетел с ними, плюхнулся на снег, но его никто не заметил и не поднял.

Они свернули в первую подворотню, чтобы побыстрее исчезнуть с этой проклятой улицы. Пролетели узкой аркой, шарахнулись через пустой двор, не глядя вокруг. Овчарка молча выманивала рядом.

Вдруг Костя резко остановился, как пораженный молнией – лицо онемело, глаза округлились, рот открылся... Все тоже остановилось, тяжело и шумно дыша.

– Сакс забыл, – выдохнул Костя.

– Ну и черт с ним! – крикнула Каланча. – Он же сгорит.

– Заткнись, дура! – Глазастая матерно выругалась. – По саксу нас сразу сцапают.

В это время раздался взрыв машины, он был негромким, все-таки они отбежали на порядочное расстояние, но страх еще сильнее овладел их смятенными душами.

Костя оглядел фанаток, пробежал глазами по испуганным лицам – ему так хотелось, чтобы кто-нибудь из них подменил его и пошел за саксофоном. Зойка сразу это поняла и сказала: «Костя, я мигом слетаю... Ты не бойся, я слетаю...» Но он ее остановил. Тут надо самому; он приказал им ждать и не высовываться и побежал обратно, непривычно втягивая голову в плечи. От этого он сразу стал маленьким и незащищенным. Глазастая посмотрела ему вслед, и легкая тень разочарования мелькнула на ее лице. Но она ничего никому не сказала. А все остальные притихли и затаились, ожидая в сумерках чужого двора возвращения Кости. Им стало холодно, они сбились тесной молчаливой группой.

6

Еще издали Костя увидел обгоревшую машину, краска на ней оползла, стекла вылетели. Вокруг сбитых собрались случайные прохожие. Неизвестно, откуда их намело, ведь только что улица была пуста. «Убили!» – выкрикнул кто-то. Эти страшные слова застали Костю врасплох. Что-то внутри у него перевернулось, голова стала чужой и тяжелой, сердце заколотилось в горле, ноги дрожали, не хотелось идти вперед, а убежать бы, спрятаться, уехать, исчезнуть навсегда, поменять фамилию, чтобы его никто никогда не нашел. Он остановился, застыл, потом попятился назад, но инстинкт самосохранения был сильнее страха.

Костя незаметно скользнул за спинами, пронырнул к машине, ее двери с выбитыми стеклами стояли нараспашку, заглянул внутрь... Там еще дымился обгоревший клоками дерматин на сиденьях, но саксофона он не нашел. И тут он обо что-то стукнулся ногой и увидел, к своей радости, лежащий на снегу саксофон. Теперь его надо было, не привлекая внимания, поднять и незаметно уйти. Страх снова обуял Костю. Он согнулся, стал поправлять шнурки на ботинке и незаметно протянул руку к саксофону, взял за ручку футляр и встал.

Он увидел тетку в толстом платке и в цигейковой шубе. Она зыркнула по нему тревожным взглядом. Костя быстро отвел глаза в сторону и, пятясь спиной, подался назад, чтобы скрыться. А тетка вдруг бросилась к нему, завопила: «Стой!.. Попался! На помощь!» – и смертельной хваткой вцепилась в него.

Несколько человек откололись от толпы, окружавшей пострадавших, и ринулись к Косте.

– Шофера поймала! – вопила тетка. – Убийцу!

До Кости все доходило с трудом: и вопли тетки, и поведение окружающих. Он свалился под тяжестью двух мужиков, которые сбили его с ног, подмяли, горячо дыша в лицо. Он извивался под ними, стараясь выскользнуть. Потом ему вдруг стало легче, кто-то поставил его на ноги. И прямо на него надвинулась фигура в милицейском полушубке.

Костя сжался и ждал первых вопросов милиционера, а в голове у него беспрерывно мелькала громадная черная фигура сбитого, тяжело переворачивающаяся в воздухе. Но первые слова милиционера: «Что здесь за самосуд?» – как ни странно, успокоили его. Он разжал кулак тетки, которая все еще держала его крепко за рукав, и твердо произнес:

– Я не шофер.

И хотел добавить, что он вообще сторонний прохожий, увидел обгорелую машину и подошел из любопытства. Никто ведь не заметил, что он поднял саксофон. Боже мой, так легко было это сказать, вы что, с ума посходили? Хватаете, избиваете, я же просто шел мимо! Но прежде чем это проговорить, поднял глаза на милиционера, увидел... и окаменел! Перед ним стоял тот самый гаишник, которого он только что видел на углу Свердловской и Красноармейской. Костя не мог оторвать глаз от длинного лошадиного лица милиционера, видел, как его

пытливые, сверлящие зрачки ввинчивались в него. «Сейчас узнает!» – ударило как молнией. В горле пересохло, язык прилип к нёбу. Погиб, погиб, мелькало в тумане сознания. Он встал к милиционеру вполоборота, пряча лицо; больше пока ничего не смог придумать.

– И вправду не похож на шофера, – виновато признался здоровенный мужик. – Пацан... А мы его.

– А что же ты в машину заглядывал? – не сдавалась тетка. – Что там искал?

– Саксофон там забыл, – признался Костя. Только тут вспомнил про свой инструмент, увидел его на снегу у себя под ногами и поднял.

– Чего-чего? – не поняла дотошная тетка.

– Инструмент это музыкальный, – объяснил милиционер и повернулся к Косте. – Ну?

– Он меня за рубль согласился подвезти... Когда случилось... сразу смылся... – сбиваясь, врал Костя, каждую секунду ожидая, что мент его перебьет. Поэтому говорил медленно, с трудом преодолевая слова. – Испугался... У меня случился нервный шок... Зачем-то побежал куда-то... Не соображал... Потом спохватился – рукам легко, руки пустые. Вспомнил про саксофон. Вернулся.

Милиционер взял под козырек:

– Инспектор ГАИ капитан Куприянов. Ваши документики?

Костя развел руками: мол, «документиков» нет. И услышал, как по толпе, которая окружала его плотным кольцом, прошел шелест слов: «Без документов... Еще неизвестно, что это за тип... Ишь, в мороз без шапки. И музыкант... Знаем мы таких, видели. Посадить его и пропесочить». В ту пору людей в тюрьму сажали легко: сказал не то – и уже в тюрьме.

– Ну а фамилия у тебя есть? – ехидно спросил Куприянов.

Костя понял, что попал в капкан, который вот-вот захлопнется, и конец его жизни, музыке и счастью, но готов был от страха закричать: «Да, да, это сделал я!», чтобы сбросить с себя тягостную неопределенность, слова уже были на кончике языка, потом все же овладел собой и тихо ответил: «Зотиков я, Костя». Жесткое подозрительное лицо Куприянова стало вполне милым, губы растянулись в улыбку: «Постой, постой... – Он внимательно всматривался в Костю. – Надо же... Так ты же не иначе как Самурай... А я думаю, на кого ты похож... Ну дела. Моя Танька с тобой в школе учится, в двадцать седьмой... Все твои песни поет».

Костя ничего не успел ответить Куприянову: около них резко затормозили сразу две «скорые помощи», милиционер посуровел и сказал:

– Ну вот что, парень, вали отсюда. Позвонишь завтра в 5-е отделение, спросишь меня... – Он пошел навстречу врачам и санитарам.

Толпа переметнулась к сбитым.

Костя остался один. В просвете между людьми он увидел врача, склонившегося к темной фигуре мужчины, лежащей на снегу; женщины Костя не видел. Врач что-то сказал санитарам, те быстро переложили сбитого на носилки и понесли к машине. Костя хорошо рассмотрел его: это был старик, седые волосы упали ему на лоб, торчал острый нос и небритый подбородок. «Мертвый, мертвый», – подумал Костя, отвернулся от неприятного лица и побежал. Вскоре его обогнали две «скорые», нервно мигая синим светом сигнального фонаря на крыше. Он остановился, проводил их взглядом, увидел, что следом за ними проехал длиннолицый, и, боясь, что тот его заметит, шмыгнул в подворотню к фанаткам. Но их там уже не было; он выругался, обвиняя их во всех своих несчастьях. Как он сейчас их ненавидел, как проклинал: это ведь они подтолкнули его, проклятая ведьма Глазастая! А теперь все смылись! Сделали из него дурака и смылись. А он отвечай. Из подъезда дома вынырнула согнутая фигурка Зойки и приблизилась к нему. Ее замерзшие бескровные губы с трудом вытягивались в привычную улыбочку.

– Ну что ты лыбишься? Что уставилась? – сорвался Костя в крик.

– А что? – испугалась Зойка.

– Дура!.. Кретинка!.. Вот что! – Он сильно толкнул ее.

Она упала навзничь, не произнеся ни слова, как подрезанная. А он, зарыдав взхлеб, бросился бежать, не разбирая дороги.

К своему дому Костя пришел ночью, не помня, где он был и что делал. В темноте двора его обостренные страхом глаза выхватили силуэт милицейской машины с двумя милиционерами – она стояла у подъезда. У Кости не было сил бежать, он замерз и еле волочил ноги. Он обошел дом и поднялся по лестнице с черного входа, отворил дверь и, не зажигая света, одетый, упал на диван, натянул на себя одеяло, чтобы преодолеть озноб.

Хорошо еще, матери не было дома.

Костя пролежал до утра – то ли в бреду, то ли в дреме. Перед ним все время возникал мертвый старик. Несколько раз он вставал и выглядывал в окно, чтобы посмотреть, сторожит его машина или нет. Для этого ему приходилось вскарабкиваться на подоконник: машина стояла слишком близко к подъезду.

Первые два раза машина была на месте. Потом он услышал, как заработал мотор, и она уехала. И все же, не веря своему слуху, снова влез на подоконник и убедился, что милиционеры уехали.

Зато через несколько минут зазвонил телефон. Он не решился снять трубку. Телефон звонил долго, разрывая тишину ночи. Костя не выдержал и накрыл аппарат подушкой. Ближе к рассвету, когда небо посветлело, ему стало полегче; он вдруг подумал, что все обойдется, ну не может быть, что с ним случится несчастье. Ну не может этого быть! И он так долго уговаривал и убеждал себя в этом, что все-таки уговорил, успокоился и крепко заснул. Поэтому, когда вновь зазвонил телефон, забыл об осторожности, схватил трубку и услышал, как тихий голос сказал ему:

– Это я.

– Кто «я»? – не понял Костя.

– Глазастая... Все в норме. Стариков откачали. У него перелом ноги и сотрясение мозга. Оклемается. А ее вообще через неделю выкинут.

Костя молчал – волна радости ударила ему в голову. Проклятые старики живы, никто не умер, а он мучился. Все стало на свои места. Он вдруг привычно-громко рассмеялся и прежним голосом победителя ответил:

– О'кей, Глазастая! Ты меня разбудила, пойду досыпать. – Это он сказал для красного словца, спать он все же не мог.

Следом позвонила мать. У нее был виноватый голос:

– Костик, доброе утро... Пора вставать. Петушок пропел давно... Не забудь позавтракать. Там есть одна котлета. – Она хихикнула. – Я вчера засиделась у Вальки... Спихватились поздно, боялась тебе позвонить, и домой идти ночью страшно... Валька говорит, ну и ночуй, пожалуйста... С твоим Костиком ничего не случится... А я всю ночь продремала, было плохое предчувствие... У тебя все о'кей?

– Мать, не оправдывайся... Скучно. Ты же свободный человек. Сколько можно повторять.

Она что-то еще хотела сказать, но он, не дослушав, повесил трубку и ударил по кнопке мага.

Громкая музыка их группы огласила комнату. Потом запел он сам, и Костя, вторя собственному голосу, самозабвенно, упоенно опрокинулся в небытие пения. Громче, громче, еще громче, чтобы окончательно выбросить из себя весь вчерашний день и эту страшную ночь. Громче, громче!.. Соседи застучали сразу с разных сторон, но он продолжал свою радостную песню освобождения.

7

Дальше все полетело в привычном ритме музыки, отсиживания скучных уроков, веселья концертов и славы. Правда, однажды ему позвонил Куприянов и простуженным баском прохрипел:

– Ты куда пропал, счастливчик? Не дело. Приходи завтра в двенадцать. Составим акт опроса свидетеля. Нет, в двенадцать не годится, не надо срываться из школы. В четыре, без опоздания. – И повесил трубку, не попрощавшись.

Сигналы отбоя больно ударили Костю в ухо.

Он нехотя поплелся в милицию. Трусил, поэтому, чтобы как-то утвердиться, выпендился в свои самые модные шмотки. В скучных и казенных коридорах милиции Костя нашел Куприянова, сидящего в тесной комнатухе еще с двумя милиционерами. Тот встретил его мрачно, оглядел с ног до головы, протянул листок и сказал:

– Подпиши.

Костя прочел акт опроса, в котором было написано, что он, Костя Зотиков, ученик девятого класса 27-й средней школы, двадцать девятого января с. г. опаздывал на репетицию школьной рок-группы, попросил незнакомого шофера на улице Фигнера подвезти его. Последний согласился, запросив два рубля. Личность шофера не установлена.

Костя подписал акт, вполне довольный. Он не волновался, история явно шла к концу. Правда, Куприянов вдруг спросил, не поднимая глаз, как бы между прочим, умеет ли он водить машину? Костя, конечно, поспешил ответить, что не умеет, но сразу испугался и, чтобы скрыть растерянность, стал вести себя нагло, развалился на стуле со скучающим лицом, повесил ногу на ногу. Куприянову это не понравилось, и он спросил неприятным голосом:

– Ты был у старика?

– У какого? – не сообразил Костя.

– У сбитого.

– А зачем?

– Ну, не знаю... Может, тебе угрызения совести не дают покоя, – то ли пошутил, то ли серьезно произнес Куприянов.

– А при чем тут я? – не на шутку испугался Костя.

– Ну, ты сидел в той машине. При чем? Значит, вроде соучастник происшествия. – Глаза у Куприянова сверкнули.

Костю прямо подбросило на стуле от возмущения. Он почти закричал:

– Какой же я соучастник?! Когда я сам пострадавший. – Он и на самом деле искренне считал себя жертвой случая, несчастным. – Сначала я сорвал концерт... Теперь вы меня таскаете... По ночам этот старик снится... Думаете, приятно? Думаете, располагает к спокойной жизни?

– Приятного мало, с одной стороны, – вздохнул Куприянов. – С другой... живет человек вроде тебя, нормально живет, а ему скучно, чего-то недостает. Хочется ему выкинуть какое-нибудь коленце. Выкидывает... и прости-прощай тихая жизнь. А она-то самая желанная, оказывается. Вот ты, например, просто сел в левую машину, ничего особенного: сел, потому что спешил. Не знал к тому же, что она угнанная. У нее же на лбу это не написано. Сел, поехал – и бац! Влип. Последствия, как видишь, самые непредвиденные. Теперь не жалуйся и расхлебывай.

– Так ведь на леваках все ездят, – разозлился Костя. – Можно подумать, что вы не в милиции работаете, а на луне.

– Ездят-то ездят... А попадают не все. Вот в чем секрет. Кто влип, тот и расплачивается, пока другие гуляют, – насмешливо произнес Куприянов, взял акт опроса, посмотрел на Костину роспись и спросил с участием: – Что ты обмотался шарфом? Заболел?

– Горло берегу, – снисходительно улыбнулся Костя.

– У меня есть рецепт... Когда горло болит, в два счета можно вылечить. Значит, так... Берешь поллитровку, выливаешь в стакан, полощешь горло и выплевываешь, полощешь и выплевываешь. Так всю бутылку. А утром просыпаешься, вспоминаешь, что сделал с водкой, болезнь от огорчения как рукой снимает. – Куприянов коротко захохотал, поглядывая на Костю.

Два других милиционера тоже хохотнули.

А Костя опять ухмыльнулся. Его взгляд говорил Куприянову: давай, трави, выдержим.

Куприянов помрачнел:

– Выйдем. – А в коридоре, оглядев Костину взлохмаченную голову, длинный желтый шарф, обмотанный вокруг шеи, короткие клоунские брюки в клетку, с торчащими пестрыми носками, саркастически спросил: – А почему ты все по-английски поешь? Чем тебе наш русский не нравится?

– А что, нельзя? – с вызовом спросил Костя. – Английские песни на английском...

– А сам, значит, японский Самурай! – засмеялся Куприянов. – Ух ты, стервец-космополит. – Он привычным движением схватил Костю за шарф, подтянул к себе, посмотрел на него злыми глазами и прошептал: – Мой тебе совет, счастливчик, ты эту свою вечную ухмылку спрячь, а то она раздражает нашего брата. Лады? – И повел Костю к следователю, размахивая подписанным актом, вышагивая непомерно широким шагом, несмотря на небольшой рост.

Костя шел следом за ним с безразличным видом, только один раз, когда он увидел за окном улицу и прохожих, спешащих по своим делам и слоняющихся без дела, то почувствовал легкую тоску по свободной жизни.

– Между прочим, кто твои родители? – вдруг спросил Куприянов.

Костя заметил, что Куприянов всегда задает вопросы неожиданно, точно хочет застать собеседника врасплох. Но он был начеку. Ему не хотелось открывать тайну своей личной жизни, рассказывать первому встречному, что у него нет отца, и он соврал:

– Родители работают на заводе радиоаппаратуры, – хотя там работала только его мать.

У следователя Куприянов снова расцвел, всю его мрачность как рукой сняло.

– Привел к тебе Зотикова. – Куприянов с любовью посмотрел на Костю, излучая сияние. – Он и есть наш знаменитый Самурай! Ты его никогда не слышал? Отстаешь, старик. Твоему старшему сколько? Четырнадцать?.. Металлом увлекается? Ну так ты обратись к нему за разъяснением, он тебе все в красках разрисует. – Выразительно подмигнул Косте и вышел.

Следователь встал, кивнул Косте: мол, пошли, и выкатился из кабинета. Он привел Костю в просторную комнату с зарешеченными окнами. У стены, плечом к плечу, сидели шестеро мужчин, а чуть в стороне милиционер. Он тусклым голосом предложил Косте опознать среди этих шестерых шофера, который его вез, когда случился наезд.

Костя посмотрел на мужчин, они были для него одинаково однообразны и скучны, и отвернулся. Ему сразу стало тоскливо от серости этой убогой комнаты с блеклыми стенами, с решетками на голых окнах, со старой облупленной мебелью и грязными полами, на которых видны были многочисленные следы от мокрых ботинок.

– Ну что, никого не узнаешь? – спросил следователь.

Костя помотал головой.

– А ты всмотришься, – приказал следователь. – Не стесняйся, всмотришься.

– А я и не стесняюсь, – ответил Костя. Он вдруг смекнул, что если он никого из них «не узнает», то его будут таскать без конца в милицию и показывать ему новых и новых шоферов. Поэтому он решил разыграть следователя, ткнул пальцем в самого крайнего мужчину, морда-

того, краснощекого, и сказал: – По-моему, вот этот. – Помолчал, перевел взгляд на худого, низкорослого, со злобинкой в лице, и произнес: – Нет, пожалуй, тот шофер смахивал больше на этого гражданина.

Трюк его удался, следовательно понуро вздохнул:

– Диапазончик значительный. Черт побери. С тобой все ясно, металлист. Иди, парень, гуляй. Когда надо будет, позовем.

На улицу Костя вышел вполне довольный. Его там ждали фанатки. Он хотел к ним подойти, но тут кто-то тронул за локоть. Костя оглянулся – перед ним стоял здоровенный толстяк, один из тех, кто сидел на опознании.

– Будем знакомы, хлопец. – Он, излучая доброжелательство, обхватил Костину руку своей здоровенной лапой. – Судаков. – И пояснил: – Это мою машину угнали... Но ты мне сегодня помог. Подтвердил, что это не я. А то следовательно подозрительный.

– Извините... меня ждут. – Костя еле вырвал у него руку, потом засмеялся и весело крикнул: – Я рад, что помог.

Так история с милицией закончилась, и Костя в тот же день выбросил из головы ее холодные, неуютные комнаты. Он умел забывать все, что ему было неприятно.

Правда, уже весной, когда фанатки очередной раз провожали Костю после воскресного дневного концерта, между ними возник разговор о сбитых стариках. Причем разговор начался из-за Кости. Они встретили на улице одного типа, с которым Костя не раз вместе угонял машины, тот его «обучил» этому ремеслу. Веселый такой тип, вечно похваляющийся своей силой и храбростью. Его и звали «Весельчаком». Он увидел Костю в сопровождении девчонок, замахал издали рукой, переметнулся на их сторону, заулыбался: «Не хотите ли прокатиться с ветерком? – кивнул на вереницу припаркованных машин. – Любая, на выбор».

– А что?! – поддержал его Костя, скрывая свою нерешительность.

– Тогда отойдите за угол и ждите! – Весельчак направился к машинам.

Костя с фанатками прошли немного вперед и остановились. Оттого что фанатки молчали, Костя еще больше расхрабрился, глаза его лихорадочно блеснули. Улыбался, острлил, ерничал: «Неужели в самом деле все фанатки отсырели... Нет, лучше „облысели“... Представляете, вы все лысые. У вас гладенькие, лысые головки. Волосы повылазили от страха. Все ясно, над вами прочно нависли тени милых старичков. Раскаяние мучает ваши души и сердца. Слезы готовы брызнуть из глаз!...»

– Чего-чего? – спохватилась Ромашка. – Еще думать про каких-то стариков? Не сдохли – ну и черт с ними! Лично я живу вообще одним днем. А то вдруг трахнет бомбочка – и капнут. Правда, Каланчонок?

Каланча, чтобы скрыть собственную неуверенность – ей до ужаса не хотелось лезть в чужую машину, – щелкнула Ромашку по носу.

– Больно, дура! – неожиданно психанула Ромашка.

– Больно? – рассмеялась Каланча. – А я же любя.

– Ребята, погода хорошая, солнце, – вмешалась Зойка. – Лучше прошвырнуться.

– А ты не пищи и не голосуй, тоже мне агитатор, – сказала Глазастая. – Мы все – за!

Они медленно шли по улице, непрерывно оглядываясь... Но вот из-за угла появились вишневые «жигули», домчались до них, остановились, улыбающийся Весельчак распахнул дверь, крикнул:

– Вали!

Они попадали в машину и полетели в неизвестную даль.

Ну и денек выдался. Боже, спаси и помилуй! Потом Лиза его часто вспоминала, потому что это было последнее воскресенье, прожитое ею по-старому.

Все началось ночью. Приснился странный сон, без начала и конца. Баба Аня кричала, звала: «Лиза... Лиза-а-а... Дочка, что же ты?» Проснулась, как говорится, в холодном поту. Обычно ей не снятся страшные сны, а все хорошие, веселые; проснется, улыбнется и дальше в подушку. А тут ужас! Хотя ничего не произошло, просто баба Аня ее звала, ну, может быть, слишком печальным голосом. И всё. А ей стало страшно. Лиза подумала, что зря вчера она ее отправила в Вычегду, надо было заставить переночевать в городе, а утром проводить. Как хорошо было бы на душе, если бы она сейчас была здесь. Вышла бы на кухню, а там баба Аня... Совсем она у меня из головы вон, подумала Лиза, бедная, одинокая, разнесчастная старуха.

Тут Лиза поймала себя на том, что иногда не вспоминает о матери по целым неделям. Вот отчего ей стало страшно, а не от сна, догадалась – оттого, что забросила родную мать. Решила: встану, сразу позвоню, но потом зачухалась по дому... и забыла.

Встала, набросила на Костю одеяло – оно валялось на полу, не удержалась, осторожно поцеловала, чтобы не разбудить. Тихонько убрала свою раскладушку. И закружилась. Выбежала в магазин, надо было что-то купить, а там ни «хрена подобного», схватила в кафетерии четыре пирожка с творогом, подхватила в овощном авоську с картошкой, пособачилась немного, что они продают гнилую, но ругаться длинно не стала – себе дороже, у них луженые глотки, все равно перекричат.

На обратном пути встретила Степаныча. Он злился, что Зойка, поганка, не захотела с ним ехать на садовый участок. «Воскресенье с отцом не может провести». Лиза, конечно, взяла сторону Зойки. До чего все родители одинаковые, вынь и положь им родное дитя, чтобы всегда оно было рядом.

– Конечно, я своего тоже пасу, – сказала Лиза, – но меру знаю.

Степаныч – мужик ничего. Стоящий. Лиза по привычке сделала ему глазки, хотя относилась к нему по-родственному, полжизни прожили в соседях. Поговорили, поохотали. Он полуобнял ее, произнес свою любимую фразу: «Ну, Лизок, когда будем дверь пробивать? У меня руки чешутся». Он как бы шутил, ерничал, но Лиза заметила, что глаз у него подернулся надеждой, что он не шутит, а всерьез. Она засмеялась и скоро-скоро побежала домой, чувствуя на спине и на ногах его провожающий взгляд. От этого походка у нее стала совсем легкой, летящей. Дома подсушила на сковородке хлеб, а то он сырой, достала из холодильника плавленый сырок, надкусанный Костей, съела на ходу, стоя на одной ноге, вошла в домашний ситцевый халатик, накрутила бигуди, у нее на этот счет твердое правило – к вечеру надо быть в форме на всякий пожарный случай. А то вдруг подвернется компания, или кто-нибудь неожиданный заглянет в гости, или позвонит забытый, заброшенный кадр. Пойдут воспоминания, вздохи-охи, Лиза любила это. Потом она села за халтуру. Ее хорошенькое, умиротворенное личико приобрело сосредоточенное выражение, поэтому она очень испугалась и вздрогнула, чуть не упала со стула, когда комнату неожиданно оглушила громкая музыка.

Это проснулся Костя и сразу врубил маг на полную катушку.

– Ты что?! – обиделась Лиза.

– Ничего, – спокойно ответил Костя.

Лиза посмотрела на сына – до чего он симпатичный, не смогла сдержать улыбку, махнула приветливо рукой, надела на уши от шума Костины старые наушники и застучала по клавишам машинки. «А куда ему действительно деваться? – думала Лиза. – Когда у нас всего одна небольшая комната и шестиметровка-кухня. Попробуй развернись в этих хоромашках». Она вздохнула, словно ей стало жалко себя, что они живут в такой тесноте. Но на самом деле она любила свою

квартирку и весь ее нелепый вид. Ей нравился громадный старый шифоньер бабы Ани – он занимал почти полкомнаты, ломберный столик под зеленым сукном, вытертый, в пятнах, но родной и близкий, на нем Лиза в детстве делала уроки, а теперь печатала; и овальное зеркало в красном дереве с канделябрами – в них почему-то всегда торчала одна свеча.

Два последних предмета – ломберный столик и овальное зеркало – это уже не от бабы Ани, а от дедушки и бабушки. Их Лиза, естественно, не знала, они для нее как миражи в пустыне. Вроде были, а может, и нет. Правда, одна фотография деда у Лизы имелась. На ней сидел мужчина в черной рясе, с большим крестом на груди. У него было простое, доброе лицо, густая борода; длинные волосы, зачесанные назад, открывали высокий лоб. На коленях дедушки покоилась девочка лет трех, остроглазая и живая. Дедушка держал ее маленькую ладошку в своей широкой руке, держал крепко, и было видно, что оба они слиты этим рукопожатием навечно.

Эта девочка и была ее мама – баба Аня. Она сохранила фотографию своего отца, несмотря на лихолетье. Дедушку застрелили в Гражданскую: ворвался в церковь местный революционер во время утренней службы, на Родительскую субботу, услышал, как дед читал молитву по усопшим, и застрелил. Антихриста арестовали за убийство, но потом выпустили. Какое-то время он даже ходил по городку героем: его все знали, показывали на него пальцем, боялись. А ему это нравилось, он куражился. После смерти священника приход распался, церковь закрыли, бабушка умерла от тоски, и баба Аня осталась одна.

В церкви сначала устроили склад, потом какая-то очень умная голова решила переоборудовать ее в Дом культуры. Нашелся умелец-сапер, который взялся «срезать» взрывным устройством колокольню. «Сразу, как бритвой, в аккурат ниже звонницы. Она взлетит и сядет поодаль, – хвастался он. – А мы поставим новую крышу, и будь здоров, Дом культуры!» Он чертил планы «срезки», делал расчеты, их обсуждали в горисполкоме, а потом он так срезал колокольню, что вся церковь охнула, покачнулась, застонала, покосилась набок и в нескольких местах треснула от пола до потолка.

В день взрыва в доме бабы Ани вышибло все стекла.

Народ по-разному отнесся к этому событию: одни возмущались между собою, перешептываясь, другие с восторгом рассказывали о взрыве и издевались над сапером. Церковь ведь пятнадцатого века: маленькая, крепкая, вросшая в землю, иконостас в ней выписан знаменитыми мастерами. Церковь была монастырской, сооружена как охранная против врагов отечества, на подступах к Москве. Стояла за каменной стеной. Ее монахи были воинами. А когда рядом вырос городок, то стену постепенно снесли.

После взрыва в церкви устроили тир, и туда повадились ходить воинственные мальчишки. Самые отчаянные из них иногда незаметно постреливали по иконостасу. Потом откуда-то появился председатель горисполкома из приезжих. Инициативный, энергичный. Он решил в бывшей церкви устроить спортивный бассейн: провел туда водопровод, разрыв всю гору, на которой стояла церковь, внизу поставил насосную станцию, чтобы качать, гнать воду наверх, разобрал каменный изразцовый пол, выкопал котлован, но водопровод почему-то прорвало, и всю церковь затопило.

Несколько раз у бабы Ани собирались отнять дом. Но так как она не скандалила, не отказывалась от выселения, не плакала и не просила, а только сурово выслушивала очередной приговор очередного начальника, то ни у кого почему-то не хватило решимости выгнать ее на улицу. Первое время баба Аня жила огородом и держала корову. Трудилась не покладая рук. Потом корову у нее забрали в колхозное стадо, и она пошла за нею следом в колхоз и проработала там без малого сорок лет. Замуж вышла поздно, за битого-перебитого однорукого мужика, родила дочь Лизу, а его похоронила на местном кладбище. Теперь у нее здесь были три родные могилы.

Раздался длинный телефонный звонок. Костя нехотя выключил магнитофон и снял трубку. Он знал: звонила баба Аня.

– Аллю? Приветик. Нормально... Исполняет соло на машинке.

Нельзя сказать, что бабушка насканивала на него или читала нотации; нет, она была радостной, расположенной, ласковой, но Костя никогда не знал, о чем с нею разговаривать, и пытался побыстрее передать трубку матери. Так он поступил и на этот раз – подошел к Лизе с телефоном, постучал костяшками пальцев по ее спине.

Лиза повернулась к сыну с легкой улыбкой, вопросительно посмотрела на Костю, при этом ее аккуратно выщипанные брови полезли вверх.

– Вычегда, – объявил Костя, протянул матери телефонную трубку и вышел из комнаты.

Он протиснулся в крохотную ванную и там стал одеваться, поглядывая на себя в зеркало. Причесался, взбил на голове хохолок. Отлично взбил, красиво: когда он подпрыгивал, то хохолок тоже прыгал. Улыбнулся, сделал строгое лицо – сам себе понравился: хорош! Зашел на кухню, увидел пирожки с творогом и съел все четыре штуки. До него долетал голос матери, она все еще разговаривала с бабой Аней: «Ты мне сегодня снилась... Звала: Лиза, Лиза, дочка... Ты как там? Приеду, обязательно приеду... и Костика привезу».

Костя, сидя на кухне и доедая пирожок, скорчил рожу – к бабе Ане он совсем не собирался.

– Печатаю, – продолжала Лиза. – Диссертацию по истории. Оказывается, Петр Первый был отвратительный тип. Изменял Екатерине на каждом шагу и еще имел наглость ей об этом рассказывать. Я бы на ее месте наплевала на эту царскую корону... Ну и что, что воскресенье? Грех работать? А нам нужны деньги.

Лиза повернулась к двери и увидела Костю. Он уже был одет в свою униформу и собирался улизнуть.

– Ты уходишь? – испуганно спросила Лиза.

Костя кивнул.

– Мама, я тебе перезвоню, – сказала Лиза и повесила трубку. – Костик, а как же я? – Лицо у нее стало обиженное и несчастное. – Значит, кино на сегодня отменяется? Значит, пропало совместное воскресенье? Но мы же вчера договорились?

– Так то вчера, – ответил Костя. – Ты же печатаешь.

– А я бы бросила! – с восторгом ответила Лиза.

Костя строго, трезво и по-деловому спросил ее:

– А как же деньги на новый костюм?

– Знаешь... – Лиза виновато потупилась. – А что, если временно мы не будем покупать костюма?

Вот тут Костя очень удивился: столько говорили о костюме, ходили по магазинам, прикидывали, примеряли, и на тебе – пожалуйста, она передумала!

– Ты что, мать?! – сорвался он на крик. – Забыла, зачем он мне?

Тут она выложила свой коронный план, она его давно пестовала в глубине души, только никак не могла решиться сказать ему:

– Ну, понимаешь... хотела собрать денжат, чтобы поехать с тобой на конкурс.

– Ты даешь! – искренне возмутился Костя. – Со мной на конкурс? Это же смешно.

– А что смешного? – слабо и неуверенно защищалась Лиза. – Ничего. Наоборот, мне интересно. Ну, как я живу, ты замечал, между прочим?... А-а, не замечал! Работа-дом, дом-работа. А тут конкурс!

– Ну вот что, не морочь мне голову. Понятно?

Лиза кивнула.

– Приехать на конкурс с мамашей! – Костя еще раз посмотрел на себя в зеркало и еще раз поправил прическу, не глядя на Лизу. – Курам на смех! На меня же пальцем будут показывать. У меня и так зажим, комплексуха, а тут еще ты!

– Мне тоже хочется повеселиться, – упрямо повторила Лиза.

– А ты знаешь, какая движущая сила в современной жизни? – продолжал наступать Костя.

– Не знаю.

– Не знаешь? – торжествовал Костя. – А вот если бы знала, вела бы себя по-другому.

– Так ты мне объясни, – робко попросила Лиза, – может, я пойму... Какая такая движущая сила?

– Престижность! – ответил Костя. – Если я буду в форме, у меня все пойдет по-другому. В силу вступает психология. Понимаешь?... Я должен победить всех еще до конкурса... Появлюсь весь в стиле, уверенный в себе. – Костя с небрежным видом прошелся мимо матери, живо представляя себе, как он будет это делать. – Еще не пел, а уже победил. Или я вползаю в старье. Сразу готов, спекся. Могу и не ходить на конкурс.

– Неужели так много зависит... от этой престижности?

– Конечно. Престижность в наше время – королева успеха. – Костя оживился. – Вот послушай... Мне один валторнист рассказывал, как он был на конкурсе... После второго тура попал на четвертое место. Что делать? Как вырваться? На раздумье один день. И он одолжил у знакомых прикольную тачку... Подкатывает к залу в тот момент, когда все выходят на улицу. Открывает двери: садитесь, развезу всех по-братски. В рядах противника паника. А он выходит, играет лучше всех – и первое место у него в кармане. Нет, мать, престижность – это сила!

Лиза подняла глаза на своего Костика, который как картинка рисовался перед нею, все же улыбнулась и сказала:

– Ну веселись. Все нормально. Ты прав, я буду работать.

– А ты не вешай носа, – ответил на ходу Костя. – Мы еще с тобой погуляем.

Костя выскочил на лестничную площадку. Тут же хлопнула соседняя дверь, и рядом с ним появилась Зойка – глаза подмазаны, в ушах сережки. Вызвали лифт. Зойка не отрываясь смотрела на Костю. Тот не замечал ее напрочь.

– А Степаныч лепит пельмени, – сказала Зойка, чтобы привлечь внимание Кости. – Представляешь?

– Пельмени? – рассеянно переспросил Костя. – А зачем?

– Сегодня к нам приедет мамаша с хахалем. – Зойка недовольно фыркнула. – Так он, дурачок, их пельменями решил удивить.

– Ну и что?

– А то, – ответила Зойка. – Измены прощать нельзя.

– Ух ты, какая строгая, прямо прокурор. – Костя вдруг схватил Зойку за нос и захохотал. Зойка вырвалась, ей больно и обидно, но она стерпела.

Лифт остановился на их этаже. Из него вышла женщина-почтальон, а они протиснулись мимо нее. В последний момент она поймала Костю за рукав: «Зотиков? Ты-то мне и нужен. Здесь повесточка».

– Матери отдайте, – заторопился Костя. – Она дома.

Но женщина не сдавалась:

– Тут требуется твоя подпись.

Зойка сострила:

– Может, тебя вызывают в суд для развода? Может, ты состоял в тайном браке?

Хохотнула своей шутке, с любопытством заглянула в повестку и сразу сникла. Помрачнела. Насупилась. Испугалась. Костю вызывали в суд. Она сразу усекла из-за чего. Подумала: «Ну началось».

А Костя, расписываясь, пританцовывал, не читая повестку. Женщина разорвала повестку пополам: одну половинку с его росписью взяла себе, другую отдала Косте.

– Что ж тебя в суд вызывают? Натворил что?

– В суд? – только теперь Костя прочитал повестку: «К. Зотикову явиться в суд второго участка...»

Женщина ушла вниз.

– Из-за старика, – догадалась Зойка.

– Помолчи, и без тебя тошно, – грубо ответил Костя.

– А хочешь, я вместо тебя схожу? – предложила Зойка. – Скажу судье, что ты уехал или что у тебя концерты.

– Да начхать ему на мои концерты, – закричал Костя, мгновенно впадая в истерику. – Черт побери! Снова заниматься этим дерьмом – встречаться с этими рожами. Будь они прокляты! Скоты, жить не дают. – Он стоял рядом с Зойкой мрачнее тучи.

– Костя, у меня предложение, – начала Зойка.

– Да катись ты со своими предложениями знаешь куда?..

Он неслышно открыл дверь, вошел в комнату. Лиза сидела к нему спиной, ее машинка строчила как пулемет. «Тра-та-та!» – закричал Костя, изображая солдата, стреляющего из автомата. Лиза вскрикнула, оглянувшись, увидела Костю – улыбнулась:

– Ты вернулся? Что-нибудь случилось?

– Ничего не случилось. Просто я передумал. – Он еще не знал, как ему взвалить свою ношу на нее, но должна же она ему помочь! – Подумал: может, нам правда сходить вместе в кино?..

– Вот хорошо, – обрадовалась Лиза. – Приглашаю тебя... даже не в кино, а в кафе... Помнишь, как в детстве. «А сегодня, Костик, у нас будет совместное веселое воскресенье».

– И ты будешь целый день со своей мамой, – кривлялся Костя, подражая Лизе. Зло добавил: – А потом тебе звонил какой-нибудь очередной мужик, и ты убегала.

– Неправда, Костик, – Лиза рассмеялась. – Я не всегда убегала. – Она сбросила халат и достала из шкафа платье. – Воскресенья были для меня святые дни. И вообще, заруби себе на носу: я живу только для тебя.

Костя незаметно вытащил из кармана повестку, перечитал ее.

– Если хочешь знать, – продолжала Лиза, – из-за тебя я не вышла замуж. Помнишь: приехала я на дачу, ты тогда был в старшей группе, между прочим, был веселенький, ладный мальчик. Красавчик. И уже пел смешные песенки про цыплят, про поросенка. Наивный, хороший был мальчик. Первый романтик в группе. Ночью потихоньку выходил во двор, чтобы «поймать» в темном небе движущийся спутник. Ну так вот... спросила я тебя: «Можно выйти замуж?» Между прочим, сильно волновалась. А ты ответил: «Не хочу замуж». Я очень расстроилась, мужик был хороший, с высшим, то ли инженер, то ли врач... Забыла. Но тебя я послушала и замуж не пошла. – Она повернулась к Косте спиной. – Застегни молнию. Жалко, мое розовое в чистке. Оно меня молодит.

– Не волнуйся, – подыграл ей Костя. – Тебя и так все принимают за мою сестру.

– Ну ты скажешь.

– Спроси у Зойки, она подтвердит.

Лиза засияла, настроение у нее было замечательное.

– Баба Аня вчера спрашивала, – продолжала она, мечась по комнате, бросаясь то в один угол, то в другой в поисках сумки. – Ты моей сумки не видел?.. Баба Аня спрашивала, почему ты на концерте был такой резкий?

– А зачем ты ее притащила? Она же древняя. Ничего не просекает. Повела бы в оперетту.

– При чем тут оперетта? Ты же ее внук, между прочим. Она только из-за тебя и приехала. – Лиза нашла сумку, бросилась к зеркалу, стала раскручивать бигуди. – Можно подумать,

ты бабу Аню не знаешь. Ей интересно про тебя. А ты вчера хорошо пел. Особенно здорово у тебя вышла твоя песенка. Ну, там про этот мир, в котором никому нельзя уступать. И обаяние у тебя есть. – Добавила с наивной гордостью: – Это у тебя по наследству... от меня. Ты действуй, действуй обаянием!

Костя ничего не слышал, теребил повестку в кармане, хотелось побыстрее подсунуть ее Лизе. Наконец решительно перебил:

– Мать!

– Что? – испугалась Лиза. – Не то ляпнула?

– Да нет... Я хотел тебе сказать... – Костя опять испугался. – Нет, я хотел спросить...

Ты думаешь, я добьюсь успеха?

– А ты сомневаешься? Вот дурачок. – Каждый раз, когда он впадал в панику, когда терял уверенность в собственных силах или им овладевала апатия, Лиза мгновенно это чувствовала и бросалась на помощь. Делала она это ловко и естественно. – Ты станешь знаменитостью. Это я тебе точно говорю. Хорошо бы побыстрее, чтобы я не превратилась в старуху. По телику будешь петь на всю страну. – Подкрасила губы, скосив глаза на Костю, подумала, какой он нервный. – Ты не заболел? – Попробовала его лоб рукой, с нежностью погладила жесткие прямые волосы.

– Нормально, – ответил Костя.

– У меня тоже был слух и голос, – продолжала Лиза. – В наше время в песне главное было задушевность. – Она негромко запела, стараясь произвести впечатление на сына, «Серебряные свадьбы...».

– От такой задушевности можно удавиться, – мрачно заметил Костя.

Лиза осеклась. Он умел ее осадить.

– Тогда другое было время, – пыталась она спастись. – Между прочим, я в Москве в Колонном выступала. Знаю, знаю! Ты слышал про это сто раз! А ты послушай сто первый – учись жить у родительницы! – Лиза звонко рассмеялась. Она прыгала и скакала, продолжая собираться. – Тогда обстоятельства были выше меня. Я тогда толкаться не умела. Локти были слабые. Теперь голос пропал, зато локти окрепли. Кого хочешь могу с ног сбить. – Она заглянула под тахту, вытащила оттуда туфли, обулась, сидя на полу. – Да, туфельки дают дуба. Это тоже проблема – где достать и на какие шиши? Так что, Костик, не волнуйся – ты идешь по проторенной дорожке. По проторенной всегда легче.

– А я и не волнуюсь, – соврал Костя, совершенно не владея собой. Он то вставал, то садился, то зачем-то выглядывал в окно.

– Нет, ты психуешь. Кого ты пытаешься обмануть – меня?.. Я все вижу. Я тебе говорила, что прорываться лучше всего через самодеятельность? И оказалась права. Вроде как народный талант. У нас это уважают. – Лиза последний раз покружилась перед зеркалом. – Вот, я и готова. Пошли? – Взяла сумку, заглянула в нее и помрачнела. – Ни копейки... Надо же.

Лиза недолго размышляла, выскочила на лестничную площадку, позвонила Степанычу. До Кости долетал ее звонкий голос. «Степаныч», – кричала она, не дожидаясь, когда ей откроют. Потом он услышал, как щелкнула дверь и раздался хриплый голос Степаныча: «Привет, Лизавета. Заходи, что остановилась на пороге?» Костя знал, Степанычу главное заманить Лизавету. Она ему ответила: «Мы с Костей уходим... Одолжи десятку». «Счас, – голос у Степаныча услужливый. – Вот... А хочешь больше? Не стесняйся».

Костя услышал, как хлопнула дверь у Степаныча, резко повернулся спиной к входящей матери и уронил повестку на пол. Лиза тут же заметила ее и подхватила.

– Записка? От девчонки?

– Отдай! – приказал Костя.

– Не отдам, – рассмеялась Лиза. – Мне тоже интересно ее прочитать.

Костя бросился к матери, та увернулась, записку она сжала в кулаке и спрятала за спину. Он пытался вывернуть ее руку.

– Ты сильный, а я сильнее, – сопротивлялась Лиза, ей было весело от этой игры.

Но Костя все-таки разжал кулак матери и взял повестку. Он развернул ее, помедлил, посмотрел на мать и очень естественно удивился:

– Черт! Совсем забыл. Меня вызывают в суд. – И как только он произнес эти слова, сразу почувствовал облегчение.

– В суд? – испуганно переспросила Лиза. Схватила повестку, пробежала глазами, ничего не поняла и во второй раз прочитала вслух: «К. Зотикову явиться в суд второго участка Пролетарского района. Явка обязательна». – Она посмотрела на сына. Ей вдруг стало страшно. – Что ты сделал, Костя?

– Ничего, – стараясь держаться беззаботно, ответил Костя.

– Ну, рассказывай. – Лиза присела на краешек стула. Глаза тревожные. – Только без вранья. Я ведь не дура, понимаю, просто так в суд не вызывают.

– Я свидетель. Понимаешь, сви-де-тель!..

– А что ты кричишь? – Лиза посмотрела на сына с подозрением.

– Ну от тебя можно взбеситься! Сначала задаешь вопросы... Говоришь, только без вранья! А когда я тебе врал, ну, когда, скажи?! А, не помнишь! Ты лучше за собой последи, как у тебя с враньем?.. – Костя возбужденно бегал по комнате, размахивал руками, всем своим видом изображая неудовольствие. – Потом спрашиваешь, почему я кричу? А я, к твоему сведению, кричу, потому что вижу – ты мне не веришь. Я вижу, вижу... Смотришь на меня с большим подозрением. А это неприятно, и вообще я потерял желание тебе рассказывать...

– Ну хорошо, ну успокойся. – Лиза обняла сына, но он вырвался. – Я сижу. – Она села. – И не двигаюсь, и тебя не перебиваю... Рассказывай.

– Случилось еще в январе. – Костя заставил себя говорить спокойнее, сдерживая волнение. – Помнишь, тогда был жуткий холод. А я опаздывал после музыкалки на репетицию. Я не люблю, когда ребята ждут. Ну, в общем, спешил... Выскочил – вижу, стоит «Волга». Мотор тарахтит, шофер рядом. Спросил – подвезешь? И поехали. А когда он сбил двоих... старика со старухой...

– Сбил? – вскрикнула Лиза. – Насмерть?

– Да нет, не бледней, те оклемались. Ну так вот, когда он сбил, то смылся. Только пятки замелькали. – Костя врал складно, история была накатанная. Он сейчас сам в нее верил, будто и вправду было так, как он рассказывал. У него даже появилось желание обрисовать всю историю в красках. – Значит, он убежал на моих глазах, а я стою, как прикованный. Ну точно парализовало. Из машины вылез и стою. Потом побежал следом, потом вспомнил, что забыл сакс, вернулся, и тут какая-то тетка вцепилась в меня... Да, я забыл: когда он сбил этих стариков, то на улице не было никого, а когда я вернулся за саксом, подвалил народ. Ну и тетка, которая меня схватила, тоже стояла среди прочих... Я был за их спинами, но она меня усекла и наскочила, она такая оголтелая, завопила, заголосила: «Я шофера поймала-а-а! Помогите!.. Он вырывается!» А я и не вырывался, тихо стоял. А тут появилась милиция, раньше «скорой помощи»: где, говорят, шофер? Ну, я им отвечаю, никакой я не шофер, я машину водить не умею.

– Как не умеешь? – удивилась Лиза. – Ты же ходил на курсы. Значит, врал, а говоришь, что не врешь?

– Не врал я тебе! – опять взметнулся Костя. – Им соврал, что не умею. Ну сама рассуди: шофер сбежал, вокруг толпа, человек лежит сбитый, а я вылезаю из машины. Попробуй докажи, что ты не верблюд. Не докажешь, я это сообразил. И хорошо, что соврал: эта машина оказалась угнанной, а ее водитель – угонщик. Он, выходит, сразу два преступления совершил: угнал машину и сбил человека. С нашей милицией надо осторожно, если бы я не соврал, они бы на меня могли повесить всех собак. И что угнал, и что сбил...

– Ой, как мне не нравится эта история, Костик. Она запутанная, – сказала Лиза. – А ты почему до сих пор молчал?

– Не хотел тебя расстраивать. Ты бы ругаться стала, знаю я, зачем я езжу на леваках, денег нам и так не хватает... и то и се...

Костя остановился около Лизы. Та обняла его и прижала к себе. Они почему-то оба замолчали, сами не зная почему. Страх вошел в их души, и они почувствовали, что наступает на них что-то большое, темное, неотвратимое. Наконец у Лизы по губам пробежала робкая улыбка.

– Я знаю, ты у меня хороший, – сказала она. – Ну, рассказывай дальше – до конца.

– Мать, ей-богу, дело выеденного яйца не стоит. Следовательно меня сразу отпустил. Говорит, гуляй, парень, когда нужно будет, вызовем. А еще там был один мент, фамилия Куприянов, лицо у него такое длинное, лошадиное, узнал меня. Ты, говорит, не иначе – знаменитый Самурай! Моя дочь – твоя фанатка. Бешеная поклонница.

– Так прямо и сказал? Бешеная поклонница? До чего дожили – милиция увлекается роком. – Лизе немного полегчало, и она тихонько засмеялась. – Надо же, ну времена. Меня за рок выволакивали с танцплощадки. А один раз даже отвели в отделение. Я с тех пор милиции как огня боюсь. – Она посмотрела на себя в зеркало. – Что-то я бледная. – Неясное волнение еще жило в ней, она провела рукой по щеке, вытащила из сумочки румяна, подкрасила скулы. – Конечно, все внутри оборвалось. Ноги до сих пор дрожат.

– Ну, мы идем или нет? – спросил Костя. Ему хотелось побыстрее вырваться на улицу.

– Конечно идем! – Лиза рассмеялась, на этот раз громко и уверенно.

9

Они шли по шумным улицам города, вдыхали густо осевший дым, перемешанный с гарью машин, перебежали в неположенных местах, шоферы их ругали, а они беззаботно смеялись в ответ, совершенно ни о чем не думая.

– Можно сказать, мне повезло, – выкрикнул Костя. – Завтра контрольная по химии. А я слинял по уважительной причине.

– Не хватает, чтобы ты из-за этого провалился на экзаменах, – заметила Лиза.

– Да, у нас без химии не запоешь, – горестно вздохнул Костя.

– Постой, постой! – Лиза даже остановилась. – Я вспомнила! Ура, мы спасены!.. У меня в этом суде работает один старый знакомый. Я ему позвоню, он обязательно тебе поможет. – Она судорожно рылась в сумочке. – Где же моя записная книжка? – Наконец нашла ее, стала искать нужный телефон, перебирая потрепанные страницы. – Боря, Боря, Боря... не помню, на какую букву я его записала. Ну, в общем, его найти не большой труд. Он нас выручит, это точно! Знаешь что? Я сама пойду в суд! – решительно заявила Лиза.

– Ну, мать, ты меня опекаешь! – Костя едва скрыл свой восторг.

– Возьму директорскую «Волгу» и подскочу, – с некоторой самоуверенностью и неприкрытой лихостью продолжала Лиза. – Ты же знаешь, как он ко мне относится?

– Конечно знаю, – подхватил Костя, желая ей подыграть. Ох, какой он был милый, готов был перед нею ползать на брюхе в грязи городской улицы. – Только ты не опаздывай. Судья там, по слухам, лютей зверь.

– Ну и что, что лютей зверь? Подмажусь, подкрашусь, приоденусь и поплыву. – Лизе сейчас, когда она помогала своему Костику, и сам черт был не страшен. – А кто он такой?

– Какой-то Глебов.

– Глебов?! Ой, держите меня, схожу с ума. – Лиза зашлась хохотом. Теперь ей вся эта история показалась просто забавным приключением. – Ну прямо как в сказке все сходится. Мой знакомый Борька... он же Глебов!

– Шутишь? – оживился Костя. – Бывший?

– Ага, – таинственно улыбнулась Лиза.

– Ну, может, он и не зверь, но вредный буквоед – точно. Имей в виду, – продолжал сочинять Костя.

– Скажите, пожалуйста, – иронически произнесла Лиза. – А из-за меня он когда-то провисел целый день на дереве. Смотрит на меня и машет рукой. Оказывается, познакомиться хотел.

– Сам Глебов? – Костя возбужденно и восхищенно покачал головой. – На дереве? Ну, мать, я тебя уважаю.

– Он меня, знаешь, как любил. Все девчонки завидовали. Чего только не делал из-за меня. И дрался. И на коленях передо мной стоял. – Лиза вспомнила Глебова, живые картинки юности замелькали перед нею. Добавила с грустью и гордостью: – Он жить без меня не мог.

– А почему же ты не вышла за него замуж? – спросил Костя.

– Ну... Это долгая история. А потом, меня и другие любили... – ответила Лиза. – Скучно было сидеть в Вычегде, и я уехала. Можно сказать, под покровом ночи, исчезла одна. Я была красotka... В меня все влюблялись. На улицу нельзя было выйти, обязательно кто-нибудь приставал. – Она рассмеялась, голова у нее закружилась от сладостного прошлого, от нынешнего (она не поставила на себе крест), от присутствия родного Костика – это для нее было такое счастье.

Когда они подошли к кафе, то Костя увидел припаркованный к тротуару мотоцикл Куприянова. Сам он стоял чуть поодаль, около задержанного грузовика, и проверял права у шофера. Костя сделал вид, что не заметил его, прошел следом за Лизой, но потом не вытерпел, уже в дверях почему-то оглянулся... и встретился со взглядом Куприянова. Тот помахал ему рукой и ухмыльнулся. Встреча с милиционером испортила Косте настроение. До чего он ненавидел эту куприяновскую ухмылку, которая ему так и говорила: «Ври, ври, парень, а я-то все знаю, ты у меня вот тут – в кулаке».

10

На следующий день Лиза, в розовом платье, в том самом, которое ее молодило, шла по коридору суда, читая таблички на многочисленных дверях длинного коридора. Горел тусклый свет, стены коридора и двери были выкрашены грязно-зеленой краской, и поэтому было совсем темно. Но Лиза ничего этого не замечала. Аккуратная и праздничная, она не видела напряженной сутолоки суда, серьезных и отчаянных лиц людей, попавших в беду; не уступила дорогу милиционеру, который вел арестованного. Тот отвел ее рукой в сторону, а она ему улыбнулась.

Лиза сегодня специально встала раньше обычного, по дороге на работу заскочила в чистку и захватила розовое платье. Волновалась, когда спешила за ним, – а вдруг оно не готово. Все закончилось благополучно. Директор отпустил ее в суд, она ему выложила всю Костину историю. И два последних рубля Лиза ухнула на такси, а то в автобусе всю изотрут, а так она чистенькая явилась в суд. Веселые кудряшки били ее по плечам, на губах блуждала радостная беззаботная улыбка. Приход в суд для нее был забавной игрой. Она даже забыла, что у нее в сумочке, взятой напрокат у подружки под розовое платье, лежит Костина повестка. Она думала только о Глебове, точнее, о Боре, как он ее встретит и что ей скажет.

Наконец она нашла нужную табличку, остановилась, посмотрела на себя в маленькое зеркальце, взбила волосы и, волнуясь, приоткрыла дверь – в образовавшуюся щель она увидела небольшую комнату, сплошь заставленную шкафами, набитыми толстыми папками. Двое мужчин сидели за письменными столами и что-то читали. Один из них – толстый, седой, в очках, неизвестный Лизе, а второй, конечно, был Глебов. Лиза видела его в профиль – чуть длинноватый нос, худое, почти изможденное лицо. Одет он был во все темное: и костюм был

темный, и рубашка, и галстук. «Какой унылый», – подумала Лиза, она не ожидала, что Глебов так изменился; она забыла, что прошли годы. У нее немного испортилось настроение, она вошла неуверенно и поздоровалась. Толстый мужчина снял очки, с любопытством посмотрел на Лизу, явно отметив привлекательный вид, и спросил:

– Вы ко мне?

– Нет, я к товарищу... Глебову.

Глебов оторвался от своих бумаг и произнес будничным голосом:

– Добрый день, Лиза.

– Именно... Лиза, – ответила она растерянno, не готовая к такому обыкновенному приему. Она себе что-то нафантазировала, как Глебов бросится ей навстречу, как будет удивлен и рад ее приходу, а тут ничего подобного. – И ты не удивлен? – спросила Лиза обиженным голосом.

– Нет, он не удивлен, – вмешался толстый мужчина. – Он у нас избалован женским вниманием, даже появление такой очаровательной женщины, как вы, не вызовет на его мрачном челе улыбки. Кстати, меня зовут Николаем Сергеевичем Замятинным, я представитель народа, народный заседатель, у этого вечно хмурого и недовольного человека. – Толстяк встал, схватил портфель и, не произнеся больше ни слова, удалился.

Глебов молчал.

– Может быть, ты мне разрешишь хотя бы сесть? – разочарованно спросила Лиза.

– Конечно. Извини, что сразу не предложил, – сказал Глебов, не глядя на Лизу. – Чем могу служить?

– Уж сразу и служить. – Лиза села, оправила платье и положила сумочку на колени.

– Такая у меня работа, – заметил Глебов. – Про меня вспоминают, когда дело доходит до суда. – Он посмотрел на нее тяжелым, долгим взглядом.

Лиза смутилась. Почувствовала, что его глаза поглотили ее, что она заглянула в них и утонула. По коже прошел легкий озноб, ей стало холодно, и она вся сжалась.

– А я вот просто так зашла, – пролепетала она. Испугалась своего вранья и добавила: – Ну, почти... просто так. Воспользовалась случаем, чтобы тебя повидать. Правда, правда, честное слово.

– Ну ладно, говори, что такое твое «просто так».

– А ты стал злой, – огорчилась Лиза. Ее тоненькие брови полезли вверх, губы напряженно сжались. Она по-детски беспомощно спросила: – Боря, тебе неприятно меня видеть?

– Нет, отчего же?... Я рад. Мы давно не виделись. Последний раз я тебя встретил на Грузинской улице. Ты с кем-то шла, смеялась и... неплохо смотрелась.

– А сейчас? – Лиза улыбнулась.

– И сейчас неплохо. – Глебов посмотрел на Лизу.

Лиза искренне и восторженно ответила на одном дыхании:

– Это потому, что я увидела тебя!

– Не надо, Лиза, – мрачно заметил Глебов. – Давай перейдем к делу.

– Успеется «дело». – Теперь, когда она немного привыкла к Глебову, перед нею вдруг предстала вся ее юность. Остановилось дыхание, и защемило сердце, пришлось крепко прижать к груди руку, чтобы заглушить боль. Она посмотрела на Глебова более спокойно и внимательно: он ей неожиданно показался совсем молодым, как тогда в Вычегде. – А помнишь, Боря, как мы познакомились?

– Признаться, не помню.

– Не помнишь, как ты появился у нас? Как пришел на танцплощадку и заступился за меня? Ну, это же была потрясная история. Не вспомнил? Ну ты беспамятный тип. – Лиза продолжала вдохновенно: – Как ты мог забыть? Надо будет рассказать ее Косте – он оценит. Меня зацапал комсомольский патруль, трое парней, за то, что я была в мини, честно скажу, на пре-

деле. – Она рассмеялась. – И танцевала стилем. Они скрутили мне руки и повели к выходу. Наши, конечно, развесили уши, никто за меня не заступился. Народ у нас дикий. Одного унижают, а другим смешно... Хохотали надо мной. Прическу сбили, куртка лопнула под мышкой, одну туфлю потеряла. Прямо хохот и обвал... со стороны. А я реву от обиды... Не вспомнил?

Глебов не поднял головы, но как-то дрогнули губы, то ли улыбнулись в ответ на рассказ, то ли скривились в усмешке. Резко встал и, стоя к Лизе спиной, начал перебирать папки. А Лиза, не замечая его странного поведения, продолжала:

– Ну и память у тебя. Дырявое корыто, извините-подвиньтесь. А еще судья. – Она уставилась в глебовскую спину и заметила, что у него мятый пиджак, лоснящиеся брюки и стоптанные туфли. – Значит, тащат меня к выходу. И вдруг!.. – Лиза сделала торжественную паузу. – У них на дороге стал ты! И так спокойно и громко заявил: «Отпустите девушку!» – Она улыбнулась: так ей нравились ее воспоминания. – Боря, ты долго будешь маячить у шкафа? – Глебов не ответил, но послушно сел на свое место, лицо его вновь стало непроницаемым. – Так вот тебе печальное продолжение... Они без слов набросились на тебя и стали бить, потом оттащили в милицию, составили протокол, что ты нарушитель спокойствия и хулиган. На работу отправили письмо, и тебе вклеили комсомольский выговор. Неужели ты и этого не помнишь?

– Смутно. Все это, Лиза, было в другой жизни. Я был другой, ты была другая. Мы были наивные, доверчивые, как дети.

– Между прочим, я тогда прождала тебя у милиции до часу. Дрожала от страха, а уйти не могла. Вот! Ты вышел, я испугалась – у тебя лицо было в крови. Рассекли тебе бровь. – Лиза посмотрела на Глебова и увидела, что у него одна бровь поперечным шрамом разделена надвое. – Надо же, – обрадовалась она, – у тебя сохранилась эта рассечина. – Она протянула руку, чтобы потрогать шрам кончиком пальца. – Точно, на левой брови. – Тоненький Лизин палец, украшенный аккуратным лиловым ногтем, с большим любопытством упорно тянулся через стол к Глебову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.